한국학교재시리즈

Учебное пособие

Страноведение: Внешняя политика Кореи

한국학 3

한국학센터
CENTER *for* KOREAN STUDIES
KazUIR&WL

УДК 94
ББК 65.9
С 83

Страноведение: Внешняя политика Кореи **<한국학 3>**

С 83 *Учебное пособие*

Составители: Пак Н.С. Хан Н.Ч.
Чжан Ходжонг Курманбекова В.А
Ким У.А. Борантаева Ф.Ж.
Кутулуков Ш.П. Каиркенова Г.О.

Верстка и дизайн: Центр корееведения КазУМОиМЯ
Дата: декабрь 2020 г.
Издатель: Центр корееведения КазУМОиМЯ
Адрес: Казахстан, г.Алматы, ул.Толе би, 84
Контакты: +7-727-272-6006
cks@ablaikhan.kz
http://www.canks.asia

Учебное пособие «Страноведение: Внешняя политика Кореи» состоит из лекционного курса и практических заданий, рассчитанных на 15 недель. Содержание лекций отражает внешнеполитическую деятельность Кореи начиная с ранних корейских государств до современности. Пособие будет интересно студентам бакалавриата изучающих историю и культуру Кореи, а также международные отношения в Восточной Азии.

Copyright © 2020, Center for Korean Studies KazUIR&WL

ISBN 978-601-270-461-7

УДК 338 (100-87)
ББК 65.9

"This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250007)"

Предисловие

Учебное пособие «Внешняя политика Кореи» дает характеристику основным направлениям внешней политики стран Корейского полуострова, определяет общие закономерности существования и развития внешнеполитических процессов.

Пособие призвано обеспечить овладение студентами современными знаниями фактологического материала, умением на его основе представлять объективную картину роли и места Корейских государств на разных этапах мировой истории политики, умением разбираться как в общих, так и конкретных проблемах внешней политики стран Корейского полуострова. Кроме того, иметь комплексное представление о дипломатии и внешнеполитической доктрине Корейских государств и уметь применять полученные знания на практике, самостоятельно работать с научной и учебно-методической литературой.

Вопросы, рассматриваемые в рамках курса, находятся на стыке ряда смежных дисциплин, и могут быть предметом анализа таких тем, как: экономика, внутриполитические процессы, внешняя политика, религия, философия, общественная мысль, государственные институты, право, социальная психология и другие. Составление комплексного представления о внешней политике стран Корейского полуострова формируется на основе междисциплинарного подхода.

Тематический план рассчитан на 15 недель и составлен с учетом современного состояния дисциплин, изучающих отрасли международной политики и международных отношений, а также современных внешнеполитических процессов стран Корейского полуострова.

Директор Центра корееведения КазУМОиМЯ им. Абылай хана
доктор PhD Хан Н.Ч.

Оглавление

Тема 1. Концепции внешней политики государства

Тема 2. Внешняя политика Корейских государств на ранних этапах исторического развития

Тема 3. Отношения между корейскими государствами в период троецарствия.

Тема 4. Внешняя политика Объединенной Силла и государства Пархэ

Тема 5. Внешняя политика в период Корё

Тема 6. Внешняя политика периода Чосон.

Тема 7. Активизация европейских держав на Дальнем Востоке в XIX в.

Тема 8. Корея в региональных отношениях в конце XIX – начале XX в.

Тема 9. Колониальный период и «Корейский вопрос» 1910-1945 гг.

Тема 10. Международное положение Республики Корея после 1945 года

Тема 11. Внешняя политика РК в условиях диктатуры военных

Тема 12. Внешняя политики Республики Корея в 1990-е

Тема 13. Внешняя политики Республики Корея в XXI в.

Тема 14. Двухсторонние отношения Республики Корея и Республики Казахстан

Тема 15. Внешняя политика КНДР с 1948 г. по нынешнее время

✍Список использованных источников

내용

1. 대한민국 외교 정책의 개념
2. 한반도 고대국가들의 외교 정책
3. 삼국시대 고구려, 백제, 신라의 관계
4. 통일신라와 발해의 외교 정책
5. 고려 시대의 외교 정책
6. 조선 시대의 외교 정책
7. 19세기 서구 열강들의 동아시아 진출
8. 19세기 말 - 20세기 초 한반도 정세
9. 일제 강점기의 한반도
10. 광복 이후 대한민국의 국제 정세
11. 군부 독재 시기 대한민국의 외교 정책
12. 1990년대 대한민국의 외교 정책
13. 21 세기 대한민국의 외교 정책
14. 대한민국과 카자흐스탄 공화국간의 관계
15. 1948년 이후 북한의 외교 정책

✍ 참고문헌

1 Концепция внешней политики государства

Внешняя политика - это термин, который едва ли уступает понятию государства в своем возрасте.

С самого начала истории человечества, когда начался процесс разделения племен, который привел к структурированию первобытных обществ, человеческие группы имели опыт взаимоотношений, обменов и конфликтов между группами. Конечно, было бы неправильно называть эти действия внешней политикой, но тот факт, что эти отношения существуют между группами, говорит о долгой истории человека и его первых шагах по служению интересам его клана, его племени и, в скором времени, государства. С ростом государства и отделением политической сферы от других сфер общественной жизни также возникает феномен международных отношений, а сама политика делится на внутреннюю и внешнюю.

Например, общественно-политическое мышление раннего Китая оказало наибольшее влияние на политические традиции Дальнего Востока. В китайской политической мысли наиболее заметны две тенденции: конфуцианство и легизм. Оба направления основывались на китаецентристской модели мира и придерживались противоположных представлений о принципах и методах реализации внешней политики. Центральной проблемой внешней политики Китая на протяжении многих веков была проблема отношений варваров со Срединным царством. Каждое из двух основных направлений политической мысли в древнем Китае пыталось обосновать свой подход к этим отношениям. Конфуцианство оправдывало изоляционистские тенденции в традиционной китайской внешней политике. В отличие от конфуцианства, легизм ориентирован на более активный характер внешней политики.Сначала первые легисты имели ту же точку зрения на варваров, что и первые конфуцианцы, но затем их положение изменилось. Под влиянием реальных условий легисты признали возможность и необходимость заимствовать элементы внутренней культуры или военного искусства у незнакомцев, например, технику верховой езды, когда соседние народы превосходили китайцев в этом отношении.

Статуя Шан Яна (390 до н. э. — 338 до н. э.) - китайского мыслителя и политического деятеля, одного из основоположников легизма — философско-политического учения, противного учениям даосизма и конфуцианства.

Поскольку в основе легизма лежало насилие и принуждение как наиболее эффективное средство контроля над людьми, легисты руководствовались в основном методами насилия во внешней политике.

Более или менее систематические представления о внешней политике и международных отношениях только начали появляться в эпоху Возрождения. Никколо Макиавелли был одним из первых мыслителей этой исторической эпохи, обратившихся к изучению международных отношений. Главная задача государства во внешней политике - эффективная защита его интересов. А интерес и выгода - это причины всей политики на международной арене. Макиавелли отвергает моральные нормы не только во внутренней политике, но и во внешней (международной) политике. Н. Макиавелли не верил в мирное разрешение конфликтов между государствами и считал, что реальным фактором политики является только насилие. Он считал, что каждое государство должно стремиться к самосовершенствованию, поскольку это позволит ему достичь своих целей во внешней политики. Говоря о насилии, Н. Макиавелли предложил отклонить не только моральные нормы, но и законы. В эпоху Возрождения прямой противоположностью взглядов Н. Макиавелли была внешнеполитическая концепция голландского гуманиста Эразма Роттердамского. Э. Роттердамский провозгласил ограничение применения насилия в международных отношениях и высказал мнение, что внешняя политика должна подчиняться социальным нормам, учитывающим интересы народа. Чтобы стабилизировать границы, Э. Роттердамский предложил ограничить право верховной власти иметь под своим контролем земли. Он счел целесообразным запретить суверенам продавать и передавать часть своего имущества, как если бы оно находилось в частной собственности. Э. Роттердамский уделял большое внимание моральным нормам как регуляторам внешнеполитической деятельности и ставил моральные законы в интересах государства. Однако, как сторонник мира между народами, он не был полным пацифистом, а признавал оправданность и обоснованность оборонительных войн. Другой голландский мыслитель - Гуго Гроций (1583-1645) сыграл важную роль в развитии международной политики. Он известен, прежде всего, как автор фундаметальной работы «О законе войны и мира», которая до сих пор не утратила своего значения. Эта работа подчеркивает, что международные отношения основаны на соблюдении государствами своих обязательств. Особое же значение уделяется обязательствам, связанным с применением силы. Во-первых, государства не должны применять силу для изменения политических ситуаций. В этом случае, по словам голландского гуманиста, применение насилия является преступлением.

Никколо Макиавелли (1469-1527) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель, автор военно-теоретических трудов. Макиавелли занимал в правительстве Флоренции несколько должностей, самая значимая из которых — секретарь второй канцелярии, отвечавшей за дипломатические связи республики.

Во-вторых, решение о начале военных действий должно быть обоснованным и не все преступления могут оправдать применение силы. Войны не должны начинаться из-за какого-либо преступления, потому что это не для подобной вины закон определяет соответствующее наказание. В-третьих, военные действия не могут быть предприняты немедленно, даже если государство совершает серьезное нарушение правил международной жизни, и это может стать поводом для войны. Прежде всего, следует попытаться вести прямые переговоры или принять меры по разрешению конфликта с помощью посредника. Г. Гроций осудил применение силы против государства, из которого исходит только гипотетическая военная угроза. Сам по себе «страх перед властью соседей» не дает права на активное применение силы. Он резко критиковал идеи войны, проводимые государствами «в их пользу». Он видел в таких войнах грубое нарушение правил международной жизни, полагая, что они могут разрушить «человеческое общество и взаимное общение людей».

Помимо вышесказанного, Г. Гроций сокрушался о несправедливой войне за распространение христианства, войне с отсталыми народами, а также войне со странами, которые отказались заключить предложенный им договор. Выступая против несправедливых войн, он утверждал, что не каждая война противоречит естественному закону.

Взгляды Гуго Гроция отражали реалии его времени, и современный читатель не всегда может понять его. Например, он утверждал, что войны не запрещены ни естественным правом, ни законодательством наций, ни божественными законами и могут выполнять принудительную функцию против тех, кто не может быть принужден судом. Мыслитель не признал войну народов справедливой, независимой и свободной. Гроций также выступил против создания мирового государства, полагая, что такая организация не будет эффективной.

Эмерик Крюсе, живший во Франции в первой половине XVII века, был сторонником мирных отношений между государствами. Рассматривая человеческое общество в целом, французский мыслитель считал, что «все нации связаны естественными и неразрушимыми узами».

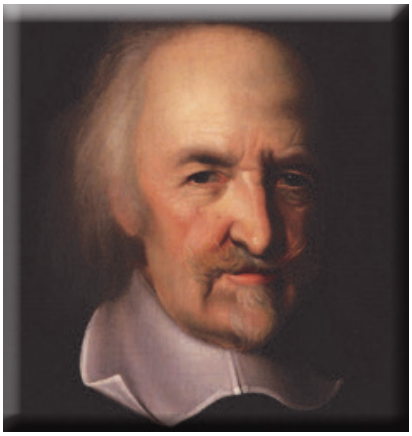
Э. Крюсе приписал очень важную роль в сближении стран международной торговле, полагая, что торговля позволяет людям улучшить свое благосостояние и в этом отношении покупатель более полезен, чем солдат. В связи с этим он призвал к дорожному строительству, созданию единой системы мер и весов, единой денежной системы.

Государства-члены единой организации должны оказывать одинаковое влияние на ее решения, независимо от их размера и местоположения. Он предложил пригласить страны Европы, Азии и Африки принять участие в работе международной организации за равные права, фактически предложив идею создания универсальной международной организации.

Другой французский мыслитель, Шарль Ирине де Сен-Пьер (1658-1743), также выступал за создание международной организации на широкой основе и предлагал предоставить этой организации право заставлять государства уважать общее суждение об участии в любой деятельности, а также создать судебный трибунал ради принятия обязательных для членов организации резолюций и создания армии для предотвращения попытки союза противостоять отдельным государствам.

Французский политолог высоко оценил роль международного права в регулировании отношений между государствами. Он разработал особую систему требований, выполнение которых, по его мнению, обеспечит защиту мира. Сен-Пьер предложил гарантировать неприкосновенность своей территориальной собственности; пересмотр

давнего «права» государств на применение силы; чтобы мирно разрешать разногласия между государствами, использовать решения международных инстанций и «суда справедливости»; ограничить вмешательство одних стран в дела других; не позволять заключать соглашения, противоречащие интересам всего сообщества государств.



Томас Гоббс (1588-1679) - английский философ-материалист, один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета.

Наследие Томаса Гоббса (1588–1679) по-прежнему имеет непреходящее значение для теории международных отношений. Подход английского философа к определению и пониманию сущности межгосударственных отношений основан на его общей социально-политической концепции, в которой человек рассматривается как эгоистическое существо, имеющее бессознательное стремление к власти, господство над другими людьми и материальное обогащение. Отношения между людьми упорядочены в рамках «гражданского статуса», но отношения между государствами сохраняют «естественный» характер. Суверенные государства не связаны какими-либо ограничениями, и сила остается единственным регулятором их отношений. По мнению английского философа, только создание мирового правительства, стоящего над властью отдельных государств, может положить конец войнам между народами. Однако сам Гоббс не верил в такую перспективу. Он был первым, кто теоретически обосновал анархистскую природу отношений между государствами Наиболее ярким представителем реалистического подхода к международной политике в Новую Эру был великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831). Он считал, что верховенство права в международных отношениях не помогает предотвращать конфликты, а наоборот ведет к разногласиям между государствами. Для Гегеля международное право - это не система положений, обеспечивающих согласованность между участниками международного общения, а ряд норм, которые «обеспечивают» возникновение конфликтов между государствами. Гегель не поддержал идею международного сотрудничества. Кроме того, философ охарактеризовал мирное время как время, когда многим «негативным» явлениям социальных отношений придается особое значение, а особые интересы государств ведут к борьбе между ними. Он также оспаривал идею улучшения международного сотрудничества и создания международного парламента. Взгляды Гегеля были использованы в XX веке в формировании основных концепций школы политического реализма.

Окончательное формирование либерального видения внешней политики и международных отношений связано с именами Эммануила Канта и Джереми Бентама. В отличие от Гегеля, его предшественник, немецкий философ И. Кант (1723-1804), отдавал приоритет морально-

правовому фактору политики. Он стремился решить проблемы войны и мира с точки зрения защиты прав и интересов народов. И. Кант очень образно считал, что политика как особая сфера государственной деятельности хотя и медленно, но и достигнет той стадии, на которой она непременно будет сиять, когда встанет на колени перед правым Английская политическая мысль современной политической науке обязана самой дефиницией «международные отношения». Она была введенв в научный оборот одним из выдающихся представителей английского либерализма Дж. Бентамом (1748-1832). Дж. Бентам считал государственные интересы и выгоды фундаментальной основой внешней политики. Но, в отличие, например, от Н. Н. Макиавелли, он считал аморальным игнорировать интересы других участников межгосударственных отношений. Фактически, Дж. Бентам выдвинул положение о том, что объективные интересы любой нации в большинстве случаев заключаются в предотвращении войн и конфликтов. Дж. Бентам осудил тех политиков и мыслителей, которые не нашли связи между моральными нормами и практикой внешней политики; в отличие от них он видел в морали одного из возможных регуляторов международных отношений. Он считал закон еще одним регулятором. Бентам представил международное право, как свод правил, которые ограничивают применение силы и произвол в отношениях между странами. Многие идеи Дж. Бентама опередили свое время и были реализованы гораздо позже. Они нашли выражение в направлении теории международных отношений, которое в XX веке. получило название политического идеализма. Что касается системы международных отношений, то следует учитывать ее структуру, а именно влияние на ее динамику социальной и внесоциальной среды. Эти два компонента чрезвычайно важны при изучении категорий внешней политики, потому что внесоциальная среда, то есть то, что существовало до появления человеческого общества (природа с ее минералами, ее вода и другие ее ресурсы) не менее важны для внешней политики, чем идеология, культура, религия и экономика, которая является социальной средой для международных отношений.

Иммануил Кант (1724-1804) - немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Он высказывался за создание равноправного союза народов и считал, что такой союз приближает человеческую расу к осуществлению идеи вечного мира.

Концепция международных отношений сформировалась с появлением суверенных национальных государств в Западной Европе, которые подчинялись гражданскому обществу и служили их интересам. После того, как государству были предоставлены полномочия по обеспечению безопасности и отношений с другими государствами, каждая нация стала частью сложной системы, в которой внешняя политика осуществлялась не только посредством взаимодействия между государственными органами, но и между другими субъектами гражданского общества, а термин «международные отношения» был придуман англичанином Дж. Бентамом на рубеже XVIII-XIX веков. Тем не менее, долгое время государство

выступало единственным участником международных отношений, поскольку неофициальные отношения между гражданскими образованиями усугублялись несовершенством транспорта и других коммуникаций. Пройдет время и научно-технический прогресс не оставит шансов на единоличное использование государством внешнеполитических механизмов и усилит отношения между частными лицами. Государственные и неправительственные международные организации, транснациональные корпорации и общественные движения сегодня находятся наравне с государством как субъектами мировой политики, и исследователи все чаще говорят о «смерти национальных государств» как субъекте международных отношений. Такая постановка вопроса была следствием того факта, что государства больше не в состоянии контролировать взаимоотношения в экономической, политической Другой категорией международных государственных отношений является международная политика, которая является основной областью межправительственных политических отношений, в соответствии с которой политика одной страны (или группы государств) по отношению к другой (или группе государств), интересы государств и пути к достижения этих интересов являются ключевыми понятиями. Субъектами международной политики сегодня являются государства, государственные коалиции и международные межправительственные организации. Основой международной политики является решение межгосударственных конфликтов и поддержка межгосударственного сотрудничества.

Началом формирования глобального формирования международной политики можно считать эпоху великих географических открытий, когда все человеческие сообщества, а вместе с ними и государства, постепенно стали узнавать друг друга. До этого международная политика существовала исключительно в местном и региональном масштабе. В конце концов, именно появление новых континентов и рынков для европейского капитала дало толчок развитию первых капиталистов в Европе, которые стали отправной точкой на пути к новому витку научно-технического прогресса. Развитие транспортных и информационных коммуникаций привело к экономическим, социальным и политическим изменениям. Глобализация мировой экономики впоследствии привела к окончанию процесса политической глобализации в середине XIX века.

Продолжая тему международных отношений, следует обратить внимание на саму теорию международных отношений. Было бы правильно начать историю с появления политической науки в середине XIX века, когда с одобрения парламентских демократий в Западной Европе и Северной Америке область государственной политики настолько изменилась, что традиционные политические знания из областей философии оказалась неактуальными, хотя именно из философии и возникли научные дисциплины, такие как политология, теория международных отношений и т.д. Затем, чтобы удовлетворить потребность в специалистах в новой области, были созданы институты, в которых обучали персонал для обслуживания политического процесса и работы в государственных и партийных структурах.

Толчком к изучению международной политики стала Первая мировая война и ее ужасающие результаты. Именно после этого масштабного конфликта была обнаружена необходимость в более углубленном изучении международных отношений. Затем в 1919 году в Университете Уэльса в Великобритании появился факультет истории и теории международных отношений. Однако период действительно бурного развития теории международных отношений произошел после Второй мировой войны, когда

возрастающая роль США в мировой политике привела к интенсивному развитию американской политической науки. Хотя сама политология и теория международных отношений в ней были признаны на международном уровне в Париже в 1948 году, в Соединенных Штатах, международные отношения, как самостоятельная образовательная и научная дисциплина, была построены немного раньше чем в Европе.

В СССР различные региональные исследовательские институты, созданные для активизации внешнеполитических программ, занимались проблемами международного характера, а сама теория международных отношений не была достаточно популярной. Интерес к теории международных отношений в советской науке и науке постсоветских государств не проявлялся до конца 1990-х годов, когда эту тему стали появляться новые научные, теоретические и педагогические методологические работы.

В комунистической идеологии социальный антипод буржуазии - пролетариат - превращается в тип международного сообщества, которое не имеет своей родины, но имеет общие классовые интересы во всех странах. Пролетарская революция, призванная положить конец господству капитала, приобретает всемирный характер.

В.И. Ленин в целом придерживался тех же взглядов на международную политику, что и основоположники марксизма, но дополнил их новыми положениями. Прежде всего, это касалось его теории империализма. Согласно постулатам этой теории, последняя стадия капитализма характеризуется господством монополий и финансовой олигархии в каждой стране, усилением внешней экспансии и стремлением к территориальному переделу мира.

Поддерживая марксистскую доктрину мировой революции, В.И. Ленин внес в нее некоторые исправления. Но, как и К. Маркс и Ф. Энгельс, он игнорировал национально-государственные интересы. Эта позиция была ясно проявлена после прихода к власти большевиков, когда их внешняя (и в значительной степени внутренняя) политика проводилась в ожидании неизбежной победы мировой революции. В результате этого ни В. Ленин, ни его соратники не были особенно обеспокоены государственными интересами самой России, рассматривая ее только как трамплин для мировой революции.

Лидеры СССР не могли полностью избавиться от идеологизированного подхода к международным отношениям до середины 1980-х годов. Попытка уйти от этого подхода, предпринятая под флагом «нового политического мышления», оказалась огромной катастрофой для внешней политики СССР, а затем и других постсоветских государств.

В новое время французский политический мыслитель Жан Боден (1530-1596) одним из

≫ Геополитика

На рубеже XIX и XX веков в изучении мировой политики и международных отношений формируется новое направление - геополитика. Появление такого направления в конце прошлого века было связано с растущей ролью глобализации в мировой политике, «уплотнения» глобального пространства Земли. Геополитика не была рождена с нуля, но она преследовала и развивала идеи географического детерминизма, которые существовали в различных социально-политических концепциях в течение нескольких столетий. Важность географических условий для внешней и внутренней политики государств была отмечена древнегреческими мыслителями Платоном, Аристотелем и другими. Эта традиция нашла свое продолжение в римской политической мысли в Цицероне и особенно в Страбоне.

первых обратил внимание на связь между географией и политикой. Он высказал мнение, что развитие суверенного государства и его власть напрямую зависят от природных условий. Идеи географического детерминизма распространились в политической мысли не только во Франции, но и в других странах, таких как Германия и Россия. В своем развитии геополитика сама прошла несколько этапов, на каждом из которых доминировала одна из национальных геополитических школ: Германия, Британия и Северная Америка.

Немецкая геополитика сыграла важнейшую роль в формировании этого научного направления. Немецкий политолог Ф. Ратцель (1844-1904) первым сформулировал предположение, что территория государства — это не просто территория, оккупированная государством, но его политическая сила. После окончания Первой мировой войны самой заметной фигурой в немецкой геополитике был Карл Хаусхофер (1869-1946). Первоначальным вкладом К. Хаусхофера в геополитические исследования была его концепция панидей. По его словам, будущий мировой порядок был представлен в виде комбинации нескольких регионов, в каждом из которых будет преобладать панидея (то есть идея, способная объединить все страны и народы определенного региона вокруг них).

В британской геополитической школе XX века. наиболее заметной является работа Хальфорда Макиндера (1861-1947). В 1904 году он отметился на собрании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории», а затем этот отчет был опубликован в форме статьи с тем же названием.

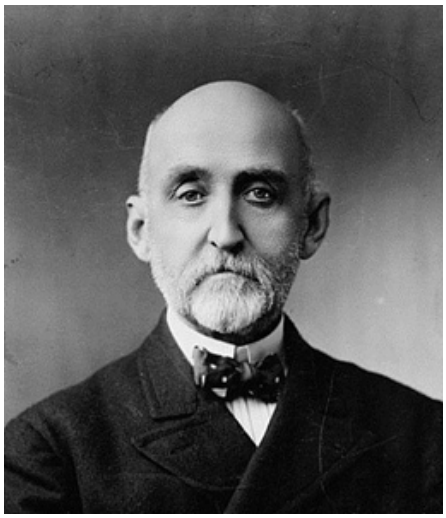
Основные черты геополитической концепции Х. Макиндера были следующими:
1) физическая география оказывает непосредственное влияние на политические процессы;
2) политическая власть каждого государства зависит от его географического положения;
3) развитие технологий меняет политический баланс сил,
как технологии меняют физическую среду;
4) континентальное ядро Земли оказывает стратегическое влияние на текущие политические процессы;
5) мир в XX веке превращается в замкнутую систему.

В отличие от других основателей геополитики, Х. Макиндер рассматривал технологическое развитие как важный фактор политических изменений. Он понимал технологии как технологический прогресс и как способ организации общества. Технология обеспечивает возможность контроля человека над природой. Такой контроль необходим для поддержания демократических принципов организации общества.

Основоположником американской геополитики был адмирал Альфред Мэхэн (1840-1914). Основная работа адмирала А. Мэхэна, ставшая настольной книгой многих государственных деятелей в первой половине XX века, называлась «Влияние морской мощи на историю (1660-1783)». В этой работе А. Мэхэн придерживается тезиса - общего для всех

направлений геополитики, о прямом влиянии географического положения на политические интересы государства. На основе этого подхода А. Мэхэн определил критерии, по которым следует оценивать геополитический потенциал государства и его основной компонент - военно-морскую мощь. Шесть из этих критериев были определены следующим образом

1. Географическое положение государства, его выход к морям, возможность морских сообщений с другими странами. Протяженность сухопутных границ, умение контролировать стратегически важные регионы. Возможность угрожать вражеским флотам своим флотом.



Альфред Тайер Мэхэн (1840-1914) - американский контр-адмирал, военно-морской историк и теоретик, один из основателей геополитики. Согласно его идеям - завоевание господства на море признавалось основным законом войны и целью, обеспечивающей победу над противником и завоевание мирового господства.

2. «Физическая конфигурация» состояния, то есть конфигурация морских побережий и количество расположенных в них портов. От этого зависит процветание торговли и стратегическая безопасность.

3. Протяжность территории (в данном случае она равна длине побережья).

4. Количество населения. Важно оценить способность государства строить корабли и обслуживать их.

5. Национальный характер. Способность людей участвовать в торговле, поскольку морская власть основана на мирной и широкой торговле.

6. Природа политической власти. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов для строительства морской мощи государства.

Николаса Спайкмена (1893-1943) можно считать наследником Альфреда Мэхэна в американской геополитике. Н. Спайкмен считал, что целью внешней политики должно быть сохранение или увеличение потенциала государства. По его мнению, территория государства является базой, с которой оно действует во время войны, а стратегическое положение, которое оно занимает во время временного прекращения огня и является миром. География - самый фундаментальный фактор внешней политики государства, потому что этот фактор самый постоянный. Спайкмен считал, что сила государства как субъекта международной политики зависит от:

1) территории;

2) характера границ;

3) численности населения;

4) наличия или отсутствия минералов;
5) экономического и технологического развитие;
6) финансовой мощи;
7) этнической однородности;
8) уровня социальной интеграции;
9) политической стабильности;
10) национального духа.

≫ Система и структура международных отношений

Политическая система мира - отношения и связи между различными государственными и негосударственными субъектами, а также результаты этих отношений и связей (международные договоры, режимы, организации и т.д.).

Система международных отношений - отношения и связи между государствами, которые в основном определяются ведущими государствами.

Международные отношения естественно делятся на политические, экономические, научно-технические, идеологические, культурные и военные отношения. Международные политические отношения, несомненно, находятся на переднем плане. Политические отношения определяются как отношения между государствами в реализации своих интересов на мировой арене. Любые проблемы межгосударственных отношений, ставшие предметом государственной политики, в том числе иностранные, которые приобрели политический характер благодаря механизму и процессу разработки и реализации этой политики, коренятся в межгосударственных политических отношениях. Экономические, научные, технические, идеологические, культурные и военные отношения влияют на политические отношения, разрывая их через внешнюю политику, через процесс формирования и реализации внешней политики государств.

Любое внутриобщественное явление становится объектом межгосударственных политических отношений только в том случае, когда оно косвенно становится объектом внешней политики государств, воплощается в целях внешней политики и деятельности внешней политики.

Принято различать несколько уровней в структуре международных отношений: глобальный, региональный, субрегиональный, международный, групповой, двусторонний.

Глобальный уровень международных отношений охватывает наиболее распространенные проблемы мировой политики, социального и экономического развития человеческой цивилизации.

При анализе регионального уровня международных отношений важнейшую роль играет категория «международный политический регион». Она означает отдельную подсистему международных отношений, которая складывается на больших географических территориях.

Однако, чисто географический фактор не является основным фактором, подчеркивающим международный политический регион. Он основан на особых экономических, политических и других отношениях, которые формируются между странами, входящими в регион.

Различия между региональным и субрегиональным уровнями международных отношений весьма условны и зависят от ориентира. В одном случае конкретный географический район можно назвать «регионом», а в другом - «субрегионом». В любом случае, субрегион является частью региона и представляет локальные группы стран с более тесными отношениями, которые имеют свою специфику по отношению ко всему региону в целом. Например, рассматриваемая нами Республика Корея, располагается в субрегионе называемом Северо-Восточная Азия, который является частью Азиатско-Тихоокенского Региона (АТР)

Международный ситуационный уровень может проявиться, как уже было сказано, на любом структурном уровне в системе межгосударственных отношений. Его главной отличительной чертой является наличие особой международной политической ситуации, которая порождает особый узел политических, военно-стратегических и других межгосударственных отношений. Типичным примером международной политической ситуации является международный конфликт.

Региональный и субрегиональный уровни международных отношений по своей сути являются групповыми отношениями. Но особый групповой уровень можно выделить в каждом отдельном регионе и субрегионе. В качестве примера групповых отношений на глобальном уровне можно упомянуть отношения в стратегическом «треугольнике» США - Китай - СССР на завершающем этапе холодной войны. В целом, во времена холодной войны мировой уровень международной политики был больше связан с советско-американскими двусторонними отношениями. Двусторонние отношения на региональном и субрегиональном уровнях шире и разнообразнее. Сегодня таким глобальным треугольником является США – Китай – ЕС.

Основополагающим законом функционирования системы международных отношений, как и любой другой системы, является закон поддержания динамического равновесия. Система находится в динамическом равновесии, потому что равновесие между государствами постоянно нарушается, а затем восстанавливается на новой основе для повторного нарушения. И так до бесконечности. Действительно, в системе международных отношений действуют различные противоборствующие силы, которые редко уравновешивают друг друга.

Существует несколько вариантов моделирования систем международных отношений. Один из вариантов был предложен американским политологом М. Капланом. В общей сложности он выделил шесть типов международных систем: система сдержек и противовесов, жесткая биполярная система, свободная биполярная система, универсальная система, иерархическая система и система вето.

В системе сдержек и противовесов основными факторами являются только национальные государства с большими военными и экономическими возможностями. Если таких государств пять или более, они заинтересованы в том, чтобы не допустить ликвидации других государств в качестве основных игроков в системе, сохраняя их в качестве будущих союзников.

В свободной биполярной системе роли различны. Она состоит из актеров различных типов: отдельных государств, государств блоков, лидеров блоков, членов блоков, неприсоединившихся стран и универсальных организаций. Союзы создаются на основе постоянных общих интересов. Войны имели бы тенденцию превращаться из локальных в общие, если бы не оказывающее сдерживающее влияние огромная разрушительная сила ядерного оружия, а также посредничество неприсоединившихся стран и универсальных

субъектов.

В принципе, жесткая биполярная система имеет много общего со свободной биполярной системой. Разница в том, что в жесткой системе роль неприсоединившихся государств отменена, а роль универсальной организации в значительной степени атрофирована.

Универсальная система является чисто предполагаемой. Она могла бы сущетсвовать, если бы ряд политических полномочий был передан универсальной организации.

Иерархическая система является своего рода универсальной модификацией, и предполагается, что это связано с изменением сферы действия глобальной международной организации или установлением единоличной власти субъекта.

Система «вето» - это система государственных субъектов, в которой каждый участник обладает значительным запасом ядерного оружия. Члены такой системы не склонны создавать альянсы. Они стремятся к тому, чтобы вероятность войны не увеличивалась, но в то же время сохранялась напряженность, которая ведет к относительной нестабильности.

Вариантом многополярного мира может быть международная система, которую М. Каплан назвал «системой вето». Она могла развиться из-за широкого распространения ядерного оружия, которое было бы очень опасно для международной стабильности и безопасности. К сожалению, некоторые тенденции современного развития свидетельствуют о возможности такого варианта. Многие эксперты писали о многополярной системе международных отношений во времена холодной войны и ссылались на возможность ее формирования в будущем. Возможное появление такой системы рассматривалось не как следствие чьих-либо пожеланий, а как результат объективных процессов, например, процесса распада биполярной системы, появления новых центров силы в ряде регионов параллельно с ослаблением власти двух тогдашних сверхдержав.

Хотя окончательная новая система международных отношений еще не сформировалась, некоторые структурные иерархии, которые ее определяют, уже видны. Например, ясно, что сегодня в мире существует только одна сверхдержава, соответствующая прежним стандартам, - Соединенные Штаты Америки. США занимают лидирующие позиции в экономической структуре современных международных отношений, в военно-стратегической структуре, а также лидируют в технологическом и научно-техническом плане. Наряду с США, Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания и Франция претендуют на роль ведущих международных игроков сегодня.

Центральной проблемой в теории международных отношений является проблема международных конфликтов. Международный конфликт - это прямой или косвенный шок для интересов двух или более сторон (государств, групп государств, народов, политических движений), основанный на противоречиях между ними объективного или субъективного характера. В силу своего происхождения эти противоречия и проблемы, возникающие в отношениях между государствами, могут быть территориальными, национальными, религиозными, экономическими, стратегическими, научными, техническими и т.д. Но в целом конфликт всегда принимает политическую форму, поскольку эти противоречия признаются и разрешаются государствами через механизмы формирования и реализации внешней политики.

В теории и на практике существуют разные способы выхода из конфликтных ситуаций. В случае международного конфликта, который уже вступил в фазу вооруженной борьбы,

стороны борются за военную победу, а победитель навязывает свою волю проигравшим. Конфликт заканчивается, но в будущем он может быть возобновлен.

Мирные способы урегулирования конфликта требуют усилий всех сторон, вовлеченных в конфликтную ситуацию, а также участия государств или других международных субъектов, не вовлеченных в прямой политический или военный конфликт.

Контрольные вопросы и задания:

1. В чем отличие внешнеполитических идей конфуцинства и легизма?
2. Выявите особенности положений о внешне политике Гуго Гроция и Эразма Роттердамского?
3. С чем связано развитие внешнеполитических воззрений в эпоху возрождения?
4. Какое значение имеет геополитика в эпоху ее становления и сегодня?
5. Насколько применима та или иная система мироустройства на современном этапе?
6. Применимы ли все концепции мироустройства на практике? Аргументируйте ответ.
7. Определите особенности системы сдержек и противовесов. Приведите пример.

2 Внешняя политика Корейских государств на ранних этапах исторического развития

Проблема Древнего Чосона — протогосударственного объединения протокорейских племен севера Корейского полуострова и Южной Маньчжурии I тыс. до н. э. — одна из наиболее дискутируемых в корейской исторической науке. По многим аспектам этой проблемы мнения исследователей значительно разнятся, что не в последнюю очередь связано с крайней нехваткой исторического материала. Основные достоверные упоминания о Древнем Чосоне можно найти в китайских источниках ханьского времени (II в. до н. э. —II в. н. э.) в крайне разобщенном виде.

В III-II вв. до н.э. в связи с общим ростом производительных сил и беспрецедентным укреплением контактов с северным Китаем в центральных районах Конфедерации Древний Чосон, начинается период скачкообразного усиления социальной дифференциации и создания новых простейших социальных структур.

Наряду с укреплением власти лидеров богатой социальной прослойки происходит институционализация власти лидеров Конфедерации Древнего Чосона над районами их военно-политического влияния. Из «первых среди равных» они становятся военными и политическими лидерами, которые имеют право мобилизовать протокорейские племена на войны с китайцами и в какой-то степени монополизировать торговлю и распространять «престижные товары» из Китая.

Сюжет мифа о Тангуне

Постоянные стычки с яньцами весьма помогали древнечосонским властителям укрепить их власть. Противостояние китайцам было общей задачей. Оно давало право мобилизовать все подчиненные Древнему Чосону протокорейские вождества на войну и глубже вмешиваться в их внутреннюю политику. Военно-политическое усиление древнечосонских правителей отразилось и в культово-религиозной области. Именно в III в. до н. э. был, по-видимому, окончательно кодифицирован миф о Тангуне, дававший древнечосонскому правящему клану «право» на освященную верховным божеством Неба власть, одновременно светскую и духовную. Легенда о древнекитайском мудреце Цзи-цзы (кор. Киджа), якобы «пришедшим на царство» в Чосон в конце II тыс. до н. э. и «наследовавшем» «династии Тангуна», окончательно оформилась, повидимому, позже, чем миф о Тангуне, а именно — в раннеханьскую эпоху.

В целом, к концу III в. до н. э. Древний Чосон обладал уже многими характерными признаками классического протогосударства. Власть правителя носила, как кажется, смешанный светско-духовный характер. Он обладал солидными мобилизационными правами. Правящий клан узурпировал, до определенной степени, отношения с «передовыми» соседями

и перераспределение «престижных товаров» из-за китайской границы.

Древнечосонская государственность формировалась под определяющим влиянием более ранних и передовых по тому времени древнекитайских моделей. В этом смысле ее можно считать «вторичной» — оформившейся на цивилизационной периферии в процессе противостояния цивилизационному центру и заимствования его культуры. «Вторичный» характер Древнего Чосона ярко выявился в процессе прихода к власти в 194 г. до н. э. беженца из китайского царства Янь по имени Вэй Мань (кор. Ви Ман). Вэй Мань (возможно, китаизированный протокореец) и его группа иммигрантов были носителями технических и военных знаний, особенно важных по мнению древнечосонской элиты. Они были великодушно приняты правителем Древнего Чосона Чуном, им были пожалованы для поселения земли на западной окраине государства. Возможно, Чун надеялся, что яньский сепаратист Вэй Мань, желавший отделить Янь от Ханьской империи, и его дружина смогут защитить древнечосонские земли от экспансии Хань. Надежды его, однако, оказались необоснованными. Освоившись в древнечосонском обществе, Вэй Мань поднял мятеж и с группой преданных ему сторонников (в основном китайских иммигрантов) узурпировал трон, вынудив Чуна бежать в южные районы Корейского полуострова. Так было положено начало «Чосону Вэй Маня» (194-108 гг. до н. э.) — историческому наследнику Древнего Чосона (до 194 г. до н. э.).

Предположительное расположение Древнего Чосона

Главной административной единицей со времен Древнего Чосона были вождества. В каждом из них племя вождя правило районом из нескольких десятков и сотен поселений. Вождества выдвигали, по приказу правителя, свои войска и обычно не могли иметь регулярных контактов с китайцами от своего имени. В остальном, все же, вождества были практически независимы.

Существование на севере Корейского полуострова тесно связанного с Поднебесной протогосударства не могло не сыграть роль в ускоренном развитии классового общества у древнекорейских племен центральной и южной части полуострова. Появление чосонских и китайских товаров и переселенцев ускорило образование племенной верхушки и формаирование ее привилегий.

Однако, правление Вэй Маня, оказалось недолгим. Проводившаяся им и его наследниками политика монополизации торговли с Китаем породила явное недовольство империи Хань. Китай стремился, большему числу древнекорейских образований, которые имели бы с ней прямые отношения формального «вассалитета». Такое стремление было оправдано

поддержанием имперского престижа среди соседних племен Северо-Востока. Возмущение правителей Хань стала разделять и определенная группа чосонских вождей. Чосонская верхушка начала бояться того, что усилившееся влияние Вэй Маня может в итоге рапространиться на ее прерогативы и автономию.

В конце II в. до н. э. часть протокорейских вождей, ранее подчинявшихся Чосону, стали искать пути перехода под прямой сюзеренитет Хань. Это было плохим знаком для правившего в то время внука Вэй Маня — Вэй Юцюя. В 109 г. до н. э. ханьский император У-ди, известный своей завоевательной политикой, спровоцировал противоречия с Юцюем и послал на усмирение Чосона огромное войско. Армия Чосон смогла нанести китайским завоевателям ряд поражений, что свидетельствует о достаточно высоких военно-технических и мобилизационных способностях чосонского общества. Однако, проханьские настроения среди большей части чосонских вождей, от которых серьезно зависел Юцюй, определили судьбу Чосона. В конечном итоге армия У-ди смогла взять древнюю столицу Чосона, крепость Вангомсон. Таким образом Чосон лишился политической независимости в 108 г. до н. э. На месте Чосона были организованны четыре китайских округа, из которых наиболее долговечным был Лолан, с центром неподалеку от Пхеньяна.

Лолан был прежде всего важным торгово-дипломатическим пунктом Китая в землях «северо-восточных варваров». В плане дипломатии, правители Лолана имели право «жаловать» знати протояпонских и протокорейских племен китайские звания, титулы и «престижные товары». Особой ценностью для местной знати были китайские зеркала и печати. В обмен было необходимо формально признать «вассалитет» и приподнести «дань местными продуктами» (железо, лошади, рыба, древесина, соль и т. д.). Конечно, формальный вассалитет не давал правителю Лолана возможности в действительности контролировать ситуацию за пределами подчинявшихся ему территорий к югу от реки Ханган и к северу от реки Амноккан. Все же, нередко власти Лолана прибегали в отношении местных вождей к политике «разделяй и властвуй».

Поощряя изобильными дарами более прокитайски настроенных правителей, лоланские администраторы стравливали их на менее покорных и более самостоятельных. Подобная политика не могла не замедлить процесс оформления мощных протогосударственных центров и сплочения вокруг них более слабых вождеств в южнокорейских землях. Впрочем, замедляющая политическая роль лоланского влияния в значимой степени компенсировалась огромным значением торговли с Лоланом для процесса аккумуляции материальных ресурсов в руках вождей и племенной знати.

Правители, имеющие доступ к роскошным и соблазнительным китайским продуктам, интерпретировались отныне как носители «высшей», «передовой» культуры, став тем самым обладателями исключительного типа авторитета и статуса. Такая социокультурная стратификация не могла не ускорить всеобщий процесс общественного расслоения в среде протокорейских племен. Ко II - III вв., когда этот механизм достиг довольно высокой ступени, в среде южнокорейских племен обострилось желание сплотить свои силы и дать отпор японцам. В 246 г. наместник округа Дайфан, созданного лоланскими властями в 206 г. из южнололанских земель (с центром к северу от совр. Сеула), выступил в карательный рейд против племен юго-западной Кореи. Набег окончился поражением китайцев и кончиной самого наместника. Хотя последовавшие за этой неудачей репрессивные акции китайцев и были достаточно результативными, сопротивление 246 г. существенно повысило статус его

инициатора — вождества Пэкче. Вскоре укрепившееся Пэкче стало одним из Трех государств древней Кореи.

Самым значимым вкладом Лолана в формирование корейской культуры было использование китайской иероглифической письменности и зачатков конфуцианских понятий среди знати протокорейских племён. Вскоре именно традиционному китайскому языку было суждено стать языком древнекорейской «высокой» цивилизации, сделав ее органической частью общерегиональной цивилизации Дальнего Востока.

Широкое использование олова и гораздо более тесные контакты с китайской цивилизацией активизировали процессы формирования первоначальных форм государственности у протокорейских племён, особенно в смежной с Китаем северной части полуострова. Применяя ту же модель, что и властители Чосона, но на достаточно высокой ступени развития материальной культуры, знать сильнейших вождеств узурпировала контакты с Китаем, брала на себя функции распределителя объектов престижа из Китая, и продолжала мобилизовать более уязвимых соседей на отпор китайской гегемонии (или нашествиям протояпонских племен). Тем самым она ставила себя в положение руководителя племенной конфедерации, а впоследствии — и цетра формирующегося протогосударства.

Открывавшиеся в ходе совершенствования производительных сил новые перспективы получения прибавочного продукта, а также необходимость давать отпор китайской интервенции и желание скопировать «социокультурные» китайские формы понемногу вело эти протогосударства в сторону усиления централизованного начала. Раньше остальных этот процесс пошел у протокорейцев северной трети полуострова и Маньчжурии, сохранивших в какой-то мере историко-культурную память о Чосоне. Ранняя государственность сложилась у них в основном в I-II вв. Она выделялась слабыми зачатками центрального аппарата и значимой ролью традиционной родоплеменный аристократии на местах. Лишь в III — IV вв., в результате вырождения социально - экономического субстрата традиционной местной аристократии (общины и общинной собственности на землю), государство сумело закончить начальный период процесса административно - политической централизации. У более отсталых племен юго-востока полуострова те же итоги были достигнуты намного позже, к началу VI в.

В соответствии с преданием, Чумон, переселенец северного племени пуё (область реки Сунгари), был сыном Небесного божества и «дочери бога реки». Последняя, очевидно, играла роль местной богини плодородия. Понимание о основоположнике государства равно как сыне мужского небесного божества, а также женского божества земли/воды сближает данную легенду с чосонским мифом о Тангуне. Затем, повествует миф, ревность не столь одаренных братьев принудила обладавшего рядом необычных качеств Чумона бежать на юг, в долину реки Ялуцзян (Амноккан). Вслед за тем, заключив брачные связи вместе с одними автохтонными вождями, а также подчинив прочих, он и создал царство Когурё в 37 г. до н. э.

Крайне скоро, впрочем, правители молодой когурёской политии существенно закрепили собственную власть, монополизировав все контакты с китайцами, а также сделав себя единственными распределителями объектов престижа из Китая. Уже к 30-м гг. I в. китайцы признают когурёского предводителя ваном — независимым государем. В течении всего I в. Когурё боевым путем подчинят значительный ряд племен северной Кореи, а также южной Маньчжурии (чона, кэма, хэнин), что дает новые резервы в распоряжение управляющей элиты.

Основной «несущей конструкцией» раннегосударственной структуры, сложившейся при государе Тхэджо, были автохтонные политии — пу. Если в каждом пу значимые дела улаживал совет из 3-4 аристократов (отпрысков правителей вождеств - на), то дела страны в целом решались на совете кочхуга, а также тэга — представителей полусамостоятельных пу. Постольку, поскольку завоевания в провинции совершались силами дружин и ополчений пу (иной армии у Когурё в I-II вв. пока что не существовало), то и надзор над данниками инородцами сохранился в руках самых сильных пу (в основном Керубу).

II—Ш вв. привнесли в действительность Когурё немалые изменения. Распространение мощных ханьских металлических плугов повысило эффективность труда в земледелии, что создало предпосылки для расслоения в общинной среде. Начался поэтапный раздел общинных территорий между отдельными семьями. Возникли как богатые крестьяне, так и безземельные и батраки, просто попадавшие в абсолютную зависимость от знати. В то же момент расслоение в общинной среде подрывало позиции наиболее слабых пу, никак не имевших потенциала выставлять мощные дружины и еще зависевших от общинного ополчения. Одновременно с этим за счет наиболее слабых пу усиливаются сильнейшие основные пу — Керубу, а также Ённобу (последнее поставляло жен ванам из Керубу). Этому несомненно помогло и приобретение у Хань тяжелого кавалеристского вооружения (включавшего доспехи для наездника и лошади), дававшего дружинам Керубу отсутствовавшее у них прежде главное превосходство - в боевой силе. Со временем уходил в далекое прошлое основной компонент племенной системы — общинное землевладение. В Когурё формировались основы для создания централизованной государственности.

Некоторое укрепление элементов централизации толкало окрепшее Когурё на интенсивную внешнюю политику. Войны и завоевания приносили знати добычу, в том числе в виде высоко оцениваемых китайских изделий, рабов, а также данников. Первая половина II в. отметилась целым рядом удачных грабительских рейдов когурёсцев против Лолана, существенно обессиливших китайскую колонию. В то же время на границе II-III вв. этнические ханьцы из северокитайских регионов массами мигрировали в Когурё, спасаясь от смут, наставших в связи с развалом империи Хань. Это обогатило Когурё значимыми людскими ресурсами. Преемник Хань, северокитайская империя Вэй, подчинила себе (не без поддержки когурёсцев) Лолан, однако потом совершило масштабный поход против Когурё, стремясь

Карта Северо-Восточной Азии на рубеже тысячелетий

ликвидировать данную преграду китайской экспансии на северо-восток. В следствии данной экспедиции столица Когурё была разбита, страна потерпела колоссальный вред (244 г.). Это, впрочем, никак не остановило когурёсцев в их попытках освободиться от китайского присутствия на Ляодуне, благополучно закончившихся в 313 г. разгромом Лолана, а также бесповоротной ликвидацией остатков китайского колониального господства в территориях протокорейских племен. В тот же период существенное количество китайцев Лолана продолжило проживать на Ляодуне, став подданными Когурё и внеся позднее большой вклад в развитие ремесел, искусств, а также государственной системы.

После этой победы Когурё потерпело длинную цепь внешнеполитических неудач. В 342 г. Столица Когурё была сравнена с землей и опустошена карательным выступлением сяньбийцев-мужунов — кочевников, которые основали в Северном Китае государство Ранняя Янь. Уже в 371 г. правитель Когурё погиб в сражении с войсками южнокорейского государства Пэкче. Выходом из внешнеполитического кризиса, для Когурё в конце III в., могло стать лишь дальнейшее укрепление централизации государства, а также создание административных институций наподобие китайских. Данные цели и преследовала деятельность правителя Сосурима (371-384), восстановившего после всех поражений величие Когурё.

Одним из основных источников людских и материальных ресурсов для Когурё стало попавшее в конце I в. в вассальную зависимость от него протокорейское племя окчо, которое заселяло Хамхынскую равнину на побережье Японского моря. По языку, обычаям и культуре это племя несильно отличалось от когурё, все же шансов сформировать свою собственную раннюю государственность у них уже не оказалось. Предводители окчо вынуждены были отдавать основную часть прибавочного продукта в виде дани Когурё и таким образом лишались возможности аккумулировать в своих руках ресурсы, которые так необходимы для формирования сложных политических структур.

Еще одним вассалом Когурё из числа протокорейских племен северо-востока полуострова были тонъе, завоеванные когурёсцами в конце II в. Тонъе обитали южнее окчо вдоль морского побережья, в районе нынешнего Вонсана (КНДР). Обладая достаточным населением, тонъе смогли развить некоторые зачаточные элементы раннегосударственной системы. Например, вождь одного из поселений тонъе получил от правителя Лолана титул вана и обладал аппаратом «подчиненных» — личных вассалов. Все же, как и в случае с окчо, вассальная зависимость от Когурё лишила тонъе значительных ресурсов, необходимых для окончательного расслоения общества и создания раннегосударственных структур.

Другим соперником Когурё в регионе было раннее государственное образование протокорейского племени пуё, которое располагалось в долине реки Сунгари. Как было указано ранее, легендарный основатель Когурё, Чумон, был выходцем из Пуё, однако это не мешало Когурё и Пуё вести ожесточенное соперничество друг с другом за обладание маньчжурскими землями. Как и в Когурё, верховный предводитель Пуё с середины I в. именовал себя ваном, обозначая соответствие Пуё критериям государственности.

Следует заметить, что правители Пуё стремились наладить выгодные для них торгово-дипломатические связи с Хань, признавая формальный вассалитет от Ханьской империи. Когда после падения Хань Лолан оказался в начале III в. политической автономией, пуёсцы вошли с ним в тесные дружеские отношения. Когда северокитайская династия Вэй напала в 244 г. на Когурё, Пуё выступило на стороне Вэй, снабжая их необходимым продовольствием.

Стремление государей Пуё к тесным связям с Китаем легко объяснимо. Ведь именно перераспределение китайских товаров престижа среди местной аристократии было для государей Пуё важным источником авторитета. Все же, после сокрушительного набега племен сяньби в 346 г. Пуё оказалось вынуждено все крепче опираться на усилившееся к тому времени на юге — Когурё. Уже к концу IV в. к Когурё перешла большая часть южных территорий Пуё. В скором времени клан правителя Пуё мигрировал в Когурё, и протогосударство прекратило своё существование из-за постоянных сяньбийских рейдов. В итоге, именно непрекращающиеся набеги кочевников Севера лишили Пуё возможности сформировать централизованное государство подобное Когурё.

Создание Пэкче поздние мифы связывают с двумя сыновьями основателя Когурё Чумона, ушедшим на юг из-за борьбы с потенциальным наследником отца. После прибытия в долину Хангана младший из братьев обосновался к северу от реки.

Ранние периоды истории государства Пэкче заполнены непрекращающимися войнами с северными племенами мохэ и соперничавшими с пэкчесцами вождествами Махана. В результате войн Пэкче к началу III в. смогло обозначить свою гегемонию над территориями современной провинции Кёнги, объединив мелкие политии этого района в достаточно серьезную протогосударственную систему.

Середина III в. оказалась периодом резких изменений в политической жизни в Пэкче. Правящие верхи, укрепив свои позиции в процессе определенного роста производительных сил в сельском хозяйстве и за счет интенсивных отношений с китайскими округами, начала реализовывать более решительную военно-экспансионистскую и централизаторскую политику. Именно в это время в административном центре Пэкче, на холме у берега реки Ханган, возводится окруженная рвом крепость Мончхон со стенами общей протяженностью около 3 км (ныне остатки крепости расположены в районе Сонпха г. Сеула). Данная крепость, способная вместить около 10 тысяч человек, явилась символом оборонительных возможностей правителей Пэкче, их могущества и власти. Остатки цзиньских сосудов, найденные в районе данной крепости, говорят об активных отношениях с Китаем. Все же, с другой стороны, правители китайских округов старались усилить престиж вождей Махан соперничавших с Пэкче и таким образом сдержать растущее влияние Пэкче. Данная политика вызывала серьезное раздражение правителей Пэкче. В скором времени, в 246 г., набрав сил и воспользовавшись благоприятной ситуацией, когда китайские войска вели войну с Когурё, Пэкче напало на Лолан и угнало в плен значительное число китайских поселенцев. Ответное карательное выступление китайцев заставило пэкчесцев вернуть пленных, но основной эффект был достигнут. Пэкче несравненно усилил свой авторитет среди маханских вождеств.

В дальнейшем, в 290-291 гг., Пэкче сумело подчинить себе основного соперника в борьбе за власть над северомаханскими землями — протогосударство Мокчи. Таким образом территория Пэкче значительно расширилась, присоединив теперь значительную часть нынешних провинций Кёнги и Чхунчхон, то есть весь центральный и северный Махан. В своих отношениях с китайцами Пэкче объединяло активные торгово-дипломатические отношения с государством Цзинь и северными китайскими колониями с постоянной борьбой против попыток правителей китайских округов ослабить пэкчесцев.

Больше не было преград для Пэкче в их стремлении установить свою власть над всеми племенами Махана.

Так же, как Керубу объединило племена Когурё, а Пэкче племена Махана, на юго-востоке полуострова объединителем племен чинхан оказалось сложное вождество Саро или Силла. Оно подчинило себе Кёнджускую равнину по берегам реки Хёнсанган и в середине I в. до н. э. этот район делили между собой шесть небольших политий, верхушка которых включала определенное количество чосонских переселенцев.

Расширение и развитие конфедерации Силла происходило в результате постоянных военных столкновений как с соседними племенами пёнхан и махан, так и с китайскими мигрантами Лолана и протояпонскими вождествами. В борьбе против внешних врагов Силла стремилось выступать как защитник интересов всех племен Чинхан, таким образом привлекая на свою сторону и позже подчиняя себе соседние чинханские политии. В конце II в. под властью Саро уже была значительная

Золотая диадема правителя Пэкче Вана Мурёна (462-523)

часть центральных и южных районов современной провинции Севеверная Кёнсан.

В середине III в. территория Силла достигла на северо-западе района нынешнего уезда Санджу, столкнувшись с районами подвалстными Пэкче. Захватывая вождества Чинхан, Силла стремилось переманивать местную верхушку на свою сторону, оставляя в большинстве случаев ее привилегированное положение, предоставляя гарантии на ее права на прежние территории. Силла нужна была лишь верность центральной власти в военно-политическом отношении, а также отправлять дань и организовывать дружины и ополчения в случае серьезного конфликта. В этой форме контроль Саро над территориями расселения чинхан сохранился к концу III в. и носил в основном конфедеративный характер.

Конец III в. стал для Силла и Пэкче переломным моментом в развитии раннегосударственных институтов. Завязав торгово-дипломатические отношения с китайской династией Цзинь и получив возможность перераспределять китайские товары престижа среди чинханских правителей вожди Силла в это время значительно усилили свой авторитет. Связи с ослабевающим Лоланом под ударами Когурё и Пэкче теряют значение для чинханской знати, и Силла укрепляет свои позиции регионального

гегемона. Попытка верхов юго-западного района Чинхана в 297 г., под предводительством потомков правителей вождества Исо, присоединенного к Саро в конце II в., напасть на центр Силла и ослабить их власть в чинханской периферии не увенчалась успехом. После поражения данного выступления власть Саро над племенами чинхан оказалась неоспоримой. Раннее государственное образование, основы которого сформировались к концу III в., еще более укрепилось позднее, в IV в., с дальнейшим расширением внешних сношений Силла и эскалацией межгосударственных конфликтов на полуострове.

В то время, когда Силла стремилось объединить чинханские племена, населявшие долину реки Нактонган, племена пёнхан, родственные чинхан, по-прежнему находились в состоянии раздробленности. Все же это не значит, что по интенсивности отношений с внешним миром, и в первую очередь китайскими округами, и развитию материальной культуры пёнхан отставали от соседей. Возможно даже наоборот — некоторые районы обитания пёнхан, и в первую очередь устье реки Нактонган (нынешний город Кимхэ), ранее славились месторождениями железа. Уже в I—II вв. развитое вождество этого района Южная Кая выступало источником железа для Лолана и племен древних японцев. Через берега Куя проходил морской маршрут из Лолана на Японские острова, и предводители Куя активно пользовались этим обстоятельством в целях развития посреднической торговли и аккумуляции богатств. В некоторой степени, Куя сумела объединить Пёнхан в форме региональной конфедерации, но в начале III в. позиции этого протогосударства серьезно ослабли, возможно, в связи с отсутствием стабильности в отношениях с Лоланом.

С III — начала IV вв. у конфедерации Куя возникают новые названия такие как Кымгван с соседними государствами и бурного внутреннего развития, к концу III («Страна железа») или Пон-Кая («Основная Кая»). Этноним Кая начинает все активнее

Доспехи воина Кая, Vв.

(«Страна железа») или Пон-Кая («Основная Кая»). Этноним Кая начинает все активнее вытеснять раннее название пёнхан. Кымгван смогло к концу III в. установить власть над всем регионом Кая. Расширилась и география международных сношений Кымгван. Постепенно установились активные связи с протояпонскими племенами центра о. Хонсю, на чье развитие эмигранты из Кая оказали огромное влияние. Позднее, в IV столетии, оказавшимся периодом бурного расцвета Кымгван, этому древнему транзитному государству стало суждено сыграть важнейшую роль в развитии межгосударственных контактов на корейском полуострове.

В целом, в результате разнообразных контактов

вытеснять раннее название пёнхан. Кымгван смогло к концу III в. установить власть над всем регионом Кая. Расширилась и география международных сношений Кымгван. Постепенно установились активные связи с протояпонскими племенами центра о. Хонсю, на чье развитие эмигранты из Кая оказали огромное влияние. Позднее, в IV столетии, оказавшимся периодом бурного расцвета Кымгван, этому древнему транзитному государству стало суждено сыграть важнейшую роль в развитии межгосударственных контактов на корейском полуострове.

В целом, в результате разнообразных контактов с соседними государствами и бурного внутреннего развития, к концу III в. у двух северных соседей - протокорейских племен когурё и пуё ранняя государственность оказалась на достаточно высоком уровне. Менее успешные гегемоны южных земель махан, чинхан ипёнхан, сумели, сохранив важные элементы племенной системы, заложить фундамент раннегосударственных институтов Пэкче, Силла и Кымгван. Таким образом, можно говорить, по меньшей мере, о пяти истоках ранней государственности в племенной среде протокорейцев. Все же, к моменту объединения всего полуострова в середине VII в., лишь три государства — Пэкче, Когурё и Силла) — претендовали на роль объединителя ранней Кореи. Данный факт присвоил всему периоду I—VII в., название «эпохи Трех государств».

Контрольные вопросы и задания:

1. Назовите факторы, способствующие формированию ранних государств.
2. Что общего во внешней политике ранних корейских государств в отношениях с Китаем?
3. Как вы считаете почему Древний Чосон является спорным историческим вопросом?
4. Определите роль полуострова Ляодун в региональной политике ранних корейских государств.
5. Почему более централизованные государства поглощали менее централизованные в ранний период истории?
6. Выявите значение мифов и легенд в отношениях между государствами.
7. Почему китайские царства стремились установить формальный вассалитет над ранними корейскими государствами?
8. Почему ранние корейские государства стремились стать формальными вассалами китайских царств?
9. Выявите особенности формирования государства Силла в сравнении с Пэкче и Когурё.

3 Отношения между корейскими государствами в период троецарствия

Пэкче с приходом к власти правителя Кынчхого (346-375), из новой линии правящей династии, начало активную завоевательную политику. После успешного отражения когурёского набега в 369 г., Пэкче, при поддержке протояпонских политий, которые активно торговали с маханцами и пёнханцами, сумело навязать свою внешнеполитическую волю ряду племен в бассейнах рек Сомджинган и Ёнсанган, а также верхнему течению реки Нактонган. Пэкче смогло до определенной степени занять позицию основного торгового и политического партнера протояпонских племен на корейском полуострове. Однако стоит отметить, что племена этих районов оставались политически самостоятельными и культурно самобытными. Обязательства этих вождеств в отношениях с Пэкче сводились к уступкам в торгово-дипломатической сфере и нерегулярном поднесении дани. Завоеванная пэкчесцами позиция основного поставщика «товаров престижа» из Китая на Японские острова оказалось серьезным ударом и по внешнеполитическому положению Кымгван, которое с того времени начало ослабевать. Пэкче определило свои новые отношения с властвовавшим в тот период на Японских островах протогосударством Ематай, отправив в 372 г. в подарок японскому властителю прекрасный «семиветвистый меч». С этого момента и до конца существования независимого Пэкче протогосударственные образования Японских островов были стратегическими союзниками пэкчесцев и приемниками развитой культуры Пэкче.

Усилив свой южный «тыл», правитель Кынчхого в 371 г. напал на главного соперника в регионе - Когурё, и одержал сокрушительную победу. Дойдя до района современного Пхеньяна с 30-тысяным войском, Кынчхого разгромил когурёсцев в битве, в которой погиб также правитель Когурё - Когугвон. В итоге Пэкче не только обозначило себя как самое сильное государство полуострова, но и присоединило большую часть земель бывшего китайского округа Дайфан, где все еще проживали искусные китайские ремесленники, обученные грамоте выходцы из аристократических семей и прочее население. Постепенному приобщению Пэкче к культурной сфере Поднебесной способствовало установление постоянных контактов с династией Восточная Цзинь из южного Китая в 372 г, ставшей к тому времени центром передовой техники и общественной организации. Контакты с Цзинь привнесли огроный вклад в развитие культуры Пэкче и практически утвердили его в качестве основного посредника в дистрибуции «товаров престижа» из Китая в южной части корейского полуострова и на Японских островах. В то же время, согласно древней китайской традиции, власти Пэкче привлекли китайского интеллектуала Гао Сина к написанию первого исторического источника Пэкче - «Исторических записей». В этот же период пэкческая аристократия знакомится с распространившимися в Южном Китае современной даосской философией и буддизмом. В 385 г. был основан первый буддийский храм в столице Пэкче. Символом величия Пэкче конца IV в. является огромный курган в районе Сокчхондон г. Сеул, предположительно он является могилой вана Кынчхого. Все же к концу IV в. непрекращающаяся борьба с Когурё, постоянные мобилизации населения на возведение крепостей и дворцов, а позже и борьба одного из аристократических

кланов, племени Чин, против укрепления монархии, серьезно подорвали Пэкче изнутри.

Годы правления когурёского правителя Квангэтхо-вана были связаны с целой плеядой блестящих побед над соседями, которые сделали Когурё одним из сильнейших и крупнейших государств Восточной Азии того времени. Начав борьбу с основным соперником в регионе, пэкчесцами, с самого начала своего восшествия на трон, Квангэтхо одержал несколько важнейших побед, значительно расширив территории в плодородной долине Есонгана. Основным союзником Квангэтхо в жесткой борьбе с Пэкче было государство Силла, которое столкнулось с пэкчесцами в ходе завоевания районов северо-запада Чинхана. Кроме того, Силла терпело постоянные нападения пэкческих союзников протояпонцев. В 392 г. Силла признает себя фактически младшим союзником Когурё. Позднее влияние Когурё значительно форсировало развитие государственных институтов Сила. Используя в качестве предлога пэкческие и японские атаки на Силла, Квангэтхо-ван в 396 г. предпринимает крупный поход на пэкческую столицу с использованием как сухопутной армии, так и флота. Осадив столицу, Квангэтхо в итоге вынудил пэкческого правителя Асина произнести унизительную клятву покорности. Таким образом Пэкче стало таким же формальным «вассалом» Когурё, как и союзное Силла.

Все же, Пэкче не хотело мириться ни с указанным унижением, ни с практической потерей власти над основной частью долины реки Ханган. Укрепив дружеские связи с протояпонскими племенами и каясцами, Пэкче готовилось к решающей битве с когурёским правителем. В то же

Государства Корейского полуострова в период Троецартсвия

время правитель Когурё Квангэтхо-ван, воспользовавшись, как предлогом, набегами японцев на «вассальное» Силла, в 400 г. наголову разбил вторгнувшихся на силаские территории протояпонцев 50-тысячной армией. Тогда же правитель Когурё помог силласцам получить контроль над стратегически расположенными на южном побережье корейского полуострова к западу и востоку от Кымгван земли Кая - район современных городов Тоннэ и Чханвон. С этого времени ослабленное Кымгван перестало претендовать на власть в среде каяских племен. Пэкче было снова разгромленно Когурё в 407 г. и тоже потеряло большую часть своего влияния на полуострове. Связи Когурё и Силла приобрели до какой-то меры форму действительного вассалитета. Государь Сила не только отправлял в столицу Когурё формальную «дань» (чогон), но даже

был вынужден мириться с присутствием когурёских военных гарнизонов в землях Силла и навязчивым вмешательством когурёсцев во внутреннюю политику Силла, например, в вопросах престолонаследия. Следует подытожить, что благодаря победам Квангэтхо-вана Когурё фактически преобразилось в гегемона южных районов Корейского полуострова. Не меньшую значимость приобрели и победы Когурё на севере. Также разгрому подверглись киданьские племена и в состав Когурё были включены земли Восточного Пуё, то есть низовья реки Тумэньцзян. Кроме того, северо-восточные прототунгусские племена сушень тоже стали данниками Когурё. Завоевав значительную часть Маньчжурии, Когурё превратилось в военно-политическую силу, с которой практически на равных приходилось разговаривать и правителям китайских династий. Все же, в этот период Когурё поддерживало формально «вассальные» взаимоотношения с той или иной китайской династией.

Время правления потомка Квангэтхо, вана Чансу (413-491 гг.), было своего рода «золотым веком» когурёской культуры и государственности. В 427 г. столицу перенесли к югу, в центр плодородной равнины на реке Тэдонган город Пхеньян. Предвидя новую опасность, в 433 г. Пэкче сформировало союз с Силла, которое желало ограничить серьезное, по их мнению, вмешательство Когурё во внутреннюю политику. В скором времени Силла выходит из сферы влияния Когурё и начинает реализовывать самостоятельную политику в регионе. Силла, сильнее сближаясь с Пэкче, помогает теперь им по мере сил бороться против вторжений Когурё.

В отношениях с китайскими государствами ван Чансу реализовывал сложную политику, формально признавая себя «вассалом» могущественного северного государства Поздняя Вэй (386-534 гг.) и одновременно поддерживая интенсивные связи с соперником Вэй, династией южной Сун (420-579 гг.). Таким образом Чансу сдерживал агрессивные претензии вэйцев. Используя данное положение, Пэкче попыталось обвинить Когурё в «неверности» династии Вэй и заключив на этой почве антикогурёский союз с ними, тем обезопасить себя от потенциальной угрозы нашествия Когурё. Однако, дипломатические усилия, не принесли пэкчесцам результатов. 30-тысячная когурёская армия в 475 г. штурмом покорила пэкческую столицу и бесповоротно отняла у Пэкче долину реки Ханган и соседние территории. Пэкческий правитель Кэро был убит. Столица Пэкче была перенесена из района нынешнего Сеула на юг, в город Унджин, современный город Конджу в провинции Южная Чхунчхон. Несмотря на то, что былое при Квангэтхо-ване положение «старшего» по отношению к Силла государства и было утрачено, все же победа 475 г. превратила когурёсцев в хозяев большей части корейского полуострова.

Понеся огромный ущерб (более 8 тысяч жителей Пэкче были угнаны в плен Когурё), Пэкче, теперь уже в новой столице Унджин на берегу Кымган, с конца 470-х гг стремилось. к постепенному восстановлению ослабевшей государственности.

Систематически происходили также призывы в армию, тренировки войск и смотры. Данная политика вкупе с прочным союзом с Силла, надежно скрепленным браком правителя Пэкче с дочерью видного силлаского аристократа в 493 г., способствовали значимым успехам пэкчесцев в борьбе с экспансией Когурё. Дальнейшее продвижение армии Когурё на юг было фактически остановлено. Даже напротив, пэкчесцы сами активно продвигались на юг. Пэкческие военные укрепления в долине реки Ёнсанган, впервые построенные на рубеже IV-V вв., подверглись дополнительному усилению.

Одеяние корейских правителей периода Троецарствия

В долину Ёнсангана начала активно проникать материальная культура Пэкче. Вождество, контролировавшее остров Чеджудо стало данником Пэкче, а торговые и дипломатические связи с ранними государствами Японии стали еще активнее.

Ранняя государственная система, основы которой были сформированы в Силла на рубеже III—IV вв., еще более институализировалась в ходе изменений конца IV в. После окончательной монополизации трон за своим кланом, государь из рода Ким Нэмуль (356-402) учредил новый титул марипкана. Соотвественно примеру Когурё, в 381 г. марипкан установил дипломатические отношения с династией Ранняя Цинь (351-394), объединявшую в то время большую часть Северного Китая.

Союзники Кая — японцы часто использовали их дружескую территорию для атак на земли Силла. В 400 г. это спровоцировало крупномасштабную карательную операцию со стороны «сюзерена» Силла, когурёского вана Квангэтхо. Японцы были наголову разбиты, а значительная часть южных районов Кая близ стратегически важного устья Нактонгана подпала под власть местных союзников Когурё — Силла. В дальнейшем Кымгван, потеряв своё господствующее положение среди южнокаяских вождеств и подвергнувшись атаке со стороны соседних каяских протогосударств, вынуждена была просить Силла о военной помощи. Таким образом, благодаря дружбе с могущественным Когурё, было упразднено серьезное препятствие на пути вторжения Силла в южные районы полуострова.

Чхомсондэ — одна из старейших уцелевших обсерваторий в Восточной Азии, построенная во время правления королевы Сондок (632—647 гг.)

Всеобщему повышению значимости государства в жизни ранних обществ Дальнего Востока способствовала также атмосфера мобилизации, которая была связана с непростой и напряженной международной ситуацией V в. С середины V в., став в 433 г. союзником

Пэкче и активно участвуя с 450-х гг., вместе с каясцами и пэкчесцами, в борьбе с проникновением когурёсцев на юг, Силла избавилось от положения «вассала» Когурё. Однако в этой связи земли Силла начали подвергаться систематическим нападениям Когурё и их союзников мохэ, и Силла вынуждено было заняться строительством линии оборонительных крепостей на своих западных и северных границах.

Возвышение Силла в V в. повлекло за собой активизацию силлаской экспансии на юг полуострова, в южнокаяские районы, постепенное включение небольших протогосударств южнокаяского района, Кымгван в частности, в орбиту силлаской дипломатии, культуры и политики. Все же, это вовсе не означало потери каясцами этнокультурной самобытности и политической самостоятельности. На смену Кымгван своеобразным центром притяжения для центральных и северных каяских вождеств стало раннее государство Тэгая («Большая Кая») усилившееся к концу V в. Данное государство располагалось в центре нынешнего уезда Корён. Возвышению Тэгая на юге полуострова способствовал временный упадок Пэкче после небывалого поражения, понесенного от Когурё в 475 г. В конце концов избавившись от «опеки», навязанной Пэкче еще во времена вана Кынчхого, северные каясцы, и в частности Тэгая, сумели уверенно выйти на сцену как самостоятельная военно-политическая и культурная сила. Подобно пэкческому государю в 479 г. правитель Тэгая, завязывает дипломатические связи с китайской династией Южная Ци и получает от нее формальную инвеституру, пусть и более низкого ранга, чем ван Пэкче. Это становиться аргументом вхождения Тэгая в ряды «цивилизованных» государств Дальнего Востока того времени. Вместе с Силла и Пэкче, Тэгая становится частью военного альянса против Когурё, и на равных с двумя более мощными соседями участвует в противостоянии продвижению Когурё на юг. Так же, как и Кымгван ранее, Тэгая формирует традиционные для каяских вождеств интенсивные контакты с японцами. Стоит отметить, что у другой северокаяской политии, Ара связи с японцами были даже более тесными чем у Тэгая. Ара располагалась на территории нынешнего уезда Хаман в провинции Южная Кёнсан. С 20-30-х гг. VI в. на ее землях даже располагалась постоянная торгово-дипломатическая миссия раннего японского государства Ямато. К середине VI в. Когурё все еще оставалось сильнейшим государством полуострова, заслуженно известным и как центр торговли, ремесла и культуры. Однако, во внутриполитической жизни Когурё уже происходили важные изменения.

Некоторое падение государственной мощи Когурё, спровоцированное вышеуказанными переменами, дополнилось внешнеполитическими сложностями. В 530-е гг. северный Китай вступил в полосу смут, перешедших в противостояние между двумя наследниками династии Вэй — Восточным и Западным Вэй. Данное обстоятельство не могло не сказаться на безопасности границ Когурё. Позже, с созданием в 552 г. Тюркского каганата, основной силой в Великой Степи на северных границах Китая стали тюрки. Начинают тревожить Когурё своими набегами как сами тюрки, так и их маньчжурские союзники - племена мохэ и киданей. Обстоятельства изменились после поражения, которое потерпели тюрки от империи Суй в 583 г. Вскоре династия Суй (в 589 г.) смогла объединить под своей властью весь Китай, закончив тем самым длившуюся почти четыре столетия эпоху раздробленности и власти «варварских» династий в северном Китае. Однако вскоре империя Суй, стремившаяся вернуть у Когурё принадлежавшие ранее династии Хань ляодунские земли и, по возможности, полностью подчинить и самих

когурёсцев, сама превратилась в серьезнейшую угрозу для государственности Когурё.

Когурё, таким образом, при всем его неоспоримом могуществе в VI в., не имело возможностей для реализации активной внешней политики в южной части полуострова. Вскоре выяснилось, что оно даже не имело возможностей достойно защищать свои южные границы от Силла и Пэкче. В противовес некоторому ослаблению Когурё, основной его соперник Пэкче, переживало в это время период социально-политического и культурного расцвета. Пэкче поддерживает одновременно тесные контакты как с японским протогосударством Ямато, так и с южнокитайской династией Лян (502-557).

В период правления Сон-вана внешняя политика Пэкче отличались необычной интенсивностью и широтой. С одной стороны, Пэкче поддерживало достаточно тесные контакты с династией Лян, приглашая оттуда искусных мастеров для украшения новой столицы, знатоков конфуцианского этикета, буддийских писаний и древнекитайской канонической поэзии. С другой стороны, захватив к 530-м гг. у Тэгая практически весь торговый маршрут по реке Сомджинган и порт Таса в его устье, ван Сон установил активные связи с Японией, отправляя туда пэкческих специалистов по медицине, астрономии, астрологии и конфуцианским канонам, некоторые из них к слову, были интеллигентами китайского происхождения. Именно в правление Сон-вана японцы начали перенимать у Пэкче буддийские писания и ритуальные предметы, что стало началом распространения буддизма на Японских островах. По распространенной версии это случилось в 552 г. Дипломатический замысел Сон-вана скрывался в дальнейшем использовании японской помощи при возможной экспансии в северно-каяские районы и для возможной борьбы с Когурё за возвращение долины Хангана.

Все же, итоги усилий пэкческого правителя были, скорее, противоположны его стремлениям. Созданная по его поручению торговодипломатическая миссия Ямато в раннем каяском государстве Ара защищала интересы не Пэкче, а каяские и все более принимала просилласкую линию. Миссия стремилась исполнять роль посредника в связях между северокаяскими политиями и Силла. Силла же, уже вначале 530-х гг., аннексировав южнокаяские владения, постепенно и неуклонно расширяло в 540-е гг. свое влияние на стратегически важный район северокаяских племен.

Ведя активную скрытую борьбу с Пэкче, Силла не переставало использовать пэкчесцев как партнеров в борьбе с проникновением Когурё на юг. Противоборство Силла с Пэкче, обусловленное прежде всего столкновением экпансионистских стремлений обоих государств в регионе Кая, вылилось наружу в 550-553 гг. После того, как Пэкче и Силла в ходе совместной военной операции вытеснили Когурё из долины реки Ханган, Силла, заключив тайное соглашение с Когурё, изгнало из долины Хангана пэкческие отряды. Вся отнятая территория была превращена в силлаский район под названием Синджу. Благодаря действия правителя Силаа Погтхына, оно начинает восприниматься в регионе как одно из «цивилизованных царств» китайского типа.

Говоря о роли буддизма в Силла, стоит отметить, что он был незаменим в начатых с 521 г. дипломатических отношениях с явно пробуддийской династией юга Китая - Лян. Если бы Силла осталась небуддийской страной, то силласцы стали бы обречены на второстепенное положение в дипломатической иерархии царства Лян, по сравнению с активно проповедовавшими буддизм Когурё и

Пэкче. Посмертное храмовое имя первого силлаского монарха буддиста - Попхын, дословно означает «подъем буддийского закона». Это свидетельствует о признании потомками заслуг Попхына в деле распространения в Силла новой религии.

Реформы государя Попхына были успешно продолжены его преемником, ваном Чинхыном (540-579), который заложил основы военно-государственной мощи Силла. Из всех достижений Чинхына более всего современников впечатляло невиданное ранее расширение территории Силла. Несомненно, Чинхын и его ближайший соратник, всесильный пёнбурён (военный министр) Исабу, смогли успешно реализовать экспасионистскую кампанию, которая сравнима разве что с успехами когурёского вана Квангэтхо. Министр Исабу в 550-553 г. без особенных потерь для Силла захватил стратегически важный район Корейского полуострова — долину Хангана, которая столетиями являлась предметом ожесточенной борьбы между Когурё и Пэкче. Секретом успеха Силла было то, что вначале, в союзе с Пэкче, оно отняло часть долины реки Ханган у Когурё, а потом, войдя в тайный союз с Когурё, войско Силла изгнало отряды Пэкче из той части долины, что была ими ранее Пэкче.

Колыбель пэкческой культуры и государственности, долина Хангана была включена в состав Силла под названием «Новая область». Данная хитрость Силла, естественно расцененная в Пэкче как предательство, так же, как и активная подготовка Силла к захвату северо-каяских территорий (считавшиеся сферой влияния Пэкче), спровоцировала силласко-пэкческую войну в 554 г. В результате относительно кратковременно войны войско Пэкче было наголову разбито. Аннексия северо-каяских районов, препринятая силласцами после той победы, в 554-562 гг., была зачастую полу-добровольной. Силласцы сохранили значительные привилегии местной аристократии и дали ей возможность продолжать служить на высоких постах в быстро расширявшейся государственной системе Силла.

К 562 г., после того, как все имевшиеся районы каяского сопротивления были без серьезных жертв подавлены, Силла стало полным хозяином фактически всей территории современных провинций Северная и Южная Кёнсан, Кёнги и Северная Чхунчхон. Таким образом Силла получило как густонаселенные и плодородные земли, так и всеобщий контроль над торговым маршрутом по р. Нактонган и выход к торговым портам на Желтом море. Более того, силласцы организовали крупномасштабную интервенцию на север, через побережье Восточного моря, и отняли у ослабевшего Когурё исконные земли племен окчо и тонъе в нынешних провинциях Южная Хамгён и Канвон.

В результате кампаний военного министра Исабу и вана Чинхын Силла фактически завладело большей частью территории Корейского полуострова. Когурё все же по-прежнему обладало большей, чем у Силла, территорией, но лишь потому, что владело значительной частью юга Маньчжурии. С 594 г. Силла становится принимает формальный вассалитет империи Суй», которая к 589 г. объединила фактически весь Китай.

Взаимоотношения с Суй имели особое значение для Силла. Данная китайская династия в начале 590-х гг. хотела организовать крупномасштабную операцию с целью уничтожения Когурё. Учитывая это Силла стремилось воспользоваться случаем и войти в союз с Суй. В конечном итоге силласцы претендовали, в случае успешного завершения войны, на территории Когурё на Корейском полуострове, Китай же стремился захватить, прежде всего, когурёские земли на Ляодуне. Подобную же политику реализовывало в данный период и Пэкче. Поддерживая активные контакты с Суй, Силла отправляло

туда определенную часть монахов на учебу. Империя Суй, которая стремилась восстановить величие Китая ханьского периода и вновь овладеть бывшими лоланскими территориями, считала все эти изменения в Когурё (неспособность Когурё справиться с Силла в долине Хангана), как проявления слабости своего восточного соперника.

Не могла не повлиять на суйского императора Вэнь-ди также и готовность Силла и Пэкче прийти китайским войскам на помощь в случае конфликта. Таким образом, воспользовавшись нападением союзных Когурё племен мохэ на Ляоси в качестве предлога в 598 г., суйский император выслал в экспедицию на Когурё 300-тысячную армию, поддерживаемую морским флотом. Результат операции оказался, однако, далек от поставленных целей. Сухопутная армия еще до столкновения с когурёскими силами стала страдать от эпидемий и голода, а флот нес ущерб от бурь. В результате армия Суй безуспешно отступила, потеряв около 80-90% личного состава погибшими. Когурё, столкнувшись в лице Суй с серьезным противником, прибегло к длинному ряду военно-дипломатических мер. Когурёский правитель Ёнъ-ян (590-618) сделал целый ряд символических уступок, признавая себя «виновным» в «прегрешениях» перед формальным «сюзереном» (Суй) и моля о мире. Формально Ёнъ-ян был «прощен» и мир был «дарован» Когурё, но в действительности Суй приступила к серьезной подготовке к следующему этапу агрессии.

Используя данное «перемирие», Когурё нанесли военные удары по потенциальным союзникам Суй, Пэкче и Силла, а также стремились завязать более тесные контакты с потенциальным противником династии Суй, Восточно-тюркским каганатом. Следующее наступление было начато в 612 г. потомком Вэнь-ди, императором Ян-ди, стремившимся отомстить за «позор» отца. На Ляодун была отправлена невиданная ранее в истории войн Китая с «варварскими» народами двухмиллионная армия. К столице Когурё Пхеньяну также был отправлен суйский военно-морской флот, однако скорого успеха это не принесло. Осажденные когурёские крепости Ляодуна самоотверженно оборонялись, не давая возможности основным силам суйцев двигаться дальше на юг, в центральные земли Когурё. Потеряв терпение, император Суй оправил ударные 300 тысяч воинов в экспедицию прямо на столицу, но успех не был достигнут. Истощенные многодневным переходом по враждебной территории, заманенные в ловушку выдающимся военачальником Когурё - Ыльчи Мундоком, суйцы были наголову разбиты в битве на р. Сальсу (нынешняя Чхончхонган). В результате из всех ударных частей уцелело всего 2700 человек, и войска Суй отошли от Ляодуна без каких-либо существенных достижений. Предпринятый в следующем, 613 г еще один поход также закончился крупным провалом. Суйцы не смогли захватить когурёские крепости на Ляодуне, а позже вести о начавшихся мятежах в южном Китае заставили императора спешно отступить с когурёских земель со своей гвардией, оставив значитльную часть армии на откуп когурёским войскам.

Как считала большая часть сановников суйского императора, очередной позорный провал бессмысленной агрессии на северо-восточных границах, а также неисчислимые жертвы рекрутированного в войско крестьянства привели к цепи народных восстаний и сепаратистских мятежей в 614-618 гг., которые закончились в итоге падением династии Суй в 618 г. В конечном итоге, самоотверженное сопротивление Когурё китайской агрессии защитило формировавшиеся на полуострове этнокультурные группы от поглощения ханьским этносом, внеся определяющий вклад в падение империи Суй.

Объединение Китая в 624-628 гг. под властью династии Тан означало, сохранение прежних угроз для Когурё. Официально «признав» ошибки неоправданной агрессии, предшествовавшей суйской династии, Танская империя на практике продолжала политику Суй в отношении Когурё. Тан готовились к новым походам на северо-восток, постепенно укрепляя отношения с южными соперниками Когурё и в частности Силла. Правители Когурё, в то же время, также реализовывали двойственную политику.

В отношениях с Тан, Когурё формально признавали себя «вассалами» и сделали череду дружественных жестов в их сторону. С другой стороны, когурёсцы активно готовились к обороне от потенциальных танских нашествий. В 620-е гг. Когурё предприняли ряд мер с целью поддержания хороших отношений с Тан, например, возвращение Китаю части пленных, которые были захвачены в период суйских кампаний. Также дружеским жестом была официальная поддержка даосизма, который находился под покровительством династии Тан, в которой основатель этого учения Лао-цзы считался предком. Вскоре губернатор Восточной области Ён Гэсомун, в 642 г. силами областных войск устроил государственный переворот, который в свою очередь, послужил предлогом к нападению на Когурё для танского императора Тайцзуна (626-649).

По иронии судьбы, император Тайцзун также захватил трон путем военного переворота посредством убийства собственных братьев. В данном отношении Тайцзун вряд ли имел моральное право обвинять Ён Гэсомуна в «измене законному государю» и «узурпации». Союзником императора Тайцзуна оказалось Силла. Стремление силласцев сформировать с Когурё союз против Пэкче оказалось напрсным и силласцы сделали упор на союз с Китаем одновременно против Пэкче и Когурё. Таким путем Силла хотело полностью избавиться от конкуренции на Корейском полуострове.

В 644-645, а затем и в 647-648 гг. соответственно 200 и 300-тысячные войска Тайцзуна нападали на Ляодун, но каждый раз терпели поражение перед упорным сопротивлением крепостей Когурё и страдая от непривычного холодного климата и были вынуждены отступать, неся серьезные потери. Когурё также несло потери. Около 70 тыс. когурёсцев было угнано в китайский плен после похода 644-645 гг. Итогом постоянных войн и мобилизаций для когурёсцев стали частые голодные годы, общая деморализация, переселение значительного числа населения, нередко и аристократии в Силла и Пэкче.

Желая предотвратить повальное истощение ресурсов Когурё, Ён Гэсомун делал все возможное для улучшения взаимоотношений с Тан, но результатов это не приносило. Танские набеги продолжались. Результатом более чем 50-летней агрессии Китая стала гибель Когурё в последствии войны против Силла и Тан в 660-668 гг. Важно отметить, что героическое противостояние когурёсцев остановило включение Корейского полуострова, либо его значительной части, в период «пика» китайской экспансии в конце VI в., в состав Китая и в итоге сохранило своеобразность формирующегося корейского этноса.

В первой половине VII в. в Пэкче была восстановлена и усилена политическая стабильность. Развить значительную внешнюю активность в этот период позволила Пэкче определенная мера внутреннего политической стабильности. С неодинаковым успехом шло непрекращающееся противостояние против Силла, так как основной целью политики Пэкче оставалось возвращение так и не отвоеванных Сон-ваном в 550-554 гг. территорий в долине р. Ханган, утраченных в 475 г. В 602 г. Пэкче потерпело масштабное поражение от

Силла, потеряв в итоге около двух третей своей армии (примерно 40 тыс. человек). Однако Му-ван смог использовать это поражение как стимул к консолидации всех группировок и слоев правящего класса перед лицом иноземной опасности. Позже, в 620-е гг., Пэкче одержало череду побед над Силла, но возвращения долины Хангана достичь не удалось.

В дипломатической сфере активно развивались контакты со вновь объединившей Китай династией Тан. С 621 г. практически ежегодно пэкческие посольства направлялись в Тан, а с 640 г. сыновья пэкческой аристократии получили возможность изучать принципы конфуцианства в Высшей Государственной школе империи Тан. Во взаимоотношениях с Японией пэкчесцы проводили относительно твердую политику, желая помешать установлению прямых контактов между Китаем и японцами – таким образом сохранить за собой фактическую монополию на распространение передовой континентальной культуры на Японских островах. Пэкче не переставало отправлять в Японию специалистов и мастеров-ремесленников. Следует отметить, что именно пэкчесцы впервые принесли на Японские острова технику изготовления черепицы, которая необходима для возмедения буддийских храмов.

Сын Му-вана, который получил после смерти храмовое имя Ыйджа (641-660), в 641 г. пришел к власти, став последним пэкческим государем. С его приходом политическая стабильность в Пэкче была достаточно быстро разрушена.

Пэкче вошло в союз с Ён Гэсомуном, военным диктатором, захватившим власть в Когурё и предприняло решительное нападение на Силла. Взяв штурмом несколько крепостей Силла в нынешнем уезде Хапчхон, пэкчесцы убили Ким Пхумсока - коменданта одной из них, который оказался зятем могущественного аристократа из Силла - Ким Чхунчху. Смерть Ким Пхумсока была воспринята как государственный позор. Уже в следующем, 643 г., когурёские и пэкческие войска попытались совместно захватить силлаский порт Танхансон на Желтом море, и таким образом пресечь силласко-китайские связи. Однако, решительный протест танского Китая остановил их.

Меры 642-643 гг. фактически привязали Пэкче к явной антисиллаской и антикитайской политике Когурё, сделав вана Ыйджа принципиальным врагом Силла. В тот же момент, лозунг «отомстим за Ким Пхумсока!» определенно сплотил силласкую аристократию вокруг противостояния с Пэкче. Также вдобавок, были осложнены, взаимоотношения Пэкче с Японией, которая была недовольна жесткими мерами по отношению к аристократам, близких японскому двору. С целью избежания гибели, новоявленные союзники — Пэкче и Когурё — должны были теперь нанести Силла решительное поражение и остановить распространение власти династии Тан на северо-восток. Однако, империя Тан была крупнейшей и сильнейшей державой всего тогдашнего мира, а его союзник Силла, благодаря успехам вана Чинхына, уже захватило большую часть Корейского полуострова. Учитывая неравенство военных и экономических возможностей, цели, поставленные когурёско-пэкческой коалицией вряд ли были реально достижимы, а дальнейшие события очень скоро показали это.

Воодушевленный успехами Ён Гэсомуна в борьбе с танским Китаем в 645-649 гг., Ыйджа-ван совершает ряд крупномасштабных походов на западные районы пограничные Силла, однако особых успехов не добивается. Видный силлаский полководец Ким Юсин (595-673) успешно противостоял атакам Пэкче. Большая неудача постигла вана Ыйджа и в сфере дипломатии. Заключившая в 648 г. формальный военно-политический

союз с Силла Империя Тан, с 651 г. стала открыто угрожать Пэкче войной в случае продолжения нападений на силлаские земли. Вряд ли могло оказать Пэкче реальную помощь и некоторое улучшение в 653 г. отношений с новым режимом, который пришел к власти в Японии после переворота Тайка. Достаточно небольшие возможности Японии, являвшейся тогда окраиной Восточной Азии, было сложно сравнить с мощью империи Тан.

Пэкчесцы, которые привыкли видеть в Когурё мощнейшую державу региона и доверявшие возможностям когурёсцев противостоять очередной волне китайской агрессии, недооценили военные возможности силласцев. Пэкче было сложно поверить, что армия Силла сможет когда-набудь подойти к их столице. Кроме того, жесткое авторитарное правление Ён Гэсомуна и Ыйджа-вана спровоцировали некоторый раскол в рядах аристократического класса двух государств. Целый ряд пэкческих и когурёских аристократов выбрали в итоге танское или силлаское правление нежели жесткому ограничению их привилегированного положения автократическим правительством.

В целом, можно считать, что поражение Пэкче и Когурё было последствием как геополитической недальновидности аристократии этих государств, так и расколом в ее среде.

Первая половина VII в. стала периодом завершения оформления основных институтов централизованного государства Силла, где аристократия оставалась достаточно сильным компонентом общества. Более того, атмосферу внутреннего единства поддерживала и постоянная внешнеполитическая напряженность. Победоносные достаточно часто для силласцев войны с Пэкче не прекращались, Когурё не оставляло попыток на возврат отобранных ваном Чинхыном земель в северной и центральной части полуострова.

Оправданной в такой ситуации была дружеская политика в отношении главного противника когурёсцев, империей Суй. Известно, что правитель Силла дважды - в 608 и 611 гг. - формально просил династию Суй об организации походов против Когурё, которое якобы угрожало верному суйскому вассалу - Силла. Это давало империи Суй право формально аргументировать агрессию против Когурё как усмирение «взбунтовавшихся варваров». Провал суйской агрессии и дальнейшая гибель самой династии Суй стали для Силла серьезным ударом. Однако после основания империи Тан, Силла достаточно скоро - в 621 г., восстановило себя в роли формального «вассала» Китая и с середины 620-х гг. дело постепенно шло к формированию антикогурёского военного союза с династией Тан.

В правление государыни Сондок (632□647) - старшей дочери вана Чинпхёна, государственными делами управляли в большей степени две группы аристократов — консервативная фракция, во главе с Ыльдже - фактически первым министром - и Альчхоном главнокомандующим войском и «молодая» группа, предводителями которой были видный полководец Ким Юсин, а также потомок вана Чинхына по боковой (не принадлежавшей к сословию сонголь) линии - Ким Ёнчхун и сын Ёнчхуна, Ким Чхунчху.

По мере того, как непрекращающиеся войны с Пэкче и Когурё создавали в стране сложную обстановку осажденной крепости и в то же время более сближали Силла с империей Тан, ставшей основным потенциальным союзником.

Основной задачей Ким Чхунчху было стремление «вбить клин» в только оформившийся пэкческо-когурёский союз и перетянуть Когурё на сторону Силла идеей совместного уничтожения Пэкче. в 642 г. Чхунчху поехал с таким предложением к Ён Гэсомуну в столицу Когурё - Пхеньян.

После того, как Чхунчху и его приближенным стало понятно, что, в условиях альянса Когурё и Пэкче, у Силла нет союзников на Корейском полуострове, силлаская аристократия взяла курс на решительное сближение с империей Тан. Фактически оформив военный альянс с танским императором Тайцзуном, Чхунчху в 645 г. послал 30-тысячную армию в экспедицию на Когурё с тыла во время китайской агрессии против этого государства.

В то время, пока шли активные боевые операции на границах Пэкче, государь Чхунчху лично посетил Китай в 648 г., был радужно встречен танским императором и окончательно сформировал дипломатический и военный союз с Тан. В знак формального вассалитета по отношению к Танской империи, Силла взяла обязательство использовать танские «девизы правления», без провозглашения своих собственных, в качестве придворной формы ввести китайские одеяния и посылать членов аристократического клана в качестве заложников в Тан.

READ MORE

Ван Тхэджон-Мурёль – блягодаря своим навыкам стратега и талантам дипломата, создал условия для объудинения Корейского полутсрова под властью Силла

Китай, в свою очередь, обязался посылать войска против Пэкче, а сам заручился обязательством Силла в помощи в предстоящей войне против Когурё. В 660 г наступил итог более чем столетия противоборства между Пэкче и Силла. К тому моменту Тан уже умерила тюрков на западных границах, установила свой полный контроль над районами Великого Шелкового Пути и тем самым создала возможности для новых войн на северо-восточных границах. 130-тысячная громадная армия под предводительством прославившегося в противостоянии с тюрками полководца Су Динфана была отправлена морем на Корейский полуостров для захвата Пэкче. В помощь Су Динфану пришла силлаская 50-тысячная армия под предводительством Ким Юсина, который к тому времени стал сандэдыном - Председателем Совета Знати.

Силлаские войска, одержав победу при Хвансане, соединились с частями танской империи и быстро атаковали оказавшуюся практически беззащитной столицу Пэкче. После многодневной упорной борьбы вану Пэкче - Ыйджа пришлось сдаться победителям.

В 663 г. решающее сражение произошло под Чурюсоном, где силласко-танское войско смогло наголову разбить как самих повстанцев Пэкче, так и поспешивший им на помощь японский флот, который Япония, видимо, боясь, что волна танской экспансии доберется и до Японских островов, отправила в качестве превентивного удара. Разочаровавшись в перспективах успеха освободительного движения, неудачливый «провозглашенный государь» Пуё Пхун сбежал в Когурё. Только несколько отрядов, с

командным центром в крепости Имджонсон стремились продолжить сопротивление, однако безуспешно. Часть этих отрядов была разбита в бою, а перешла на службу Китаю. Сопротивление на разоренных пэкческих землях к концу 663 г. практически прекратилось.

Сразу же после разгрома Пэкче был объявлен поход против Когурё. Танская армия в 50 тыс. чел. под предводительством победителя Пэкче, Су Динфана в 661 г., смогла дойти до столицы Когурё Пхеньяна и осадить его, но взять город не получилось и Су Динфан была вынужден отступить. Похожий сценарий, но в худшем варианте, повторился и в следующем 662 г., когда из-за холодов и недостатка продовольствия Су Динфан не смог довести до конца осаду Пхеньяна. Ряд крупных китайских отрядов был жестоко растерзан частями Когурё. В битвах 662 г. основной ролью войска Силла стала доставка продовольствия танской армии, а основной силой в борьбе с Когурё стала империя Тан.

В 667-668 гг. в ходе масштабной танско-силлаской экспансии, где силлаское войско скорее играло вспомогательную роль, Пхеньян был захвачен, а Когурё сокрушено как государство. В итоге земли Когурё были перестроены в китайское военное наместничество «Умиротворенный Восток».

Контрольные вопросы и задания:

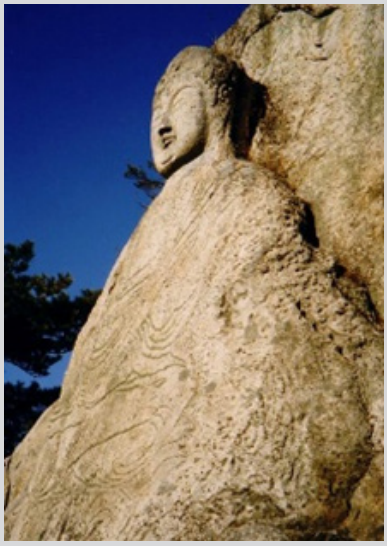
1. Выявите роль Пэкче в региональной политике во второй половине IV века.
2. В конце IV века Силла и Пэкче оказались формальными вассалами Когурё. Опишите причины этого события.
3. Определите факторы способствовавшие становлению Когурё в роли регионального гегемона.
4. Почему, являясь гегемоном Корейского полуострова в начале V века, Когурё все же оставалось формальным вассалом разных китайских династий?
5. Определите роль ранней Японии в региональной политике в Восточной Азии в период троецарствия.
6. Почему Силла в середине V века удалось выйти из вассалитета Когурё?
7. Расскажите о роли Тэгая в региональной политике в период троецарствия.
8. Какую роль Пэкче сыграло в развитии японской культуры?
9. Почему буддизм занимал важную роль в культуре Корейского полуострова в период троецарствия?
10. Опишите процесс возвышения Силла на Корейском полуострове в VII веке.

4 Внешняя политика Объединенной Силла и государства Пархэ

Разорительные карательные походы войск династии Тан, их жестокие акции по уничтожению потенциальных бунтовщиков (например, как насильственное переселено в глубь Китая около 40 тыс. когурёсцев), вскоре вызвали массовое недовольство. В 670 г оно перешло в вооруженное народное сопротивление под предводительством аристократа из Когурё Ким Моджама.

Все же, Силла, которое сознательно шло на непомерные жертвы с целью объединения Корейского полуострова под своей властью, не могло смириться с переходом большой части протокорейских земель под постоянное управление империей Тан. Китайские крепости на когурёских и пэкческих территориях означали, что любое ухудшение в контактах с Тан, либо очередное проявление экспансионистских стремлений танских правителей, могли перерости во вражескую атаку на силлаские территории с запада и севера одновременно, что могло вылиться в гибель государства. Правители Силла, к тому же, прекрасно понимали тайное желание Тан о подчинении Силла и перевода его в положение военного наместничества, которое управлялось бы танскими военачальниками и местными марионетками китайцев. Силлаская аристократия также знала и то, что военачальники Танской империи предпринимали многочисленные попытки переманить на свою сторону золотом и обещаниями силласкую знать. Подобные предложения делались видному военачальнику Ким Юсину, но безуспешно. Переход на сторону Китая значительного количества когурёской и пэкческой аристократии однозначно настораживал силлаские верхи. Это говорило о том, что для определенной части протокорейской аристократии иноземное владычество было допустимым сценарием, при условии сохранения привилегированности местной знати, и что в Силла могжет найтись коллаборационистская аристократия.

Все вышеуказанные обстоятельства делали неизбежной для правителей Силла войну за изгнание китайских гарнизонов с Корейского полуострова. К тому же, не утихавшее антикитайское сопротивление на оккупированных когурёских и пэкческих территориях, показывавшее силу этнического духа в среде общинников и некоторой части элиты, давало им веру в победу. Для Силла, хотя и не идентичного, но культурно и этнически близкого к Пэкче



Каменный будда в Кёнджу, Царство Силла VII в. Буддизм проник в Корею во второй половине IV в., однако сильное распространение получил уже после объеднения полуострова под властью Силла. Наиболее популярными культами в VI—IX веках были культы Майтреи, Шакьямуни, Амитабхи и Авалокитешвары, однако к VIII веку культ Майтреи вышел на первое место

и Когурё, союз с силами сопротивления должен был стать залогом успеха в неравной борьбе с гегемоном тогдашнего Дальнего Востока. При этом важно обозначить, что, воюя с Танской империей, Силла отнюдь не отрицало китаецентричной танской модели мира. Напротив, силласцы продолжали позиционировать себя формальным вассалом Поднебесной.

Культура Танской империи продолжала быть референтной для аристократии Силла, а их интерес к конфуцианским традициям как пути достижения общественного единения, скорее, даже усилился. В 671 г. начались непосредственные военные столкновения между Тан и Силла. С самого начала стремления силласцев были направлены на изгнание танских гарнизонов с бывших земель Пэкче, откуда танские войска легко могли атаковать центральные районы самого Силла.

Успехи Силла, достигнутые не без помощи местного населения, вызвали серьезное недовольство танского военачальника Сюэ Жэньгуя, направившего силасскому вану Мунму возмущенное послание с обвинением в измене и мятеже против танского сюзерена. Сюэ Жэньгуй, в нравах той эпохи, обвинял Мунму в самом страшном в конфуцианстве грехе — сыновьей непочтительности. Новый государь Силла, как считал китайский военачальник, не имел морального права сменить прокитайскую политику, которую вел покойный отец Мунму-вана. В ответном письме ван Мунму решительно отвергал обвинения в измене, подробно перечислив заслуги силласких правителей на службе Танской династии и аргументируя начало военных экспедиций против танских войск атаками пэкческого марионеточного правительства Пуё Юна на силлаские земли и стремлением остановить потенциальное нашествие войск империи Тан на Силла. Послание вана Мунму открыто указывало на основную идею внешней политики Силлаского государя.

Будда в храме Соккурам. Соккурам – часть буддийского монастыря Пульгукса. Строительство началось в 742 году, в Силла. Данный период времени был расцветом культуры Объединённого Силла. Строительство Соккурама было завершёно к 774 году

Силла все еще было органической частью китаецентричной модели мира, то есть вассалом Танской империи, но все же, не отказывалось от протекции своих политических интересов (в том числе и военным путем) от чрезмерных, прежде всего территориальных, амбиций династии Тан. Такой мудрый симбиоз культурного конформизма, который подрывал легитимность экспансии Танской империи, и самостоятельной линии в реальной политике, как показало время, обеспечил Силла конечный успех. Уже в 671 г. силласцы сумели

завоевать бывшую столицу Пэкче с ее окрестностями и сформировать в этих землях область Собури, которая в дальнейшем стала форпостом в противостоянии с танскими завоевателями. Однако, на землях, некогда принадлежавших Когурё, события разворачивались в заметно менее позитивном ключе. 400 тыс. солдат империи Тан были расквартированы в Пхеньяне. Они успешно уничтожали силлаские войска и жестоко расправлялись с антикитайским сопротивлением когуресцев. Щедрые китайские обещания и победы танских войск привлекли отдельных представителей силлаской аристократии на сторону династии Тан.

Силлаская верхушка была вынуждена устроить «чистку» протанской группировки в 673 г., жестоко устранив ее многих представителей. В то же время Тан начала активно использовать против Силла союзные войска северных кочевых племен — киданей и мохэ. Это заставило Силла восстановить пограничную службу, которая была упразднена после разгрома Когурё и Пэкче. В Силла снова стала ощущаться мобилизационная атмосфера, которая значительно ослабла после успхов 660-х гг. Собрав последние силы, силласцы в 675-676 гг. одержали ряд решительных побед над войсками Танской империи, таким образом освободив от захватчиков южные границы Когурё до реки Йесонган и фактически все некогда пэкческие земли. Крайне важным было уничтожение в ноябре 676 г. силласцами флота Танской империи в устье реки Кымган, которое означало полное изгнание Тан с некогда пэкческих территорий. Политика Танской империи в отношении «непокорного вассала к северо-востоку» была достаточно неоднозначной и непостоянной. Император Тан Гаоцзун то отстранял от должности непокорного «вассала» вана Мунму и ставил на его место находившегося в Китае в заложниках Ким Инмуна (брата Мунму), то возвращал Мунму к его должности. Восстановление в должности государя Силла происходило после того, как император Тан принимал «извинения» «виноватого» и был уверен в сложности разгрома силлаской армии и удержании вновь приобретенных владений на северо-восточных окраинах.

В итоге, поняв бессмысленность затяжной войны против Силла, озабоченные непростыми отношениями с другими соседныими народами, танскими правителями было принято решение перенести на Ляодун военное наместничество «Умиротворенный Восток». Таким образом, они практически (но не формально) признали, земли Корейского полуострова к югу от реки Тэдонган владениями Силла. Некоторая напряженность во взаимосвязях Силла с Тан сохранялась практически до начала VIII в., а официальное признание новых границ Силла от Тан получило только в 735 г. Однако, все это время Силла официально оставалась вассалом Танской империи и и все еще активно заимствовала достижения китайской культуры, как например лунный календарь в 674 г. Некогда земли Когурё к северу от реки Тэдонган все еще формально принадлежали Танской империи - вплоть до конца VII - начала VIII вв. Затем эти земли были захвачены основанным в 699 г. мохэскими и когурёскими выходцами новое государство Бохай (Пархэ). Вскоре под управление бохайцев перешла и большая часть главного предмета экспансионистских стремлений Танской династии — когурёская Южная Маньчжурия. Внутренними вассалами Танской империи оставались племена киданей юго-запада Маньчжурии, но и этот «вассалитет» носил формальный характер. Огромные жертвы, понесенные Суйским и Танским Китаем на северо-восточных границах, оказались фактически бессмысленными. Консолидация под знаменем Силла основной части Корейского полуострова означала, что наконец созданы политические и государственное рамки, в которых теперь могло начаться формирование новой, корейской идентичности, которая

унаследовала культуру трех предыдущих протокорейских групп - пэкче, когурё и силла.

Кампания 670-676 гг. прекрасно показывает то, что Силла не забывало и о собственных интересах, активно используя альянс с Тан. Следует заметить, конечно, то, что развязанные с середины VI в. правителями Силла экспансионистские войны против Пэкче и Когурё согласовывались с интересами господствующего класса Силла, который желал увеличить налоговые поступления аппарата власти, а заодно и повысить статус силлаского государства в системе международных отношений. Дружеские отношения с Тан, подразумевавшие тотальную войну против Когурё и Пэкче, были завязаны с группой Юсина-Чхунчху, которая, помимо государственных, отстаивала и более узкие интересы своей фракции. Война и всеобщая мобилизация способствовали обретению монархией практически автократических полномочий, на которые, в аристократическом обществе, ей было бы весьма трудно рассчитывать. Неоспоримо, что война была трагедией для жителей полуострова, которые более века не знали практически ни одного года спокойствия и постоянно подвергались мобилизациям, грабежам и насилию. Как было сказано выше, для бывшего населения Когурё и Пэкче психологическим результатом войны стали распространенные антисиллаские настроения, которые в последствии дали о себе знать в процессе распада и падения самого Силла. Все же нельзя не отметить и историческое значение процессов середины VII в., которые, при всей их трагичности, создали фундамент формирования единого корейского этноса и корейской культуры.

Важной из причин, по которым танское правительство было заинтересовано в активных контактах с Силла, стало обострение отношений с Бохай (Пархэ) в 720-30-х гг., которое было основано в 698 г. мохэскими племенами с центром в районе Дунмо - окрестностях современного Цзилиня, КНР.

Пархэ контролировало большую часть некогда когурёских территорий севернее реки Тэдонган. Пархэ было основано в результате войны мохэских племен в союзе с бывшим когурёским населением против администрации Танской империи, которая стремилась контролировать территории северо-восточных «варваров». Неудивительно, что Тан стремилось к созданию в среде мохэской аристократии прокитайских группировок, желая ослабить молодое государство.

Бохайский государь У-ван (719-737), стремясь пресечь антибохайские маневры Тан, в 733 г. послал свой флот к полуострову Шаньдун в атаку на важный китайский порт Дэнчжоу. С целью покарать Бохай за такую дерзкую акцию, Танская империя вновь сформировала военный союз с Силла. В 733 г. союзники организовали совместную атаку на Пархэ (Бохай), но потерпели сокрушительную неудачу, в некоторой степени и из-за плохих погодных условий. Однако, для Силла этот поход имел немалый результат.

В признательность за верность в войне против Пархэ династия Тан в 735 г. официально признала право Силла на обладание территорией Корейского полуострова южнее реки Тэдонган (в то время Пхэган). Связи с Танской империей, которые охладились в первой половине 670-х гг. после войны за освобождение от танских захватчиков Корейского полуострова, были в конце концов восстановлены.

В то же время, в период правления вана Сондока, Силла, идя на опережение бохайских атак, стала прилагать усилия в стремлении к колонизации некогда когурёских земель между реками Тэдоган и Йесонган, то есть северных границ Силла, которые в ходе бесконечных войн

VII в. окончательно запустели. Некоторое время определенную тревогу у силласцев вызывали атаки Японии - заморского союзника Пархэ. В 731 г. корейские источники сообщают о масштабных нападениях в 300 японских кораблей на берега Силла. Все же через некоторое время, в 740-750 гг., отношения между Тан и Пархэ, а также Пархэ и Силла нормализовались. Прямая военная угроза фактически исчезла. В 759-763 гг. японцы вынашивали планы атаки на Силла, однако были вынуждены отказаться от них из-за отсутствия поддержи со стороны Пархэ.

Таким образом, практически весь период Объединенного Силла обошелся без внешних войн, если не учитывать упомянутые ранее нападения японцев и нескольких случаев, когда Силла посылало свои войска на помощь китайским по требованию китайского императора: в 733 г. против мохэских племен и государства Пархэ, а также в 819 г. с целью подавления восстания в провинции Юньчжоу.

Период правления ванов Тхэджон-Мурёля и Мунму в 654-681 гг. был периодом серьезного усиления единоличной власти государя и установления автократии вана. Тхэджон-Мурёль и Мунму при поддержке ближайшего окружения, например, как Ким Юсин, аккумулировали в своих руках всю полноту власти, а в стремлении объединения страны они надеялись на войско и на представителей бывшей пэкческой и когурёской знати, перешедших на службу Силла. Эти изменения вызывали серьезное недовольство аристократии, которое вылилось в мятежи и заговоры. Годы правления сына Мунму - Синмун-вана (681-780) и его прямых потомков стали периодом дальнейшего усиления централизации государства и его наибольшего могущества и расцвета.

После убийства вана Хегона в результате мятежа 780 г., ванский трон перешел к боковым ветвям рода Ким, и в борьбе за власть до 861 г. соперничали две линии потомков государя Вонсона, конкурируя и с другими претендентами. Итогом борьбы претендентов стало общее ослабление государственной власти. Временем полного упадка государства стала вторая половина IX в., когда оно, ослабленное заговорами и мятежами, теряло все приобретенные территории. Кёнмун стал силласким ваном в 861 г., а его потомки правили Силла до 912 г., хотя весь этот период мятежи и заговоры потрясали государство.

Для страны значительно тяжелым был период правления Чинсон (887-897) – вана женщины. Управление государством находилось в руках ее фаворитов, которые преследовали только собственные интересы. В связи с уменьшением налоговых поступлений практически казна стремительно пустела. Ряд сановников в области Саболь в 889 г. подняли мятеж, который, по всей видимости, так и не получилось решительно подавить: в этот период распад Силла стал свершившимся фактом. С усилением внутренних противоречий внешние контакты силласцев резко ослабли. Посольства в Китай также стали отправляться реже. Дипломатические контакты с Китаем в конце 80-х годов IX в. почти совсем прекратились. С Бохаем силласцы фактически не имели дипломатических контактов. В истории известны только два случая отправки посольств в Пархэ в 790 и 812 гг.

В IX в. в некоторой степени усилились контакты с японцами. Обмен посольствами и установление дружеских отношений между Японией и Силла состоялся в 803 г. Японские посольства еще несколько раз посещали Силла в течение IX в. и им всегда оказывали дружеский прием. Однако само Силла в Японию посольств не отправляло. Некто Янгиль в 891 г. поработил более десяти уездов и округов области Ёнджу. Обосновавшийся в Вансане

Кёнхвон распространил свое влияние на юго-восточные районы области Муджу в 892 г. и провозгласил здесь создание собственного государства Позднее Пэкче. Вскоре Кёнхвон сформировал боеспособную армию и стал угрозой существованию самому государства Силла.

Кунье - бывший монах и побочный сын одного из ванов Силла, в середине 890-х годов усилил свое влияние в верхах государства. В 891 г. Кунье служил у Янгиля (захватившего часть области Ёнджу), а затем завоевал ряд уездных и окружных центров, объявив себя независимым государем. Янгиль в 899 г. попытался уничтожить Кунье, но потерпел поражение и погиб. Кунье в 901 г. провозгласив себя государем, в 904 г. учредил собственную бюрократическую систему, а его государство стало называться Маджин.

В результате, к концу IX в. Силла представляла собой арену противоборства между отколовшимися от центральной власти предводителями. Кунье был свергнут и убит Ван Гоном - одним из своих полководцев, в 918 г., который позже провозгласил новое государство Корё. Ван Гон стремился поддерживать с Силла неизменно союзнические отношения, несмотря на то, что некоторые правители силласких уездов и округов нередко перебегали под власть Ван Гона. В то же время правитель Позднего Пэкче Кёнхвон был настроен чрезвычайно враждебно по отношению к Ван Гону. Кёнхвон внезапным штурмом в 927 г. захватил столицу Силла город Кымсон, разграбил его и перебил родственников силлаского государя, а самого вана принудил к самоубийству. Посадив на трон представителя рода Ким (одного из сановников) вана Кёнсуна, Кёнхвон не решился совсем уничтожить государство Силла. К тому времени земли Силла сократились до ничтожных размеров, а последний, 56-й ван Кёнсун решил отречься от престола и перейти под покровительство Ван Гона. Оставшая силлаская аристократия также последовала примеру Кёнсуна и перешла на службу в Корё. Так в 935 г. свое существование закончило Объединенное Силла.

≫ Пархэ

После того как Пархэ на политической арене Азии стало вести себя в качестве самостоятельного государства, оно стало устанавливать дипломатические отношения с окружающим миром, и в первую очередь со своими ближайшими соседники государствами — тюрками, Японией, Силла, Тан. Для выживания необходимо было думать об организации безопасности своего государства. Для безопасности требовались союзники, поскольку

Политическая карта Северо-Восточной Азии в первой половине IX века.

существовала реальная угроза нападения, в первую очередь Китая, хотя и другие государства и политики не проявляли особой дружелюбности и каждый действовал в своих интересах и в соответствии с военно-политическими и экономическими целями.

В Пархэ была создана дипломатическая служба, в которой еще до создания государства племена мохэ были очень успешными, неоднократно отправляя свои посольства в Китай и поддерживая определенные отношения с Японией и тюрками. В целом, политическая ситуация была сложной и менялась довольно быстро, часто меняя полюса отношений. Примером этого является ситуация с тюрками. В Центральной и Восточной Азии в VIII веке в геополитических отношениях тюрки играли ключевую роль. Они были главными противниками династии Тан и активно мешали ей проводить экспансионистскую политику в отношении северных территорий. Пархэ, как только Тан начала расширять территорию, не противодействовало этому. Как только Китай ослабел и власть тюрок усилилась, Пархэ присоединился к тюркам и участвовал в противостоянии с Китаем. Поэтому первое дипломатическое посольство Пархэ отправили к тюркам и попытались установить с ними дружеские отношения.

Дипломатические отношения Пархэ - Силла. У Пархэ были довольно сложные отношения с Силла. Пархэско-силланская граница проходила с юга по рекам Тэдонган и Йонхынган. В 700 году Силла признала государство Чжэнь как «ачхан», то есть равным себе, но уже в 713 году она построила крепости на границе с Пархэ, а затем вскоре установила пограничную стену. Каждое из двух государств искало союзников, которые помогли бы уничтожить друг друга. Силла стремилась найти поддержку со стороны Китая и выжать Пархэ с фланга. Пархэ в свою очередь пыталось договориться с тюрками. По мнению современных южнокорейских ученых, в седьмом веке государство Силла действовало как национальный предатель Кореи, поддерживая Китай в уничтожении Когурё и Пэкче, и, по мнению северокорейских ученых, Силла заискивала перед великими державами.

Дипломатические отношения между Пархэ и Тан. Чтобы контролировать ситуацию в регионе, китайский император отправил посла в Пархэ в 705 году, что означало принятие в вассалитет. Отношения Пархе с Китаем были сбалансированы при Да Цзожуне. Пархэ поддерживал дипломатические отношения со всеми соседними странами, но особенно тесные контакты были с Китаем.

В 712 году, после нормализации отношений с китайской династией Тан, Цзужун получил титул вана префектуры Бохай (китайское название Пархэ), генерал-губернатора округа Хуань, и автоматически потерял своей мохэское звание. Данный акт имел двойное назначение. Титул самого вана повысил статус государя до независимого, но в сочетании с префектурой, генерал-губернаторством, воскрешение китайского топонима зависимого владения (Бохай), вытеснившего мохэский титул, придавало суверену вассальные функции. Да Цзожун, будучи правителем-вассалом, был вынужден отправить одного из своих детей в качестве заложника при дворе Тан и отправить своих послов в Китай с «данью». В то время это была обычная практика и степень независимости определялась расстоянием от Китая, а также военной и экономической мощью вассала.

В 719 году Да Цзожун умер. Когда взошел на трон его сын Да Уи , то ввел дивиз своего правления, что исключительно было привилегией Тан и Японии. Это означало, что Пархэ отныне независимо и претендует на расширение своей территории за счет непосредственного окружения, в частности земель племен мохэ, которые не были частью Пархэ, а также

возвращения земель Когурё, которые находились под контролем Силла то время. Это резко осложнило ситуацию, потому что сам Китай пытался покорить племена хэйшуй мохэ, а Силла мечтала захватить всю территорию Пархэ. Их интересы совпадали. Конкретная возможность появилась сразу же. Пархэский ван Да Уи начал конфронтацию с Тан из-за того, что в 716 г. хэйшуй мохэ в обход Пархэ отправили посольство в Тан. К тому же, когда Тан в 720 году обратилась к Пархэ за помощью, чтобы поработить си и киданей, ранее подчинявшихся тюркам, Да Уи им отказал. Хэйшуй мохэ в ответ в 726 г. отправили с данью и просьбой о покровительстве в империю Тан посольство и Тан объявила о создании административно-территориальной единицы Хэйшуйчжоу (с 725 г. область Хэйшуйфу), взяв под защиту хэйшуй мохэ. Да Уи (У-ван) считал хэйшуй мохэ своими вассалами и предпринял карательную экспедицию. Но в этот момент случились неприятности в собственной семье Да Уи, повлекшие за собой серьезные изменения. Младший брат Да Уи – Мэньи бежал в Китай, так как не хотел войны с Китаем из-за племен хэйшуй мохэ. Да Уи потребовал от Китая выдать брата, но получив отказ, 732 г. организовал набег на порт Дэнчжоу полуострова Шаньдун.

Отношения с Китаем нормализовались только при Вэнь-ване, который вступил в

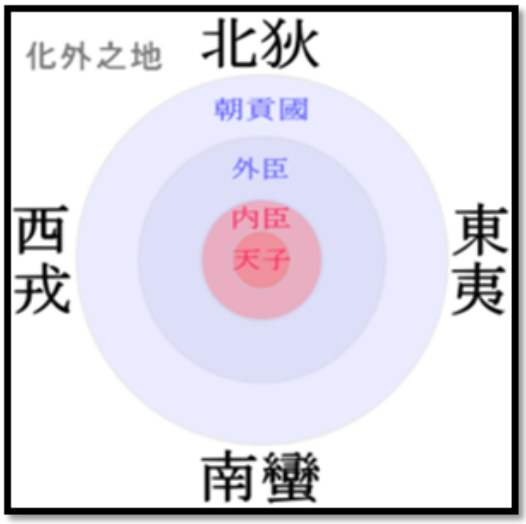


Схема китаецентрического мира. В центре — Император (天子, «Сын Неба»), второй круг — придворные (內臣, «внутренние слуги»), третий круг - региональные чиновники (外臣, «внешние слуги»). Четвертый — окультуренные варвары (朝貢國, «страны-данники»), за которыми следуют «дикие варвары» сторон света: восточные (東夷), западные (西戎), южные (南蠻) и северные (北狄). За ними простирается зона, недостижимая культрегерской миссии китайцев (化外之地, «земли вне просветительского влияния»).

Внук Вэнь-вана Сюань-ван, пришедший к власти в 818 году, значительно расширил границы Пархэ за счет племен мохэ и частично территории Силла (818–820). Но в 907 году династия Тан пала, на северо-востоке Китая наряду с другими возникла киданьская династия Ляо. Пархэ была вынуждена переориентироваться в своей внешней политике. В 901 году позднее Когурё возникло на севере Корейского полуострова, а в 918 году к власти пришло государство Корё. Позиция Пархэ стала критической - оба новых государства захватили земли Пархэ. Корё - по праву наследования земель Когурё, кидани - как завоеватели. Уже в 919 году кидани захватили часть земель Пархэ на юго-западе. В 925–926 годах киданьская армия разбила Пархэ. Пархэ-японские дипломатические отношения. Как известно, Япония поддерживала активные торгово-экономические отношения с тунгусским миром задолго до создания Пархэ. Мохэсцам удавалось регулярно посещать острова на своих маленьких кораблях. С созданием своей страны Пархэ сразу попыталось заручиться поддержкой Японии, о которой пишут не только археологические, но и письменные источники.

должность в 738 году и правил 58 лет. Пархэсцы начали ездить учиться в Китай. В 762 году Китай официально утвердил Пархэ в качестве королевства. Кроме того, у Китая в то время были свои внутренние осложнения, связанные с восстанием Ань Лушаня.

Письменные источники также содержат информацию о многочисленных посольствах Пархе, которые прибыли в Японию. Еще в феврале 728 года микадо (император Японии) послал подарки через своего чиновника Хикиду Мусимаро пархэскому правителю. Подарки состояли из 114 кусков белого узорчатого шелка, 114 кусков материала из шелка и дикой конопли, 24 клубка шелковой нити, 100 шелковых шнурков. Чиновник и другие получили в дар шелковую белую ткань с узором. В августе 729 года японский посол Хикида Мусимаро вернулся из Пархэ, доложил императору и вручил подарки из Пархэ, которые были представлены умершим правителям в шести храмах, а затем разосланы в большие храмы в разных районах.

Отношения между Пархэ и Японией стали регулярными. Посольства Пархэ прибывали в Японию в 804, 809, 810, 814, 819, 825 годах. Иногда происходили даже неприятные столкновения. Так, в 828 году пархэсцам не разрешили войти в столицу, но, вручив подарки, попросили приезжать в Японию каждые десять лет.

Отметим, что прибытие посольств в Японию было принято с особой внимательностью. В ноябре 882 года посол Пархэ прибыл в провинцию Кага со свитой из 105 человек. Ему разрешили приехать в столицу и для этого были подготовлены дороги, мосты, гостиницы, а также вино, мясо, рыба и свежие овощи. В апреле 883 года посольство было доставлено в столицу, где оно вручило послания и подарки. Микадо жаловал титулы и угощал послов. Затем послы наблюдали за стрельбой из лука. Пархэсцам была вручена «кудзудама» - украшение из пятицветной бумаги в форме шарика, которое вывешивается в комнате на 5-й день 5-го месяца для защиты от болезней. Поскольку посол Хайтей был известным ученым, Микадо приказал своему ученому Сугаваре Мицидзане, который был также знаменит, посетить его. Оба были чрезвычайно довольны друг другом. Микадо также послал одну из своих мантий послу. Когда он отправил посольство, он получил подарки и письмо пархэскому князю.

Посол Хайтэй, который был в Японии в 882 году приезжал из Пархэ во-второй раз в 895 году Встретившись со старым другом Сугавара Мицидзане, оба были рады взаимной встрече, устроили пир, где сочиняли поэтические произведения.

В январе 908 года из Пархэ прибыл сын Хайтэя посол Хайкин. Чтобы доставить его в столицу предварительно были заготовлены лошади и седла. В столице в честь него устроили торжество. Микадо пожаловал послу одну из своих одежд.

Но были и другие случаи, которые свидетельствуют о требовании строгого соблюдения дипломатической этики. К примеру, в 930 году управляющий провинцией Дева прислал сообщение, что Пархэский посол Хайкин и еще 93 человека прибыли в уезд Такеногори провинции Танго. Захваченные к тому временем киданями пархэсцы выражая неуважение к своему новому сюзерену, вызвали гнев микадо и после этой миссии, поздки Пархэцев в Японию прекратились.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какие обстоятельства сделали неизбежной войну с Силла с Танской империей?
2. Почему политика императора Империи Тан Гаоцзуна была неоднозначной по отношению к вану Мунму?
3. Объединение Корейского полуострова под знаменем Силла является важнейшим событием в истории Кореи. Почему?
4. Династия Тан в 735 г. официально признала право Силла на обладание территорией Корейского полуострова южнее реки Тэдонган. Почему?
5. Как часто силлаские правители отправляли посольства в Японию?
6. Почему Пархэ отправило первое дипломатическое посольство к тюркам, а не в Китай?
7. В 712 году Цзужун получил титул вана префектуры Бохай (китайское название Пархэ). Какое значение имел данный акт?
8. Опишите отношения Пархэ и китайских династий.
9. Опишите отношения Пархэ и Японии.

5 Внешняя политика в период Корё

Самой серьезной внешнеполитической проблемой Корё в конце X в. стало обострение отношений с усиливавшимся государством киданей - Ляо, которое было главным соперником китайской династии Сун. Кидани остерегались, что Корё, по просьбе императора Сун, нанесет по ним удар с фланга. Подобные предложения сунский император в 985 г. действительно делал вану Сонджону, но он предпочитал тактику выжидания, следя за общим положением и сторонами, оказывающимися удачливей. Не желая рисковать дружбой с Сунской империей, Корё также не отреагировало в 986 г. на предложение о мире и союзе киданьской стороны. Истолковав молчание Корё как враждебность, 800-тысячная киданьская армия в 993 г. форсировала пограничную реку Амноккан и вторглась в земли Корё. Корёсцы заранее приготовились к отражению атаки, так как были предупреждены местным чжурчжэньским населением - враждебным киданям. Все же, высокие боевые качества конницы и численное преимущество позволили киданям сокрушить передовые отряды Корё, дойти до реки Чхончхонган и перейти ее.

Ван Гон - также известный как ван Тхэджо (877-943) – основатель государства Корё, впервые объединившего Корею под властью единого правителя.

Однако, далее киданьское войско наткнулось на самоотверженное сопротивление армии Корё и не смогло продвинуться, что заставило киданьского военачальника вступить в переговоры с корёским полководцем Со Хи. Считая Корё наследником Силла, кидани требовали от правителя Корё «возвращения» корёских земель к северу от Пхеньяна, то есть бывших когурёских территорий. Дело в том, что кидани, будучи победителями Пархэ (наследника Когурё), считали бывшие земли Когурё законной своей добычей. Еще одним важнейшим условием киданей был разрыв отношений Корё с Сун и признание Ляо формальным «сюзереном» Корё. Кидани ставили целью не только повысить этим статус своей империи, но попутно пресечь вероятность сунско-корёского союза. Понимая, что потеря района Пхеньяна и северного пограничья была бы слишком большим уроном для Корё, Со Хи решительно отказался от уступок по первому пункту. Аргументом для отказа послужил тот факт, что династия считала себя наследницей Когурё (как видно даже из названия Корё) и не могла уступить «земли предков». По второму же пункту Со Хи был пришлось уступить. Корё на несколько лет

прервало официальные отношения с Сунами и объявило себя вассалом Ляо в 994 г., но это стало возможным лишь после того, как Корё получило от Сунской империи подтверждение, что она в настоящий момент не в состоянии оказать Корё содействие в борьбе с киданями. Однако этот временный разрыв не оказал существенного влияния на развитие культурного обмена и частной торговли между Сун и Корё.

Кроме прочего, аргументируя необходимостью расчистки пути для торговли с Ляо, Со Хи смог, не вызывая возражений со стороны киданей, в 993-995 гг. изгнать чжурчжэньские племена из районов к югу от Амноккана и северу от Пхеньяна, укрепив таким образом контроль Корё над этими землями. Переговоры Со Хи сохранились в истории Кореи как пример высокого искусства дипломатии. Формальный вассалитет по отношению к Ляо все же не защитил Корё от тревог. Вспыхнувшая в 1009 г. при корёском дворе династическая смута послужила предлогом для следующей экспансии киданей. При государе, вступившем на престол в 18-летнем возрасте - Мокчоне (997-1009), определяющее воздействие на политику оказывала его мать, вышедшая из рода Хванбо. Фаворитом при ней был, объявивший себя монахом, но в действительности больше интересовавшийся шаманскими культами и даосской магией, а не ортодоксальным буддизмом, честолюбивый дальний родственник Ким Чхиян (?-1009). От их незаконной связи родился сын, которого государыня и стремилась сделать следующим ваном. Ким Чхиян, чтобы реализовать эти желания, планировал даже убить вана Мокчона.

Династийный флаг правителей Корё

Однако у Мокчона тоже был свой кандидат на трон. Он стремился сделать незаконного сына вдовы государя Кёнджона Ван Суна — внука Ван Гона своим наследником. Стремления Ким Чхияна и государыни серьезно угрожали плану Мокчона. Ван Сун, насильственно постриженный в монахи, неоднократно подвергался покушениям со стороны людей Ким Чхияна. Ван Мокчон был серьезно болен и опасался за будущее династии Ванов, а также того, что в случае своей преждевременной смерти Ким Чхиян восторжествует. Он попросил военачальника Кан Джо (?-1010), который охранял северные границы от чжурчжэньских племен, позаботиться о Ван Суне и его будущем в корёской политике. Кан Джо, однако, сам стремился к власти и, устранив Ким Чхияна и его пособников (в том числе был убит и тот самый сын государыни от Ким Чхияна), он сам затем сверг с трона и убил и самого государя Мокчона. На престол все же взошел Ван Сун, который получил храмовое имя Хёнджон (1009-1031), но реальное управление страной перешло в руки людей Кан Джо.

Все же Кан Джо торжествовал недолго. Все произошедшее давало Ляо прекрасный повод для вмешательства во внутренние дела Корё и укрепления своей власти над новым «вассалом».

Чтобы «покарать Кан Джо за цареубийство» киданьский император Шэнцзун с 400-тысячной в 1010 г. армией лично выступил в поход против Корё. Не менее крупное 300-тысячное войско Кан Джо все же потерпело поражение на северных границах. Цареубийца сам оказался в плену и был казнен. Определенная часть пограничных крепостей и отрядов оказала киданям самоотверженное сопротивление. Например, Пхеньян войско киданей захватить не смогло. Оставив позади очаги сопротивления, кидани все же решили идти прямым маршем на столицу - Кэсон. Взятие Кэсона киданями в 1011 г. было отмечено небывалыми разрушениями и грабежами.

Сопротивление корёских отрядов, которое стоило киданям нескольких десятков тысяч убитыми в тылу, вынудило в результате последних отступить с территории Корё. Личную явку правителя Корё Хёнджона к ляоскому двору с «данью» - Ляо выдвинуло в качестве условия окончательного прекращения военных действий и примирения. Однако, справедливо опасаясь за свою безопасность Хёнджон на это пойти не мог.

Передача киданям шести округов к югу от реки Амноккан стало еще одним невыполнимым условием, предъявленным Империей Ляо корёскому двору. Корё не могло пожертвовать ими, так как эти округа были основной защитой на пути вторжений с севера. Ляо пытались захватить спорные округа силой в 1013-1015 гг., однако серьезных успехов не добились. Частые набеги войск династии Ляо на северные приграничные землт подтолкнули Корё к возобновлению официальных отношений с династией Сун, что в результате еще более усилило противоречия с Ляо.

Поход киданей на Корё в 1018-1019 гг. стал апогеем противоборства между двумя государствами. Более чем 200-тысячная корёская армия под командованием видного государственного деятеля и военачальника Кан Гамчхана (948—1031), а также его заместителя Кан Минчхома (?-1021) выступило против стотысячной киданьской армии, которая перешла Амноккан и направлялась к столице Корё. Корёские отряды уклоняясь от решительной битвы и пользуясь хорошим знанием местности, нанесли ряд болезненных ударов по киданьскому войску. Киданьский военачальник, несмотря на понесенные потери, предпочел продолжать поход на Кэсон, однако, вынужден был отступить, встретив в окрестностях столицы хорошо организованное сопротивление армии Корё. К следующему 1019 г., киданям с большим трудом удалось пробиться к крепости Куджу на юге от реки Амноккан, но здесь войско Кан Гамчхана их уже поджидало в засаде. Разгром ляоской армии в битве под Куджу был окончательным — лишь нескольким тысячам воинов удалось вернуться на родину.

Сокрушительная победа над мощнейшей армией Восточной Азии того времени не могла не повысить международный престиж хозяина Корейского полуострова. Также ощутимой была и добыча, добытая Кан Гамчханом. Ляо пришлось отказаться от прежних требований личной явки корёского государя или передачи шести округов. В тот же момент Корё не могло игнорировать реального соотношения сил, которое складывалось в тот период в пользу империи Ляо. Отношения между Корё и Ляо нормализовались с 1022 г.: Хёнджон признал себя номинальным вассалом киданей, начал регулярно направлять в Ляо посольства с «данью» и принял киданьскую инвеституру. На некоторое время пришлось прервать официальные отношения с Сун, хотя торговля от этого практически не страдала.

Следует заметить, что военные действия не подразумевали прекращения связей между

корёсцами и киданями на неофициальном уровне. В Корё проживало немало киданей, которые предпочитали покинуть родину по разным причинам. Корё активно торговало с северными соседями, поставляя им свои продукты ремесленного производства и получая взамен отсутствовавшие на полуострове (например, баранину) товары.

Противоборство между правящими династиями в то время вовсе не означало обязательную всеобъемлющую враждебность их подданных по отношении друг к другу: средневековье, в отличие от сегодняшних дней, не знало национализма и тотальных войн. Товарный обмен на неофициальном уровне и война на уровне государств могли зачастую происходить одновременно. В дальнейшем взаимоотношения с киданями осложнялись не раз, что ставило Корё на порог военного конфликта. Активно заняться освоением северных районов побудила Корё именно угроза с севера.

Корёсцы активно налаживали контакты с приграничным населением — чжурчжэньскими племенами, пытаясь заручиться помощью союзников в северных окраинах. Их миссии ко двору Корё щедро одаривались, а их старшинам и вождям давались почетные должности и титулы. Торговля с чжурчжэньскими деревнями также поощрялась. В результате многие чжурчжэни переходили в подданство государя Корё. Переходя в подданство Корё, чжурчжэни получали землю, на время освобождались от налогов и пользовались другими привилегиями. Например, первое поколение переселенцев находились под юрисдикцией не корёского законодательства, а чжурчжэньского обычного права. Интенсивные контакты с чжурчжэнями и киданями расширяли культурные рамки Корё и делали его продолжателем когурёской традиции с полиэтническим компонентом.

Строительство пограничной стены по рубежам Корё от устья реки Амноккан до побережья Японского моря в 1033-1044 гг., стало еще одной мерой по обороне от опасностей с севера. Помимо указанной гигантской стены, на севере также был возведен ряд крепостей. В эти районы переселяли население южных районов полуострова.

Указанные меры способствовали началу оформления единого корейского этноса, сглаживая хозяйственные, лингвистические и культурные различия между представителями северных и южных районов. Основным внешнеполитическим стремлением корёского правительства с конца XI в. было урегулирование контактов с северными племенами чжурчжэней. Чжурчжэни и в первую очередь жители территорий к югу от реки Туманган исконно считали Корё доминирующей силой в регионе, то есть «старшим государством». Многие из чжурчжэньских вождей не только часто и переходили в корёское подданство, но и посылали к корёскому двору миссии с данью, а также получали почетные корёские титулы и чины. Буддизм к чжурчжэням впервые пришел именно из Корё.

С другой стороны, мастера из Корё принесли чжурчжэням культуру обработки серебра. В то же время немало хлопот причиняли корёским властям воинственные чжурчжэни. Пиратские атаки чжурчжэньских боевых лодок нередко тревожили даже некогда силласкую столицу Кёнджу, находившуюся достаточно далеко от северной границы. Корёсцы же напротив, под решающим влиянием ортодоксальной концепции Сунской империи, считали чжурчжэней «варварами по природе» либо «зверей в человеческом облике», а также потенциальных грабителей.

Даже чжурчжэни, перешедшие в подданство Корё, не пользовались исчерпывающим доверием местных властей. Важной заботой для кэсонского двора постоянно оставалась

защита северных границ от набегов варваров. Один из родов, который проживал в среднем течении реки Сунгари, и возводил свои корни к племенам чернореченских мохэ (VI-IX вв.) - клан ваньянъ, к концу XI в. возвысился в чжурчжэньской среде. Уясу – старейшина клана ванъянъ стал посылать войска к корёским границам, делая чжурчжэньские поселения своими данниками, которые уже платили дань Корё. Сукчон, опасаясь атак Уясу на корёские земли, отправил в 1104 г. на «покорение чжурчжэней» видного государственного деятеля и полководца Юн Гвана (?-1111). Однако, результат был неутешительным — до половины личного состава потеряло корёское войско в сражениях с чжурчжэньской конницей. Юн Гван вынужден был заключить унизительный мир с чжурчжэньским предводителем и отступить.

Для Корё урок не прошел даром. Новая Особая Армия - Пёльмубан была срочно сформирована как дополнительное войско по предложению Юн Гвана. В состав Пёльмубан входили пехотный (синбогун) и кавалерийский (сингигун) корпуса, а также ряд специализированных отрядов (лучники, копейщики) и подразделения зависимых монастырских крестьян и монахов. Особая Армия проходила активную тренировку; в ее состав принимались не только горожане и свободные крестьяне, но и рабы. Расходы государства на армию невообразимо возросли. В результате, вскоре после прихода нового государя, Еджона (1105— 1122), военачальник Юн Гван все же сумел смыть с себя позор компании 1104 г. 170-тысячная армия Юн Гвана В 1107 г. пошла походом на чжурчжэньские территории.

В результате двухлетнего противостояния армия Корё, понеся внушительные потери, погубило почти 400 чжурчжэньских старейшин и вождей, разгромило и сожгло около 150 небольших крепостей и больших сел, отправило заложниками в столицу 346 пленных и создало на чжурчжэньских территориях к югу от реки Туманган 9 крепостей, населенных военными поселенцами из Корё. Юн Гван оправдывал жесткие меры в отношении к чжурчжэням тем, что населенные ими территории некогда принадлежали Когурё, а мохэ - предки чжурчжэней, были вассалами Когурё.

В общих чертах, атаки чжурчжэней на Корё можно было расценивать как бунт против законного властелина вассальных варваров. Однако в 1107-1108 гг. Юн Гван захватил больше территорий, чем государственный аппарат мог эффективно контролировать; крепости Корё постоянно подвергались атакам чжурчжэньских отрядов, и было понятно, что крепости не устоят после отхода основной армии. Поэтому Юн Гвану во время мирных переговоров в 1109 г. пришлось согласиться на требование Уясу об упразднении тех самых девяти крепостей Корё и возвращении чжурчжэням всех ранее захваченных территорий. В ответ старшина Уясу дал обещание отказаться от нападений на корёские земли и исправно платить «дань» корёскому двору. В итоге, корёские поселенцы и воины покинули чжурчжэньские земли, а крепости были снесены.

Хотя война 1107-1108 гг. не принесла территориальных приобретений Корё, результатом ее стало очевидное спокойствие на северном приграничье. Дальнейшая цепь событий поменяла акторов международной политики того времени местами. Клан ванъянь объединив чжурчжэньские племена, в 1115 г. провозгласил Агуду (младшего брата Уясу) государем новой империи Цзинь, в том же году разгромившую киданьские войска и направившуюся на захват северного Китая и установление гегемонии в регионе. Корё пришлось покорно согласиться с тем, что с 1117 г. Агуда называл себя «старшим братом» корёского правителя и

отказаться от всех прошлых претензий на сюзеренитет над чжурчжэньскими племенами.

Чжурчжэни в союзе с Сун окончательно разгромив империю Ляо (номинального «сюзерена» Корё) в 1125 г., потребовали от Корё уже официального признания вассального положения по отношению к Цзиньской империи. Несмотря на возмущения большинства влиятельных конфуцианских деятелей, привыкших считать чжурчжэней «пограничными дикарями», в действительности управлявший в тот момент страной влиятельный сановник Ли Джагём (?-1126) на требование чжурчжэней ответил согласием. Таким образом Корё продолжило платить Цзиньской династии ту же формальную дань и на тех же условиях, что до того оно платило Империи Ляо. После разгрома Ляо последовала война между бывшими союзниками Сун и Цзинь. Корё оставалось в стороне, решительно отвергая как просьбы Сун об антицзиньском договоре, так и просьбы сунских сановников о посредничестве в переговорах о возвращении императора, плененного чжурчжэнями.

В тот же момент часть оппозиционных сепаратистских групп в Корё, например, клика Мёчхона в Пхеньяне, занимала принципиальную антицзиньскую позицию, и вопрос об отношениях с чжурчжэнями вставал в ходе антиправительственных выступлений. Формально Корё продолжало признавать «сюзеренитет» Цзинь вплоть до уничтожения чжурчжэньской империи монголами, хотя для конфуцианской элиты Корё цзиньцы так никогда и не стали «законными» и «настоящими» хозяевами Поднебесной. Культурные и торговые связи с Южной Сун были достаточно интенсивными, но к политическому сближению Корё не стремилось, опасаясь гнева династии Цзинь.

Важно отметить, что внешняя политика Корё в сложной ситуации противоборства и войн между Ляо, Сун и Цзинь показывала достаточную степень реализма — навыков, пренебрегая формальностями и стереотипами, формулирования и отстаивания собственных государственных интересов. Корё сохранило этнокультурную самобытность и государственную независимость благодаря гибкой дипломатии, которая также позволила избежать разорительных войн с «варварскими» империями севера. После драмы 1170 г. (восстание Чон Джунбу и приход к власти военных) политическая история Корё становится продолжающейся около четверти века бесконечной чередой переворотов, мятежей, контр-переворотов, восстаний и бунтов.

Развитие Корё под диктаторским правлением военного клана Чхве изначально шло в благоприятных международных условиях. Государство Южное Сун и чжурчжэньская империя Цзинь вплоть до 1210-х гг. были бесспорными гегемонами Восточной Азии, противостоявшими друг другу. Оба соперника располагались на одинаковом этапе социально-экономического развития; но в то же время чжурчжэни добились военного превосходства над Сун, которое обеспечивало также военно-политическое равновесие и номинальным вассалам Цзинь, в том числе и Корё. Однако в связи с прогрессом в объединении монгольских племен с конца XII в., достигнутым вождем одного из монгольских родов Темучжином (Чингисханом), ситуация стала стремительно меняться.

На знаменитом курултае у истоков реки Онон в 1206 г. Темучжин был провозглашен верховным правителем всех монголов. Обладая регулярной стотысячной армией и жестким военно-административным делением, к тому времени новое государство стало уже достаточно централизованным. Серьезнейшей угрозой для империй и государств Восточной Азии было конное войско закаленных в бесконечных междоусобицах кочевников, которые

были связаны как традициями родоплеменного единства, так и новым, крайне суровым общегосударственным законом коллективной ответственности (казни) всего подразделения за трусость одного воина в бою. В 1210 г., сделав тангутское государство Си Ся своим вассалом в результате успешного похода, Чингисхан предпринял успешную кампанию против чжурчжэней в 1211-1216 г., когда взял 862 крепости Цзиньской империи, в том числе Пекин в 1215 г., являвшийся столицей Цзинь. Значительная часть ранее покоренного династией Цзинь Северного Китая подпала под контроль монгольских полководцев, а монгольская армия овладела чжурчжэньской осадной техникой и вооружением самым передовым в то время. В состав войск Чингисхана вошли представители самых разных этнических групп (чжурчжэни, китайцы, тангуты, кидани и т. д.), численно увеличив монгольское войско, технически обогатив его и превратив в сильнейшую армию Восточной Азии того времени.

Важным результатом всех вышеуказанных событий для Корё стало освобождение киданей Маньчжурии от господства чжурчжэней и кратковременное воссоздание ими под руководством полководца Елюй Люгэ в 1211 г. утраченной государственности к северу от границ Корё. В 1215 г. монгольская армия атаковала это новое государство. Не выдержав мощного натиска, киданьские войска форсировали пограничную реку Амноккан и отходя грабили территории северного Корё, вплоть до Пхеньяна. Это неожиданное вторжение в 1216 г. было с трудом отбито корёским военачальником Ким Чхвирё (?-1234), однако уже в 1218 г. под натиском монгольских войск кидани снова вторглись и дошли до уезда Кандон. Ким Чхвирё смог разбить их лишь в 1219 г. с помощью монгольской армии и отрядов чжурчжэньских перебежчиков, подчиненных монголам. признания вассальной зависимости и выплаты огромной дани потребовали монголы от Корё в качестве платы за помощь. Корёский двор, все же, не собирался немедленно подчиниться «невежественным варварам», все так же воспринимавшимся как дикое племя с окраин.

В 1225 г. монгольский посол и его свита, которые вызвали всеобщее возмущение в Корё неуважением к конфуцианскому этикету, были ограблены и убиты на корёской границе. Монгольские власти прервали с Корё все отношения, решив, что посол был убит по указу корёского двора, хотя, скорее всего, это было дело рук многочисленных в тех землях повстанческих или разбойничьих формирований. После смерти Чингисхана в 1227 г. и воцарения его сына Угедея в 1229 г., монголы, в ходе войны 1230-1234 гг. с чжурчжэньской династией Цзинь, которая уже была полностью разорена их предыдущим походом 1211-1216 гг., приступили к завоеванию Корё, Монголы в 1231 г. послали отдельный экспедиционный корпус под предводительством Саритая на покорение Корё, одновременно ведя бои за подчинение Ляодуна в 1230-1233 гг. Монгольская конница разгромила главные силы корёской армии броском на юг, а к концу 1231 г. достигла Кэсона и осадила столицу Корё. Однако,

Остров Канхвадо становился временным убежищем корёских правителей и аристократии во время монгольского нашетсвия. Был столицей Корё в период 1232-1270.

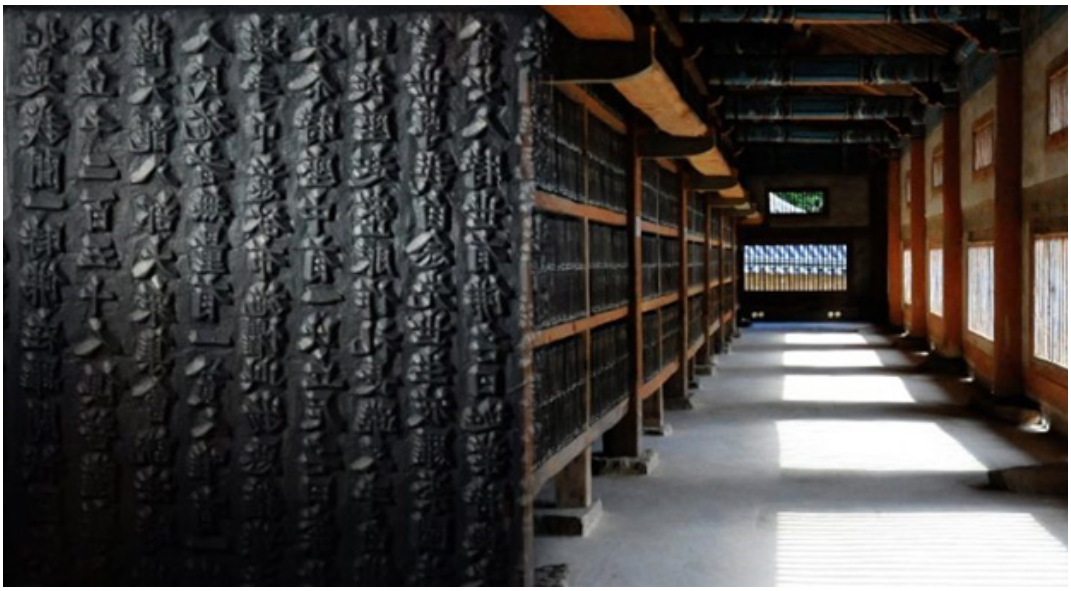
стратегически важная крепость Куджу - нынешний город Анджу в провинции Южный Пхёнан и ряд крепостей на севере страны так и не были покорены монгольскими войсками.

С самого начала война с монгольскими захватчиками приобрела партизанский характер. Помимо подразделений регулярных войск Корё, в борьбе активно участвовали и отряды, которые были сформированы из рабов, дискриминируемых жителей со, пугок и хян, а также крестьяне-повстанцы. В ходе всеобщей борьбы с завоевателями нивелировались границы между неполноправными жителями со, пугок и хян и полноправными янбанами, формировалось чувство этнокультурной консолидации между населением различных районов полуострова. Невзирая на некоторые успехи в борьбе с захватчиками, боявшийся захвата и уничтожения столицы военный диктатор Чхве У, согласился на временный компромисс с Саритаем, и монгольская армия отошла, оставив 72 дарухачи (губернатора) в Корё и потребовав выплаты несопоставимо огромной дани в том числе женщинами для монгольских гаремов и ремесленниками. Но стоило монголам покинуть страну, Чхве У тут же отказался от своих обещаний и взял курс на сопротивление монголам, который затем последовательно проводил в течении нескольких десятилетий. Монгольские дарухачи были все убиты, а двор и вместе с кланом Чхве эвакуировались на недосягаемый для монгольской конницы остров Канхвадо в Желтом море (окрестности нынешнего города Инчхон), где столица Корё располагалась до 1270 г. В том же году армия Саритая снова устроила карательный, с точки зрения монголов, поход на «взбунтовавшихся» корёсев. Однако в этот раз экспансионистов постигла серьезная неудача. Монголы не смогли взять столицу, а при осаде крепости Чхоинсон был убит и сам военачальник Саритай стрелой корёского монаха-воина. Степняки отступили на полуостров Ляодун, отложив завоевание полуострова до более подходящего момента. Так началась борьба Корё с монгольскими заовевателями.

В 1235-1239 гг. после полного разгрома империи Цзинь и одновременно с «Великим походом на Запад» (т. е. Русь и европейские страны), монгольские войска под предводительством военачальника Тангу начали очередное, уже третье по счету, нашествие на Корё На этот раз они дошли до южных земель полуострова. Народная воля к противоборству с захватчиками, к которой взывал диктаторский режим клана Чхве, позволяла войскам Корё достигать отдельных успехов. Например, небольшие отряды монголов были успешно разбиты населением и гарнизонами уездов Тэхын и Онян в современной провинции Чхунчхон. В тот же момент укрывшиеся на острове Канхвадо основные силы армии Корё избегали масштабного сражения с монголами, так как реальных возможностей противостоять тяжело вооруженной, численно превосходившей корёское войско монгольской коннице у них не было. В то же время монголы, которые не имели флота, также не могли атаковать Канхвадо. Осознав, что война заходит в тупик, захватчики в конечном счете отступили, выдвинув ряд условий, в число которых входила выдача монголам сына корёского правителя в заложники, наказание антимонгольски настроенных корёских чиновников, возвращение столицы в город Кэсон и т. д. Корёсцы выдали монголам двух родственников государя, ложно назвав их «сыновьями государевыми», но сразу же после вывода монгольских отрядов фактически отказались от выполнения всех других условий. Монголы под предводительством военачальника Амоганя предприняли еще одну (четвертую по счету) карательную экспедицию на Корё в 1247-1249 гг., но и она не убедила корёсцев выполнить требования монголов.

С приходом Мункэ на великоханский трон Монгольской империи, в 1251 г начался новый этап покорения Корё, так же, как другого противника монголов - Южной Сун. Экспедиция 1253-1254 гг., которая принесла монголам ряд поражений, была прелюдией новой кампании против Корё.

Так, крепость Чхунджу, среди защитников которой было немало казенных рабов,



Трипитака Кореана - сборник буддийских текстов (Трипитака), нанесённых в середине XIII века на 81 340 деревянных табличек. Изначально сорник был создан в 1087 году, однако был утрачен в период монгольского нашествия. По приказу вана Коджона (1192-1259) Трипитака была восстанволена в период с 1236 по 1251 годы. Сегодня сборник хранится в храме Хэинса в провинции Кёнсан-Намдо

успешно выдержала монгольскую осаду, а рабов, за их заслуги впоследствии освободили и пожаловали должностями.

В 1254 г. военачальником Чэлодаем был предпринят пятый по счету крупномасштабный поход на Корё, который стал особенно болезненным для Корёского государства, уже ослабленного бесконечной войной. Тактика Чэлодая заключалась в массовом уводе в плен или уничтожении трудоспособного населения, а также планомерном опустошении плодородных южных провинций Корё, что должно было подорвать снабжение острова Канхвадо ресурсами. Только за 1254 г. монголы увели в плен более 200 тысяч корёсцев; еще большее число было убито захватчиками.

В условиях голода, упадка хозяйственной жизни и эпидемий возрастало и недовольство военным режимом, который не был способен защитить страну от захватчиков и одновременно собирал повышенные налоги с нищего населения. Видя недовольство населения и бесперспективность дальнейшего сопротивления, Корёские полководцы северных районов страны перешли на сторону врага. Придворные сановники, учитывая, что монголы начали строить флот для высадки на остров Канхвадо, выдвинули предложения по

прекращению войны путем частичного принятия требований противника. Однако клан Чхве и его соратники, часть из которых были выходцами из низов корёского общества и выдвинулись в противостоянии с монголами, отказывались от уступок. В результате борьбы во властных кругах последний государь из клана Чхве по имени Чхве Ый в 1258 г. был убит командирами «Трех Отдельных Корпусов», которых поддержали гражданские сановники.

Придворный совет во главе со старейшим гражданским сановником, видным литератором Чхве Джа, сыгравшим в свое время большую роль в упрочении власти клана Чхве, но теперь изменившим курс, в 1259 г. решил начать переговоры о мире с монголами. Корёскую миссию возглавил ван Вонджон (1260-1274) - вскоре официально вступивший на трон наследник престола. В переговорах с Хубилаем, который официально занял в 1260 г. великоханский престол, корёским посланникам удалось добиться относительно приемлемых условий. Монголы даже пошли на уступки, согласившись не настаивать на срочном возвращении в Кэсон столицы Корё, ограничиться вассалитетом корёского государя, не посылать в Корё новых дарухачи, в также выдать Корё некоторых наиболее ненавистных перебежчиков.

Причины сговорчивости Хубилая были просты - он стремился укрепить свой тыл на северо-востоке для большой войны за окончательное подчинение Южной Сун отчаянно сопротивлявшейся, и которая была полностью разгромлена лишь в 1279 г. В перспективе же Хубилай хан планировал использовать Корё как опорный пункт для наступления на острова Японии. Кроме того, тридцатилетнее героическое сопротивление народа Корё дало монгольским ханам понять, что ожидать безоговорочной капитуляции от Корё все равно не приходится. В этом было важнейшее значение сопротивления Корё монгольским завоевателям: без реальных шансов на успех над превосходящими силами захватчика, корёсцы тем не менее добились в результате для страны некоторой самостоятельности в рамках Монгольской империи. Кроме того, чувство этнокультурной солидарности между различными сословиями и районами страны, этногосударственное самосознание корёсцев крепло в ходе сопротивления монголам.

Все же принятие корёсцами вассалитета по отношению к монголам после падения режима клана Чхве и заключения формального мира с Хубилаем проходило отнюдь не гладко. С точки зрения монголов, вассалитет означал перепись вассального населения, мобилизацию военнообязанных на наступление против Японии и создание в Корё сети монгольских почтовых станций. Однако, принятие всех этих условий с точки зрения большинства корёских сановников, особенно военных, означало потерю государственного достоинства. Требования посылки членов ванского клана в Пекин заложниками встретили особые возражения среди командиров «Трех Отдельных Корпусов», которым принадлежали основные заслуги в свержении диктатуры клана Чхве. Возвращение двора в Кэсон постоянно откладывалось вплоть до конца 60-х гг. XIII в. в связи с трениями в среде корёской аристократии, что начало вызывать серьезные подозрения у Хубилая.

Военные Корё даже предлагали умертвить монгольских послов и продолжить сопротивление.

В конце 60-х гг. XIII в. разногласия в придворной среде привели к кровавым столкновениям между конкурирующими военными группировками. Опираясь исключительно на поддержку монгольской охраны, которая сопровождала его после визита к Хубилаю, ван Вонджон вновь утвердился на престоле в 1270 г. Начался новый этап корёской истории:

Территория государства Корё в 1380-х гг.

государи использовали монголов, недавно еще врагов, для подавления сопротивления военных группировок и укрепления авторитета центральной государственной власти, пошатнувшегося за время почти столетнего господства военных диктаторов. Не могли не вызвать недовольства у главной воинской силы двора на острове Канхвадо — «Трех Отдельных Корпусов», меры, предпринятые государем для подавления сопротивления в среде военых.

Именно их командиров в 1268-1270 гг. Вонджон-ван устранил за оппозицию промонгольской линии двора. Одновременно с приказом об окончательном возвращении двора в Кэсон в конце 1270 г. ван, распорядился распустить «Три Отдельных Корпуса». В то же время появились слухи, что двор намерен передать монголам список бойцов этих корпусов, которых якобы собирались репрессировать как наиболее активных участников антимонгольского сопротивления. Укрепившиеся за десятилетия сражений антимонгольские настроения, а также страх перед перспективой монгольской «чистки», побудили отборные части к открытому бунту. Бойцы «корпусов», возглавляемые офицером Пэ Джуисоном захватили значительную часть государственной казны, сожгли списки личного состава, объявили захваченного ими во дворце члена праящего клана «истинным» государем и угрожали смертью каждому, кто покинет остров Канхвадо ради возвращения в столицу. Однако, под ударами монгольских отрядов, очень скоро бунтовщики на более чем тысяче кораблей были вынуждены перебраться на остров Чиндо у южного побережья провинции Чолла. Там повстанцы сформировали своего рода «альтернативное государство» со своими органами власти и структурой чиновничества и принялись собирать налоги с плодородных южных областей страны, практический парализовав снабжение столичного двора рисом.

Покорность «островному правительству» изъявляли многие администраторы в провинциях Чолла и Кёнсан, где ранее располагались основные вотчины как клана Чхве, так и многих других боровшихся с монголами полководцев. Объединенная монгольско-корёская армия под командованием полководца Ким Бангёна (1212-1300) и нескольких монгольских военачальников была направлена на подавление мятежа в 1271 г. Новые союзники смогли разгромить основные силы «корпусов», однако, остатки повстанческой армии сумели сбежать на остров Чеджудо, где до 1273 г. продолжали сопротивление. После разгрома сопротивления остров Чеджудо стал одним из нескольких районов Корё, которые монголы взяли под прямое управление. Хозяйства Чеджудо должны были поставлять лошадей для монгольской армии и часть острова была превращена в пастбище.

Усмирение антимонгольских выступлений совместными силами корёского двора и монголов означал, что отныне монгольская династия Юань для Вонджона и его потомков стала опорой в восстанавлении централизованной монархии. Корё в отличие от Китая, как и обещал Вонджону Хубилай, не попало под прямое управление монголов. Все же и без этого

зависимость от монголов корёской администрации была невероятно высокой. В этот период обрел реальный смысл вассалитет, который зачастую был формальным по отношению к династиям Сун и Тан. Юань стала первой китайской монархией в истории двусторонних отношений, которая всерьез пыталась вмешиваться во внутреннюю политику полуострова и контролировать корейскую аристократию.

Власть проюаньской аристократии была в итоге подорвана в Корё кризисом Юаньской династии в Китае. Широкомасштабное восстание популярной тайной секты «Белого Лотоса», которая призывала население к изгнанию чужеземцев под лозунгами «пришествия спасителя мира — Будды Майтрейи», вспыхнуло в Китае в 1351 г.

Конмин-ван (1351-1374), который вступил на престол в год начала восстания решительно претворил в жизнь ряд изменений, направленных на восстановление самостоятельности корёского двора. Все же номинально Корё осталось вассалом Юаней и было обязано в 1354 г даже посылать отряды на помощь в подавлении антимонгольских народных восстаний в Китае. Это стало причиной двух крупномасштабных походов на Корё в 1359-1360 и 1360-1361 гг. китайских повстанческих войск, известных как «красные повязки» (красный цвет Майтрейи) по принятому у них головному убору.

Во время второго наступления «красным повязкам», заставив вана искать убежища в Покчу - современном городе Андон, провинции Северная Кёнсан, удалось взять и разграбить корёскую столицу. Оба нашествия, которые разорили центральные и северные районы Корё, были в итоге отбиты войсками Корё. Прославившиеся победами над захватчиками полководцы, прежде всего Ли Сонге (1335-1408) - будущий основатель династии Чосон и Чхве Ён (1316— 1388), в ходе борьбы с «красными повязками», а также с японскими пиратами, которые чуть ли не ежегодно устраивавшими грабительские рейды на побережье Корё (поройдаже основывая на корёских землях свои постоянные базы, приобрели значительное влияние.

«Средние слои» корёского зажиточного класса — средние и низшие садэбу (землевладельцы-чиновники), среди которых большой популярностью начало пользоваться неоконфуцианское учение, ортодоксальное неприятие которого к «варварам» и непримиримость к «ереси» оправдывали враждебность этого слоя к «дикарям»-монголам и преимущественно буддийским «проюаньским элементам», были также важной политической опорой реформ Конмин-вана. К свержению Корё и созданию новой династии Чосон привел в итоге союз садэбу с Ли Сонге и его военным окружением. Притязания династии Мин - нового «сюзерена» Корё на северное корёское пограничье разбили дуумвират Чхве Ёна и Ли Сонге. Чхве Ён считал важным показать китайской династии боевые возможности армии Корё и покончить навсегда с китайскими претензиями, нанеся военный удар по владениям Минов на полуострове Ляодун. Ли Сонге в свою очередь не верил в рельность победы над войском Минской империи и предлагал решить проблему исключительно дипломатическим путем. В конце концов, группа влиятельных придворных неоконфуцианских ученых и военных 17 июля 1392 г. официально «пригласила» Ли Сонге на престол, покончив с династией Корё.

Контрольные вопросы и задания:

1. Что стало поводом для вторжения киданей в Корё в 993 году?
2. Почему и династия Ляо, и Корё считали территории Когурё исконно своими?
3. Что стало поводом для вторжения киданей в Корё в 1010 году?
4. Опишите результаты похода киданей на Корё в 1018-1019 гг.
5. Могли ли жители разных государств Дальнего Востока в раннем средневековье торговать и обмениваться несмотря на вражду правящих династий? Аргументируйте ответ.
6. Опишите отношения Корё и чжурчжэней в XI веке№
7. Дайте анализ отношений в треугольнике Корё – Цзинь - Сун в XII веке.
8. В начале XIII века кидани вновь вторгаются в Корё? Что стало причиной и результатом данного вторжения?
9. Опишите тактику монгольского военачальника Чалодая по захвату Корё.
10. Какое значение для Корё имело «восстание красных повязок» в Китае?

6 Внешняя политика периода Чосон

На упрочнение внутренних и внешних позиций своего дома были направлены первые шаги Ли Сонге - основателя новой династии. В системе тогдашних идеологических стереотипов требовалось твердо обосновать право новой династии на власть. С этой целью Ли Сонге, известный по храмовому имени Тхэджо (1392-1398), известил регионального «сюзерена» - Минскую династию на следующий же день после восхождения на престол о династических переменах в Корее и формально просил о признании его прав на престол. Кроме того, ван Тхэджо попросил, из двух представленных им вариантов, выбрать имя для новой корейской династии Хварён (по месту происхождения его семьи в северо-восточной Корее) либо Чосон (по основанному легендарным первопредком Тангуном Древнему Чосону). Минское правительство остановило свой выбор на втором варианте, так как Древний Чосон упоминался в китайских летописях, и с этого момента Чосон стало официальным названием новой династии.

Династийный флаг правителей Чосон

Получение от Минской династии наименования для нового государства означало фактическое признание дома Ли Сонге. Сложнее было с юридическим признанием, которое символизировалось вручением «сюзереном» «вассалу» письменной инвеституры и золотой государственной печати. Мины требовали от новой корейской династии возвращения бежавших в Корею чжурчжэньских племен и выплаты непомерно большой дани серебром, золотом и лошадьми, желая закрепить свою позицию «сюзерена» и попутно удовлетворить собственные нужды. Чтобы уклониться от требования выплаты золотой и серебряной дани, Чосон даже пришлось демонстративно отказаться на некоторое время от разработки серебряных и золотых приисков.

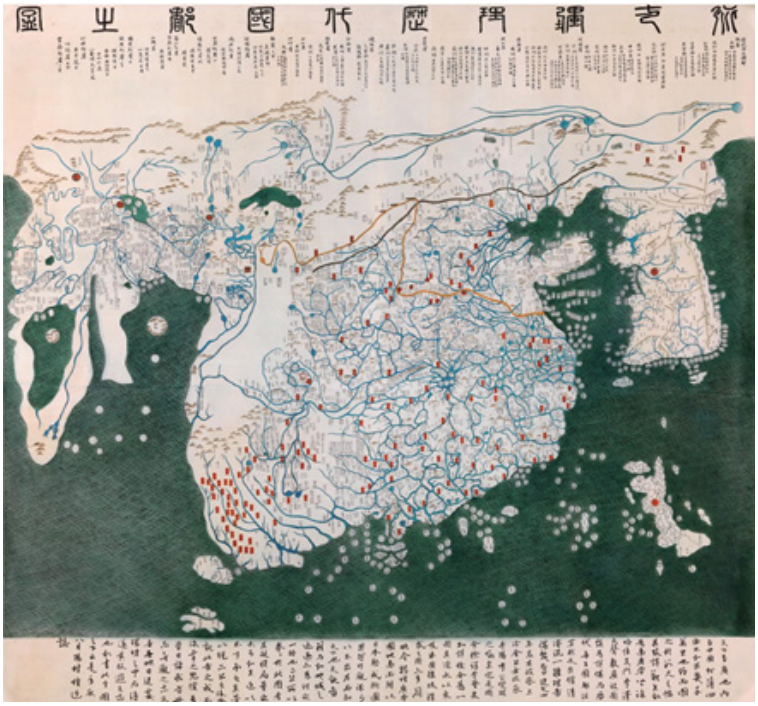
После продолжительных переговоров, зачастую на грани конфликта, в 1401 г текст инвеституры и золотая печать были официально посланы в Корею. Это признание сыграло важнейшую роль и в подтверждении легитимности династии Чосон внутри страны: господствовавшая идеология того времен представляла китайского императора как «Сына Неба», а государь «окраинного государства», не владевшей китайской инвеститурой, с точки зрения образованных корейцев, был узурпатором.

Наиболее известным представителем династии Чосон был Седжон Великий (1418-1450). Государь Седжон проводил активную внешнюю политику, прежде всего на родине Ли Сонге и колыбели династии - северном пограничье страны близком к северо-восточным районам. Поддерживая с обитавшими на северных границах Чосона чжурчжэньскими племенами активные торговые связи (чжурчжэни продавали лошадей и меха, закупая продовольствие и

ткани), чосонское правительство считало все территории к югу от Тумангана и Амноккана «владениями предков» и всеми силами желало вернуть власть над ними. Чжурчжэньские предводители, как и во времена раннего Корё, привлекались раздачами предметов роскоши, почетных чинов и торговыми привилегиями.

Строительство «юкчин» - шести укрепленных административных центров, которые практически контролировали все северо-восточные земли к югу от Тумангана было завершено к 1434 г. Впоследствии, два из этих шести центров - Кёнвон и Кёнхын, оказались важными пунктами на российско-корейском пограничье, когда после 1860 г. Россия установила контроль над южно-уссурийским регионом.

Также организация четырех округов на южном берегу реки Амноккан завершилась к 1443 г. Это означало, что теперь границы Кореи приобрели приблизительно те же очертания, какие они имеют сегодня. Седжон проводил административное переселение мелких чиновников и крестьян южных провинций на север, используя как различные стимулы, так и принуждение, чтобы освоить и закрепить за Чосоном северные территории. Корейские переселенцы смешивались с теми из чжурчжэней, кто принял подданство Чосон — до сегодняшнего дня в диалектах северного пограничья Кореи можно найти множество чжурчжэньских слов. Другим важным направлением внешней политики в правление Седжона было урегулирование связей с Японией, направленное на прекращение пиратских набегов.



Первая корейская карта мира, созданная в период государства Чосон в 1402 году

Правительство Седжона, организуя карательные походы против пиратских поселений на о. Цусима, одновременно желало удовлетворить потребность японцев в корейских товарах и рисе прежде всего, мирным путем, через регулируемые торговые связи. По договору, который Чосон заключил с даймё (феодалом) острова Цусима в 1443 г., японские торговцы получили право прибытия в три южных корейских порта и нахождения там по торговым делам; при этом ежегодное количество судов из Японии и объем экспорта корейского риса строго лимитировались.

Следует отметить, что формально торговые отношения с японцами и чжурчжэнями понималась корейским двором как один из видов «формального вассалитета», похожий по структуре на отношения Кореи с империей Мин.

Чжурчжэням и японцам, которые считались менее (чем корейцы) «цивилизованными» народами давалось право преподнести «дань» чосонскому двору и в обмен получить

«ответные подарки» - рис, корейские предметы роскоши и т. д. Представление о корейском государстве как о «наиболее цивилизованном среди варварских государств», находящимся сразу после Китая в дальневосточной культурной иерархии, было принято и при китайском дворе.

XVI в. для Чосон оказался временем усиления внешних опасностей. Усилялись позиции северных соседей - чжурчжэней, тревожной оставалась и ситуация в Японии, переживавшей серию феодальных противостояний. Правительство активизировало политику насильственных переселений южного крестьянства на север (например, в 1544 г.), обеспокоившись участившимися стычками с чжурчжэньскими племенами (1524 г., 1530 г., 1541 г.),

Бунт японских торговцев, которые проживали в трех южных корейских портах, вслед за которым последовали и вторжения японских пиратов, вызвали жесткие ограничения на несанкционированную торговлю в 1510 г. В положении усилившейся иноземной угрозы правительство наделило особыми полномочиями Департамент Пограничной Охраны (Пибёнса) в составе Военного министерства, однако уровень боевой подготовки армии все равно оставался низким.

В конце XVI в. ситуация вокруг Корейского полуострова изменилась. С одной стороны, значительно слабела Минская династия - «сюзерен» Кореи. С другой стороны, к 1590 г. сёгун (военачальник) Тоётоми Хидэёси, используя огнестрельное оружие, приобретенное у португальцев, консолидировал феодальные княжества Японии в централизованное, сильно милитаризированное, диктаторское государство. Тоётоми Хидэёси, обладая профессиональной трехсоттысячной армией, вооруженной неизвестными прежде на Дальнем Востоке европейскими мушкетами (которые вскоре японцы стали производить самостоятельно) и полевой артиллерией, стремился предпринять завоевательную экспедицию против ослабевшей империи Мин. Японский завоеватель, рассчитывая на богатую добычу и возможность продажи пленных португальским работорговцам, одновременно стремился «обеспечить работой» самурайскую армию и предотвратить таким образом потенциальное недовольство. Естественным первым шагом к походу на Китай, по мнению японского сёгуна, должно было стать завоевание расположенной на пути к Китаю Кореи, которое казалось относительно легкой компанией: военная слабость Чосон была хорошо известна ее воинственным соседям на востоке.

Окончательное решение об экспансии в отношении Кореи было принято после решительного отказа корейской стороны на требование «пропустить» через свою территорию организовавшие поход на Северный Китай японские войска. Отчетливо представляя себе вероятность японской экспансии, корейская придворная аристократия, поглощенная групповыми противоборствами, не предприняла никаких превентивных мер.

В то же время корейская армия была совершенно не подготовлена к большой войне. Иными словами, для корейской элиты, которая привыкла опираться на безусловную гегемонию китайского «сюзерена» и надменно относиться к «варварам с Японских островов», столкновение с реальностью Нового Времени (появлением больших профессиональных армий, вооруженных огнестрельным оружием и началом складывания централизованной государственности в Японии) могло обернуться только бедой.

Карта Имджинской войны

Высадка в районе Пусана в апреле 1592 г. 160-тысячной японской армии положило начало ряду поражений корейской армии, скоро приведших Чосон к краю гибели. Пусан и Тоннэ (приморские крепости Кореи) оказались неспособными защититься перед атаками японских мушкетеров, поддержанных артиллерией. Организовав на юго-восточном побережье полуострова свой основной плацдарм, японские войска выступили в поход на Сеул. Подготовка и вооружение корейской армии находилась несравненно ниже того уровня техники и выучки, которой удалось достичь к концу XVI в. профессиональному самурайскому войску и отчаянные попытки разобщенных корейских войск остановить японцев были исключительно безуспешны. Бегство двора и вана Сонджо из Сеула спровоцировало массовые беспорядки в столице и к копившемуся десятилетиями недовольству произволом и коррупцией прибавилось возмущение безответственностью власти, ничего не предпринявшей для обороны страны. Восставшие разгромили ряд правительственных учреждений и сожгли списки рабов.

Не встретив никакого сопротивления со стороны жителей и армии, японская армия вошла в Сеул уже через две недели после высадки в порту Пусана. Вскоре разделившиеся на две колонны японская армия продолжила наступление на север и без особого сопротивления заняла как северо-восточные, так и северо-западные провинции Кореи, выйдя затем к границе с Китаем. Первая из задач, поставленных Тоётоми, а именно захват Кореи - была решена без особого труда немногим более чем за месяц. Чосонская династия оказалась перед угрозой падения. Военная помощь Китая, который видел в действиях Тоётоми вызов своей гегемонии в Восточной Азии и начал опасаться агрессии японцев в своих собственных землях, оказалась последней надеждой бежавшего на северную границу вана Сонджо.

В попытке отбить у японцев Пхеньян потерпела поражение первая китайская экспедиция, отправленная в июле 1592 г. на помощь Корее. Действия следующей экспедиции (50 тыс.

солдат) под командованием Ли Юйсуна (?-1598), были более успешными. В январе следующего года экспедиция взяла Пхеньян и заставила японцев отступить на юг, стянув основные силы в район Сеула. Под крепостью Хэнджу к северу от Сеула, в январе одержали победу и корейские войска, однако, взять Сеул китайско-корейской армии так и не удалось: контратака японских сил вынудила Ли Юйсуна отступить обратно к Пхеньяну и закрепиться там, отказавшись от активных действий на юге полуострова.

Тем временем, грабежи и убийства, совершаемые оккупантами, уже вскоре после начала экспансии подтолкнули корейское население к партизанской борьбе против захватчиков. Партизанские отряды в основном возглавлялись местными саримами (конфуцианскими учеными): впоследствии многие из их предводителей сделали карьеру на государственной службе. Используя поддержку населения и знание местности, партизаны наносили существенный ущерб агрессорам, порой освобождая целые уезды и отбирая крупные крепости у японцев. Ряд отрядов, наряду с конфуцианцами, возглавлялся уважаемыми

Памятник Ли Сунсину (1545-1598) - флотоводец, знаменитый своими победами над морским флотом Японии в Имдинской войне. Он также известен тем, что создал первые в мире кобуксоны - корабли-черепахи. Один из немногих флотоводцев мира, который не проиграл ни одной битвы. В современной Корее почитается как «священный герой спасения отечества».

буддийскими монахами, которые имели возможность мобилизовать на борьбу сплоченные группы послушников и монахов.

Помощь в момент смертельной опасности государству давала надежду буддийской элите на повышение после войны статуса буддизма, на прекращение гонений со стороны саримов и чиновничества. Кроме того, талантливейший флотоводец в корейской истории, главнокомандующий флотом провинции Чолла адмирал Ли Сунсин (1545-1598) одерживал на море блестящие победы - одну за другой. Используя, в особенности, прототип современного броненосца — оснащенный артиллерией корабль, обитый железными плитами и тем защищенный от вражеских ядер (так же известный как «корабль-черепаха» - кобуксон), Ли Сунсин остановил стремление японцев высадить десант на берега Чолла, а затем сумел прервать линию снабжения японского экспедиционного корпуса, уничтожив основную часть японского флота у южных берегов Кореи.

В итоге, с мая 1593 г. японцы были вынуждены приступить к переговорам с китайскими

дипломатами. К августу 1593 г. эвакуировав большую часть Кореи, японский корпус оставил после себя только плацдарм в районе Пусана. Начали процесс эвакуации и войска Минской империи. К октябрю двор вернулся в Сеул и приступил к восстановлению административного контроля над государством и сепаратным мирным переговорам с японскими полководцами.

Перемирие оказалось недолговечным: мирные переговоры между минскими дипломатами и Тоётоми зашли в тупик, так как Китай продолжал считать Японию как «окраинным варварским государством» и потенциальным «вассалом», в то время как Тоётоми позиционировал себя как победителя и региональным гегемона, претендующего на часть корейских территорий.

Усиленная подкреплениями японская армия возобновила военные действия с начала 1597 г., однако, больших успехов не достигла. Вновь пришедшие на помощь Корее китайские войска с использованием артиллерии отбили атаки японцев в уезде Чхонан провинции Северная Чхунчхон, тем самым защитив подходы к корейской столице. На море флот Тоётоми продолжал терпеть неудачи от соединений Ли Сунсина, успешно оборонявшего прибрежные территории провинции Чолла. Японцам пришлось отступить к южному побережью Корейского полуострова к концу 1597 г. В 1598 г. - после смерти Тоётоми Хидэёси, японские войска, в соотвествии с завещанием сёгуна, начали окончательную эвакуацию с полуострова. Образцовой победой закончилась атака армады Ли Сунсина на перевозивший отступавший экспедиционный корпус японский флот. В том сражении убитый случайной пулей врага погиб великий флотоводец средневековой Кореи.

Эвакуация японских войск была завершена к концу 1598 г., а китайские части покинули страну в течение следующих двух лет. В 1605 и 1607 гг. дипломатическими усилиями корейского правительства было возвращено небольшое число угнанных в Японию корейских пленных и мирных жителей.

С 1609 г. начали поддерживаться регулярные дипломатические связи с утвердившимся к тому времени в Японии режимом Токугава. Учитывая отказ дома Токугава от всех претензий, которые выдвигал Тоётоми на корейские территории, можно считать, что при поддержке минского Китая, Корея сумела выиграть войну и отстоять свою территориальную целостность. Войну 1592-1598 гг. часто называют Имджинской - по циклическому наименованию 1592 года — имджин (год Дракона).

Победа в Имджинской войне досталась Корее большой ценой. Более шести лет нашествия разорили Чосон. Десятки тысяч ремесленников и крестьян были угнаны в японский плен, где часть из них (около 50-60 тыс. человек) была продана испанским и португальским работорговцам, а другая часть осела навсегда в Японии. В развитии книгопечатания и керамического производства в Японии в ранний период правления дома Токугава сыграли ключевую роль попавшие в японский плен корейские печатники и гончары. Однако, для самой Кореи убыль лучших ремесленников представляла невосполнимый ущерб. Были погублены или расхищены культурные сокровища — книги, фарфор, буддийская скульптура. Сократилась втрое среднем по стране площадь обрабатываемых земель, а в провинции Кёнсан, где японское войско стояло дольше всего, почти в шесть раз сократился данный показатель. В результате уменьшения населения и сокращения посевных площадей, администрация была вынуждена вдвое поднять налоговую ставку на оставшихся крестьян, что явилось тяжелым ударом по крестьянскому хозяйству не в меньшей мере, чем грабежи и

насилия захватчиков.

На преодоление экономических последствий Имджинской войны, по разным оценкам, ушло более ста лет. Усиление зависимости крестьянства от местных янбанов стало результатом его разорения. Типичной для корейской деревни XVII столетия стала фигура безземельного или малоземельного крестьянина, батрачащего в поместье у среднего или мелкого землевладельца.

В тот же момент, война оказалась и источником социальной мобильности: за боевые заслуги рабы обретали свободу, а крестьяне получали привилегии янбанства. Янбанское сословие в целом усилило свои позиции в позднесредневековом обществе за счет пополнения служившими в войске крестьянами.

Быстрое ослабление Минской империи, финансы которой были расшатаны громадными военными расходами было основным международным последствием Имджинской войны. Крах династии Мин под ударами маньчжурских завоевателей в начале XVII в. станет следующим испытанием для корейской государственности.

Внешняя торговля Чосон была более ограниченна чем при Корё. Это было связано с изоляционистской политикой проводившейся династией Мин, а также и негативным отношением неоконфуцианцев Чосона к международным торговым отношениям, которые рассматривались как канал утечки ресурсов. Если с Японией торговали японские и корейские купцы, получавшие особое разрешение, то с Китаем обмен шел в основном через переводчиков, которые сопровождали посольства к Минскому двору. Вывоз драгоценных металлов, которые активно экспортировались при Корё, и камней строго запрещался. Также запрет на вывоз касался оружия и прочих железных изделий. Контакты с арабами, которые ранее делали Корё частью мусульманской торговой сети в Евразии и Северной Африке, при династии Чосон прекратилась.

Другими словами, мощный бюрократический организм был непреодолимым препятствием на пути развития торговых связей, как внутренних, так и внешних, так как рассматривал торговлю с конфуцианских позиций, как «дезорганизатора» натуральной экономики и помеху в налоговой эксплуатации крестьянства, так как мелкие и средние торговцы регулярных налогов не платили.

Если опиравшиеся, в том числе, и на городское население западноевропейские королевские режимы с XV-XVI вв. начали способствовать не только внутренней, но и заокеанской экспансии формирующейся буржуазии (таким образом положив начало формированию мировой капиталистической системы), то контроль раннечосонской административной системы над торговцами и торговлей искусственно тормозил развитие товарно-денежных отношений и внутреннего рынка в Корее, обрекая страну на роль сырьевой периферии капиталистических стран в перспективе.

Ситуация серьезно изменилась в правление Кванхэгуна (1608-1623) - сына Сонджо. Волевой и умелый политик, на плечах которого фактически лежало управление страной в период Имджинской войны, Кванхэгун многое сделал для решения актуальных в тот момент социально-экономических и политических вопросов и развития культуры в Чосон. В конце концов, в положении, когда возглавляемое ханом Нурхаци чжурчжэньское (маньчжурское) государство стало активно угрожать Минской династии, Кванхэгун реализовывал искусную

«двойную» политику, посылая военную помощь номинальному «сюзерену» Кореи — Минской империи и одновременно тайно дав приказ чосонским солдатам отказаться от активного участия в битвах и ведя непростые переговоры с маньчжурским государством за спиной правителя Мин. Целью дипломатических уловок Кванхэгуна было избавление обескровленной войной страну от нового чужеземного нашествия.

Следующий правитель Инджо и «западная партия», которые пришли к власти под популистским неоконфуцианским лозунгом «бескомпромиссной борьбы с северными варварами», моментально отказались от сбалансированной внешнеполитической линии Кванхэгуна и начали реализовывать бескомпромиссный антиманьчжурский курс, позволяя, в частности, войскам Минской империи использовать корейские земли как плацдарм для борьбы против войск Нурхаци.

Перед началом сражений с основными войсками минской армии маньчжурские завоеватели не могли позволить себе нахождения в тылу враждебной Кореи, и в 1627 г. Абахай (1627-1644) - наследник Нурхаци, послал в поход на Сеул 30-тысячную армию. Советниками военачальников Абахая были бежавшие к маньчжурам сторонники одного из претендентов на чосонский престол, а официальным поводом для «карательного похода» было «незаконное свержение» с престола Кванхэгуна.

Армия маньчжуров захватила Сеул без особого труда, вынудив Инджо скрываться, подобно государям Корё в период монгольских завоеваний, на остров Канхвадо и затем приступить к мирным переговорам. Результатом этих переговоров стал компромисс - маньчжурское государство и Корея признали друг друга союзниками и «братьями», Корея послала маньчжурам почетных заложников и официально отказалась от антиманьчжурской политики, однако, в то же время подчеркнула, что не отказывается от дружбы с династией Мин. Соглашение такого рода, все же, совершенно не удовлетворяло корейскую неоконфуцианскую аристократию, видевшую в дружбе с «северными варварами» непримеримую измену принципам и до конца не верившую в реальность поражения и краха Минской династии.

Корея, вызывая крайнее недовольство Абахая и его двора, активно снабжала припасами воевавшие против него минские части, отказываясь поставлять продовольствие маньчжурам. В 1635 г. маньчжурский владыка в конце концов, потребовал у Инджо разорвать все отношения с Минами и признать Корею «вассалом» маньчжурского государства. Негодование абсолютного большинства придворных было настолько сильно, что, оправданно опасаясь за свою жизнь, сообщивший об этих требованиях корейскому двору маньчжурский посол почел за лучшее бежать из Сеула ночью. Уже через год после этого Абахай, к тому моменту провозгласивший свое государство империей Цин, а себя «сыном Неба», повел в экспедицию на Сеул 130-тысячную армию, которая, не встретив по пути серьезного сопротивления, уже через две недели без крупных боев захватила корейскую столицу.

Инджо, который вместе с двором был осожден в одной из крепостей к югу от Сеула, был вынужден вскоре сдаться и принять все требования манчжуров. В условиях краха Минской династии и перехода гегемонии в Восточной Азии к Цинам признание Чосоном «вассалитета» по отношению к манчжурам было исторически неизбежным, тем более что условия «вассальных» сношений с новым «сюзереном» практически ничем не отличались от традиционных форм, кроме как дани ставшей немного тяжелее прежней, а также

Кобуксон - большой, бронированный военный корабль Кореи времён династии Чосон, который оносится к классу корейских военных кораблей паноксон (крытый двухпалубный корабль). Являлся одним из главных средств ведения морских боёв во время Имджинской войны с Японией.

требования Цинов о развитии пограничной торговли с Кореей (которая при династии Мин не практиковалась). Однако для властвовавшей «западной партии» полный развал ее непримиримой к маньчжерам внешней политики был тяжелым ударом.

В течение долгого времени «западные» отказывали признавать поражение и задействовали резервы страны на подготовку к антиманьчжурскому реваншу, тем самым увеличивая налоговое бремя и замедляя социально-экономическое развитие страны. Два маньчжурских вторжения, итогом которых были повсеместные грабежи и увод тысяч корейцев в плен, также причинили тяжелейший удар по корейской экономике, не сумевшей еще полностью восстановиться от последствий разрушительной Имджинской войны. Период смены династий в Китае был временем, когда Корея впервые вошла в прямой контакт с европейцами, к тому времени уже совершенствовавшими интенсивную деятельность на Дальнем Востоке.

В принципе, португальские проповедники прибывали как капелланы армии Тоётоми Хидэёси, в которой было предостаточно христиан, на корейские берега уже во время Имджинской войны, но тогда их пребывание прошло совершенно незамеченным для корейской стороны. Неизвестным в Корее было и обращение многих оказавшихся в Японии корейских пленников в христианство, также, как и тот факт, что много новообращенных было зверски замучено преследовавшим христиан режимом Токугава в начале XVII в.

Первыми европейцами, оставившими отпечаток в корейской истории, были трое голландских матросов, угодивших в страну в результате крушения в 1628 г. Они были взяты на госслужбу в Министерство Боевой Учебы как специалисты по артиллерии, и двое из них пожертвовали своими жизнями, обороняя новую отчизну во время цинского вторжения. Интерес, проявленный рядом влиятельных функционеров к нетипичным чужеземцам, не послужил, впрочем, мотиватором к налаживанию каких-либо взаимоотношений с западноевропейскими государствами: чрезмерно глубоко было пропагандировавшееся конфуцианством пренебрежение к «варварам» и их культуре.

Побывавший в 1630 г. в минской столице корейский посланник встретился там с поселившимися в Китае в начале XVII в. иезуитскими прововедниками и привез домой ряд религиозных, астрономических и географических трактатов, которые европейцы издали на китайском языке, а также «варварские диковины» — подзорную трубу, будильник и европейскую пушку.

В обстановке монополии догматического неоконфуцианства, впрочем, большого внимания западные трактаты и технологические нововведения не привлекли. Наконец, в 1644 г. в Сеул возвратился несколько лет проживший в цинской столице пленником сын Инджо, принц Сохён. Во время нахождения в Китае он тесно контактировал со служившими маньчжурскому двору германскими миссионерами и привез домой целый ряд самых разных европейских произведений на китайском и астрономических приборов. Взойди принц Сохён, с его серьезным интересом к западной цивилизации, на трон, Корея могла бы, вероятно, обогатить себя контактами с Западом в той же мере, в какой это удалось периодически торговавшей с голландцами Японии времен Токугава. По-видимому, принц Сохён был обвинён в излишней близости к Цинам и скончался подозрительно быстро: через год после прибытия, якобы в результате безуспешной врачебной операции. Жена его была казнена, а сыновья — сосланы. В итоге, довольно редкий для корейского конфуцианца этого периода интерес принца Сохёна к европейской цивилизации не оказал воздействия на дальнейшее течение чосонской истории.

Геополитическая обстановка была не слишком благополучной в период Хёджона и Сон Сиёля. В Южном Китае антицинское сопротивление оказалось беспомощным перед силой маньчжурских кавалерий, а пограничный конфликт с Россией на севере, который, как рассчитывал Хёджон, мог бы истощить Цинов, в серьезную междоусобицу не перерос.

Более того, против своей воли Чосон оказался вовлечен на стороне Китая в этот первое в истории взаимоотношений России со странами Дальнего Востока противостояние между Россией и Китаем. По приказу Цинской империи — не подчиниться которому побежденная и ставшая номинальным «вассалом» победителей Корея не имела фактической возможности — дважды, в 1654 и 1658 гг. небольшие группы корейских стрелков сражались на цинской стороне в вооруженных столкновениях русскими казацкими отрядами и между маньчжурской армией в Приамурье.

По иронии истории, подготовленные для похода против маньчжеров элитные стрелковые группировки, были использованы, наоборот, для упрочнения власти Цинов на севере их империи. Конфуцианский консерватизм корейского руководства фактически лишил этот первый прямой контакт корейцев с Россией всякого исторического смысла для корейской стороны: ни Хёджон, ни придворная аристократия не проявили никакого интереса к «северным большеносым варварам», против которых Цинская империя вынудила их послать отряды.

Не имело для Кореи серьезных последствий и длительное (1653 - 1666) нахождение на ее территории части команды потерпевшего у берегов острова Чеджудо голландского судна. Корейская конфуцианская верхушка абсолютно не заинтересовывалась рассказами голландцев об их отчизне, и, после неудавшейся попытки одного из матросов найти контакт с цинским посольством и добиться отбытия в Европу (эта попытка стоила храбрецу жизни), сочла за благо сослать голландцев на крайний юг страны, откуда большая их часть сумела в результате бежать в Японию и вернуться домой. По рассказам одного из пленных, Хендрика Хамеля, в

Голландии было впоследствии издано первое описание ранее неизвестной европейцам Кореи, вскоре переведенное на все основные западные языки.

Когда Европа накопила информацию о Корее и вызвала интерес к возможностям въезда в эту страну, конфуцианское руководство Кореи, которое продолжало видеть «маргинальных варваров» среди европейцев и не замечало все прогрессивное влияние соседних стран на мировой капиталистический мир, созданный абсолютистскими монархиями и абсолютистскими буржуазиями системы Западной Европы, практически обрекало страну на изоляцию и отсталость.

В общих социально-экономических условиях, XVII-XVIII вв. были периодом серьезного структурного распада в традиционном обществе, периодом, в течение которого, хотя основные формы позднесредневековой абсолютистской системы были в целом сохранены, достижения в области производства и торговли начали подрывать эту систему изнутри. Прежде всего, в условиях относительной стабильности (серьезной войной за эти два столетия были вторжения маньчжуров в начале 17-го века, но они длились относительно недолго), в Корее, как и в современном Китае и Японии, население к концу XVIII века быстро выросло до 8-10 миллионов.

В целом, Корея, как и ее соседи Китай и Япония, вступила в период стабильности и роста, характеризующийся развитием обращения товаров и денег и формированием первых основ коммерческого капитала при господстве преимущественно сельскохозяйственной экономики.

Однако следует иметь ввиду, что, в отличие от современных ему Японии периода Токугава и цинского Китая, поздний Чосон не вел торговли ремесленными товарами с европейцами, ограничившись региональной торговлей ресурсами (в частности женьшенем) и импортными товарами (чаще шелком) с Китаем и Японией. Корейский фарфор и чай в отличие от аналогичных китайских товаров, не проникали на европейские рынки, и поток европейского серебра на Дальний Восток (в основном в Китай) обходил Корею стороной.

В конце концов, корейское ремесло, по сравнению с китайским, оставалось относительно отсталым: не только китайские предметы роскоши, но даже и товары массового спроса из Китая активно захватывали чосонский рынок, в то время как корейские продукты ремесла были фактически совершенно неизвестны в Цинской империи. Политика закрытых дверей правящей конфуцианской аристократии превратила Чосон в один из самых промышленно отсталых и бедных регионов Дальнего Востока.

Контрольные вопросы и задания:

1. Почему новая династия Ли Сонге получила название Чосон?
2. Опишите внешнюю политику Седжона Великого.
3. Выявите особенности международной обстановки в Восточной Азии в конце XVI века.
4. Что стало причиной вторжения японцев на Корейский полуостров в 1592 году?
5. Почему китайская династия Мин решила оказать помощь Чосон в противостоянии с Японией?
6. Опишите результаты Имджинской войны между Чосон и Японией?
7. Выявите особенности международной торговли раннего Чосон.
8. В чем была разница внешней политики Кванхэгуна и Инджо?
9. Почему появление европейцев в Корее XVII века не вызвало интереса к европейской культуре?
10. Что стало результатом самоизоляции Кореи от торговли с европейцами?

7 Активизация европейских держав на Дальнем Востоке в XIX в.

Кончина вана Чонджо в 1800 г. оказалась свего рода водоразделом в истории позднего Чосона. Начиная с 1836 года французские миссионеры непосредственно проникают в Корею, тем самым практически кладя конец изоляции Чосона от сферы западного влияния. С распространением миссионерской деятельности и европейской торговли в Восточной Азии, а в частности после победы в первой опиумной войне (1839-1842) Великобритании над Китаем, с подписанием в 1842 году неравноправного Нанкинского договора между этими двумя странами, практически ознаменовавшего начало превращения Китая в полуколониальную периферию стран Европы, была обречена и изоляция Кореи. Корабли Великобритании — гегемона европейского капиталистического мира XIX в. - уже в 1816 г. произвели картографическую съемку побережья корейского полуострова, после чего на европейских картах контуры Кореи стали довольно точными.

Подписание Нанкинского договора на борту корабля «Корнуэллс» (Репрезентация Дж. Платта). Навязанный неравноправный договор Китая с западными державами, был неоднозначно воспринят в Корее. Многовековой «старший брат» оказался бессилен перед «европейскими варварами», что в конечном итоге ставило и Корею в положение окраины мирового империализма.

В 1832 году английский корабль «Лорд Амхерст» был отправлен к корейским берегам с требованием открыть страну для торговли с Европой, а голландский протестантский священник на борту попытался проповедовать протестантизм среди жителей, однако, без особого успеха. События в Китае - растущий конфликт между британскими торговцами опиумом и китайскими властями, который вскоре превратился в первую опиумную войну, сильно встревожил правительство Кореи, которое казнило в 1839 году после жестоких пыток трех французских миссионеров, которые въехали в страну, и десятков верующих корейцы (среди которых было много женщин и подростков). Однако репрессии не смогли сдержать общую тенденцию укрепления корейского религиозного «подполья» и расширения его связей с внешним миром.

В 1837 году французские миссионеры послали корейца Кима Дагона (Андрея) из католической семьи, которая уже подарила церкви несколько мучеников, для обучения в семинарии в Макао (позднее в Шанхае), где он - впервые в истории Кореи - выучил латынь и французский и был в 1845 году - первым из корейских верующих - посвящен как священник. По возвращении в Корею в 1846 году он был схвачен и казнен, но его пример вызвал интерес у многих других верующих в европейском образовании и культуре. Резня миссионеров побудила Францию отправить на корейский берег в 1846-1847 гг. военные суда, с которыми были направлены письменные запросы корейскому правительству, чтобы положить конец антикатолическому преследованию и открыть страну для торговли. Негативный ответ корейских властей французским представителям, отправленный через Китай, заложил основу для дипломатических контактов между Кореей и Европой.

Тем не менее, французские протесты имели некоторые последствия: гонения на католиков прекратились в середине 1840-х годов, что позволило новой группе французских миссионеров въехать в страну и активно работать в быстро растущей католической общине, печатая религиозные книги на корейском, подпольно строя церкви и даже обучать молодых христиан за границей. В конце 1850-х годов в стране нелегально жили 12 французских священников, чей приход насчитывало более 20 000 человек. Объективный ход исторического процесса потребовал от корейских властей узаконить и расширить контакты с Европой, поспешно перестроить армию и бюрократию на европейский лад и развивать экономику на новой промышленной основе. Конфуцианская элита, которая плохо понимала ситуацию в мире и все еще описывала европейцев как «пограничных варваров, которые раздражают Китай», все еще сопротивлялась изменениям, которые окружали Чосон.

В то время как соседи Китай и Япония уже начали, хотя и в ограниченных масштабах, переводить европейские научные работы и производить европейское оружие, Корея упускала время, теряя последнюю возможность предотвратить иностранную агрессию и модернизировать саму страну. В 1850-х - начале 1860-х гг. ситуация как в Корее, так и в этой стране вновь обострилась. Номанальный сюзерен Кореи – Китай нес одно унизительное поражение на другим против англо-французских сил во время Второй опиумной войны (1858-1860). Взятие Пекина англо-французским корпусом в 1860 году, сопровождавшееся разрушением, сожжением резиденции императора и гибелью ряда культурных ценностей, шокировало корейские власти, вызвав у них глубокое чувство кризиса: даже если могущественный Китай оказался настолько бессильным против «варваров», что говорить о его «вассале» в Корее? Известие о подписании Китаем новых неравных договоров с европейскими державами в 1860 году вызвало серьезные сомнения среди корейской элиты относительно реальной способности суверена защитить своего корейского «вассала» в случае европейского вторжения и осознания необходиости срочно укрепить собственные вооруженные силы. Значительным шоком для правящих кругов Кореи стало подписание Японией под давлением американской эскадры неравных договоров с европейскими державами в 1854-1858 годах.

READ MORE

С другой стороны, в атмосфере антикатолической и антиевропейской истерии, которая возникла «сверху» в течение полувека, немногие представители корейской конфуцианской элиты осмелились публично одобрить проводимые Китаем с начала 1860-х годов меры «самообеспечения», включая, в частности, приглашение европейцев обслуживать и

Ли Хаын (1820-1898), также известен по титулу Тэвонгун. Среди членов семьи и приближённых Тэвонгуна было немало католиков, и он, соприкасаясь с католическими кругами, имел достаточно полную информацию о масштабах европейского проникновения в Северо-Воточну Азию и серьёзности их вызова традиционным конфуцианским ценностям.

предоставлять передовые европейские технологии.

После смерти не оставившего потомства государя Чхольчона (1849-1863), в 1863 г. на престол был возведен малолетний правитель Коджон (1863-1907) из боковой ветви царствующей династии — фактически последний государь независимой Кореи. До совершеннолетия вана, с подачи доминировавших при дворе кланов Пхунъянских Чо и Андонских Кимов, к управлению страной был допущен Ли Хаын (1820-1898) — отец молодого государя, который имел титул Тэвонгун - аналог русского «великий князь».

Тэвонгун хотел перенапрвить массовые протесты в русло ксенофобских, антихристианских и антиевропейских настроений и начал невиданную ранее «жестокую» охоту на французских миссионеров и их приход в 1866 году, когда он узнал о преследовании католиков в китайской провинции Сычуань, где пытали девять (из двенадцати незаконно находящихся в стране) французских проповедников и более 8000 корейских католиков, а также публично сжигали христианские предметы и культа книги. Популярность христианства эти варварские меры не уменьшили - прежде всего в связи с широкими протестами против системы эксплуатации и полицейского контроля. Их важный результат, которого Тэвонгун, похоже, не предвидел, состоял в том, что они дали Франции и другим европейским державам необходимый повод для вмешательства во внутренние корейские дела и прямой агрессии против Чосон, который едва не оказался последним прибежищем неоконфуцианского изоляционизма в Восточной Азии.

Французские дипломаты в Китае восприняли убийство французских миссионеров как значительный удар по престижу Франции в регионе, который в соответствии с принципами

отношений с неевропейским миром, исповедуемыми европейцами того времени, не должен был остаться без ответа. Кроме того, французы и англичане были обеспокоены ущербом, вызванным запретом, провозглашенным Тэвонгуном на импорт всей европейской продукции и европейскую торговлю на севере Китая (посредством которой шла посредническая торговля с Кореей).

С согласия Парижа французские дипломаты и военные в Китае решили нанести ответный удар по Корее с помощью военно-морских сил, и в октябре 1866 года, после тщательной разведки, семь кораблей французской индокитайской эскадры, с полутора с половиной тысячи солдат и моряков на борту отправились в экспедицию в Сеул. Официальной целью «карательной кампании» было провозглашено «свержение кровавого тирана Тэвонгуна», но на самом деле французское командование просто хотело запугать корейскую элиту, продемонстрировав ей мощь европейского оружия и тем самым вынудив ее отказаться от неконфуцианской изоляционистской политики.

Французским войскам без особого труда удалось захватить остров Канхвадо и таким образом с моря блокировать Сеул, однако, ввиду сезонного обмеления реки Ханган и малочисленности экспедиционного корпуса морской поход на столицу оказался практически невозможен. Французские требования — подписание с Францией договора о свободе торговли и миссионерской деятельности и смиренное наказание участников преследования христиан — были, что и неудивительно, с порога же отвергнуты корейским двором, решившим не вступать в открытое сражение с экспансионистами, а изматывать их партизанскими ударами. В стычках с корейскими засадами потеряв около 30 человек и поняв, что дальнейшие военные действия бессмысленны, французы предпочли покинуть Канхвадо и вернуться на базу на полуострове Шаньдунь, предварительно спалив дотла город Канхва и разграбив располагавшееся там государственное книгохранилище (возврата ряда увезенных тогда и до сих пор хранящихся во Франции ценных книг Южная Корея без особого успеха требует по сей день).

Тевонгун считал себя «победителем» и уверял себя, что «варвары были ничтожны перед нашими моральными принципами». Он продолжал преследовать христиан с новой энергией. Результаты «карательной кампании» фактически были противоположны целям, поставленным ее организаторами. Нельзя, однако, упускать из виду, что уверенность Тевонгуна в «масштабах» его «победы» была основана на незнании реальных намерений и целей противника. Франция, которая расширялась в Индокитае, не будет вовлечена в серьезный и долгосрочный конфликт с Кореей, но будет только стремиться организовать показательные «карательные действия» и демонстрировать возможности своего оружия и техники.

Надежды Тэвонгуна на разжигание в результате войны антиевропейской истерии тоже оказались напрасными: три последовавших один за другим голодных года (1867-1869 гг.) и общее недовольство ростом цен и инфляцией побудили бежать на русскую сторону границы тысячи корейцев из северных провинций (в 1860 г., по договору с Китаем закрепив за собой Приморье, Россия получила общую границу с Кореей по реке Туманган), и ни жестокие репрессии, ни антиевропейская пропаганда не могли предотвратить потока беженцев, составившего, по разным данным, около 9 тыс. человек.

Предпринятая в 1868 г. авантюристическая акция проживавшего в Шанхае немецкого купца Опперта послужила новым, неожиданным оправданием для ксенофобской политики

Тэвонгуна. Опперт, который уже несколько раз птылася наладить торговлю с Кореей, но неизменно натыкался на отказ, решил выкрасть кости отца Тэвонгуна из находившейся недалеко от побережья могилы, и, сделав их своего рода «заложником», потребовал от правителя Кореи «открытия страны» с целью разрешения торговли с европейскими странами и легальной проповеди христианства.

Опперт зафрахтовал корабль, набрал малайско-китайскую команду (не раскрывая ей цели экспедиции), и, в апреле 1868 г. пристав к корейскому берегу, достаточно быстро добрался до нужной ему могилы: проводниками служили ему отлично знавшие местность корейские христиане. Попытка выкрасть останки наткнулась, однако, на неожиданные сложности: погребальная структура оказалась достаточно прочной, и очень скоро местные жители сообщили неудачливым похитителям о приближении правительственных солдат. Опперт оказался вынужден бежать к берегу и без особых успехов вернуться обратно на Шанхай, понеся лишь совсем небольшой урон в столкновении с одним из местных гарнизонов. Однако его акция, которая наглядно показала степень расистского пренебрежения западноевропейцев на Дальнем Востоке к обычаям и нравам «туземцев», стала как для Тэвонгуна, так и для неконфуцианского консервативного большинства корейской аристократии в целом еще одним доказательством того, что европейцы не более чем «варвары, не способные даже уважать чужих могил», и заслуживающие только решительной вооруженной атаки. Однако, она показала и другую, еще менее приятную для Тэвонгуна сторону реального положения дел: не только христиане-католики (ненависть которых к режиму и конкретно к Тэвонгуну была вполне аргументирована), но и большая часть рядовых крестьян относились к незваным иноземцам достаточно доброжелательно, оказывая им всяческую помощь.

Планы Тэвонгуна в случае крупномасштабного нападения европейцев на организацию против них партизанской войны в духе Имджинсокй войны, как оказалось, вряд ли будут легко осуществимы в условиях низкой популярности режима и государственности янбанов в целом.

В то время как попытки Франции «открыть» Корею силой были в основном связаны с соображениями престижа государства и традиционной политикой поощрения католической миссионерской работы и, в гораздо меньшей степени, с реальными коммерческими интересами, американский интерес к Корее с тех пор имел ярко выраженный коммерческий характер. В соответствии с упрямой политикой изоляционизма Тэвонгуна, настойчивое «расширение бизнеса» американцев могло только привести, в конце концов, к серьезному «лобовому столкновению». Поводом стала судьба американского торгового корабля General Sherman, зафрахтованного английской торговой компанией для экспедиции на Север Кореи.

Европейцы давно были заинтригованы слухами о якобы обильных золотых могилах древних корейских гробниц вдоль реки Тедонган. Кроме того, коммерческие и судоходные компании Дальнего Востока конкурировали друг с другом, пытаясь первыми «прорваться» на неизведанный корейский рынок. «Капитан Шерман», загруженный различными европейскими товарами, с командой из 24 человек (в основном китайские и малайзийские моряки), пристал в устье реки Тедонг, но тут же натолкнулся на решительный отказ корейских властей даже начать переговоры о торговле: в стране действовал указ, запрещающий любой импорт европейских товаров. В то время как власти посчитали корабль английским (корейские провинциальные чиновники почти не знали о существовании Соединенных Штатов), а

моряков считали «китайскими пиратами», католики с окраин Пхеньяна решили, что корабль был отправлен французскими властями, чтобы спасти их от преследований: изображение королевы Виктории на открытках, принесенных моряками, было ошибочно принято за портрет Девы Марии.

Довольно быстро грубое поведение команды привело к столкновениям с местными жителями, и губернатор Пхеньяна сирхакист Пак Кюсю решил, что лучше всего, в соответствии с указаниями Тэвонгуна, традиционным образом сжечь корабль, отправив на него флотилию горящих лодок. Члены экипажа, которым удалось сойти на берег, были убиты, а металлические части корабля были подняты из воды и отправлены в Сеул, где их пытались использовать для создания европейского корабля, но безрезультатно.

Инцидент, о котором американские дипломаты в Китае вскоре узнали от корейских католиков и французских миссионеров, дал американской стороне хороший повод начать «открывать» Корею для торговли силой. Сначала американцы хотели провести «карательную экспедицию» с участием Франции, но затем решили действовать в одиночку. Решение «наказать» Корею за «оскорбление американского флага» было принято главой американской миссии в Пекине Ф. Лоу и командующим ВМС США, тыловым маршалом Дж. Роджерсом: последний принял личное командование «карательной экспедицией», состоящей из 5 кораблей и около 1200 солдат и моряков. Задача заключалась в том, чтобы заставить корейскую сторону, по возможности, заключить торговое соглашение с Соединенными Штатами, а также провести картографическое исследование побережья, чтобы иметь возможность планировать военные операции в Корее в будущем.

В июне 1871 года американская эскадра подошла к острову Канхвадо и вскоре подверглась нападению корейских береговых сил: корейские военные выполнили приказ Тэвонгуна о решительном противостоянии любым попыткам европейцев въехать в страну. Атака, которая практически не нанесла ущерба американцам (из-за слабой огневой мощи устаревшей корейской артиллерии), дала им еще один повод для развязывания военных действий. Американские десантные силы при поддержке артиллерии захватили несколько фортов на острове Канхвадо, потерпев из-за несравненного превосходства в вооружении лишь незначительные потери и почти полностью уничтожив корейские гарнизоны (по разным оценкам, около 250 300 человек).

Отчеты Дж. Роджерса показывают, что защитники фортов сражались с жестокостью и мужеством, удивлявших американцев, предпочитали смерть плену, но были беззащитны перед огневой мощью артиллерии и стрелкового оружия противника. Попытка американцев добраться до Сеула оказалась безуспешной. Когда Дж. Роджерс понял, что режим Тэвонгуна не собирается начинать мирных переговоров, он, наконец, решил вывести свою эскадру в Китай.

Обе стороны считали себя успешными: Дж. Роджерс и Ф. Лоу были уверены, что успешное нападение на корейские форты повысит престиж Соединенных Штатов в регионе и покажет корейскому правительству степень американского военного превосходства, в то время как Тэвонгун считал, что «духовная высота конфуцианских принципов» привела к отступлению интервентов. Также он сочинил триумфальное стихотворение о том, что «как бы ни застилала Поднебесную пыль с европейских кораблей, солнце страны на Востоке Кореи будет сиять вечно».

Желая подчеркнуть правильность и успех своей политики, Тэвонгун прибегнул к бесцеремонному искажению результатов противостояния: если реальные потери американцев и корейцев были несравнимы по величине (3 американца погибли против 250 300 защитников, убитых на острове Кангвадо), то в официальном сообщении правительства Кореи они выглядели совершенно иначе (предположительно, погибло всего 53 корейских солдата). Искажения и фальсификации должны были скрыть от населения разрушительный для режима афакт: у корейских властей не было реальных возможностей для эффективного сопротивления европейским агрессиям, независимо от того, были ли они восприняты всерьез и в больших масштабах.

Придя к власти, правительство Коджона немедленно столкнулось с серьезной внешнеполитической проблемой, от решение которой режим Тэвонгуна практически устранился кризисом в корейско-японских отношениях. После «реставрации Мэйдзи» в 1868 году Япония, стремительно вступая на путь современного государственного строительства, промышленности и армии, несколько раз пыталась возобновить традиционные дипломатические контакты с Кореей, но безуспешно. Правительство Тэвонгуна, верное традициям средневекового формализма, обнаружило изъяны в исполнении японских дипломатических документов, главным образом в использовании названия «император» по отношению к правителю Японии: с точки зрения неоконфуцианцев, только «суверена» Кореи - правителя Китая можно считать «императором». Чиновники Тэвонгуна также подвергли критике за европейскую одежду новых японских дипломатов - непростительное нарушение традиционного регионального этикета с точки зрения корейской неоконфуцианской ортодоксальности.

На самом деле правительство Тэвонгуна в принципе не одобрило путь, выбранный новой японской элитой - радикальной европеизации индустриализации, считая, что она «сдается варварам» и «предает» все традиционные ценности. Отказы в восстановлении дипломатических связей принимают крайне острую форму: чиновники Тэвонгуна отказались принимать «неправильно написанные» официальные сообщения от правительства Японии и принимать японских дипломатов, иногда даже произвольно задерживая их. По-видимому, считая себя «победителем американцев и французов», Тэвонгун не считал, что «варварский сосед» - Япония представляет ему угрозу. На самом деле уверенность в себе Тэвонгуна основывалась не на анализе информации, а на полном незнании ситуации в Японии.

Японская элита 1860-х и 1870-х годов чувствовала себя униженной неравными договорами, навязанными силами и угрозами со стороны западных держав, и, кроме того, несли значительный ущерб японской экономике: без права устанавливать таможенные тарифы Япония не могла защитить слабую отечественную промышленность от наплыва дешевых европейских товаров. Япония, слабый и неравный партнер европейских империалистических держав на Дальнем Востоке, нуждалась как в способности «самоутверждаться» вооруженными средствами в качестве «равноправного» милитаристского государства, так и в своих собственных «защищенных» от империалистической конкуренции рынках для торговли теми же европейскими товарами по высоким ценам.

Китай по-прежнему будучи относительно сильной в военном отношении державой, рынки которой уже развиты европейским капиталом, вряд ли мог стать объектом экспансии Японии. Но слабая Корея, географически близкая, но все еще не вовлеченная в прямую торговлю с

Западом, была идеальной целью для насильственного навязывания неравных отношений. Для японской элиты, которая уже искала поводов прибегнуть к «дипломатии канонерок» в отношении своего ближайшего континентального соседа, высокомерие Тэвонгуна было идеальным оправданием.

Уже в начале 1870-х гг. определенная часть японской правящей элиты выступала за немедленную «кампанию против Кореи», чтобы «смыть» «оскорбление», предположительно нанесенное Тэвонгуном, но относительная слабость вооруженных сил и сложные внутриполитические обстоятельства помешали Япония последовать примеру США и Франции в организации «карательного рейда» против Кореи. Подходящим моментом считался 1875 год, когда Япония уже достигла определенных успехов в создании современной призывной армии, оснащенной современным европейским оружием. Стратегия, выбранная японским правительством в 1875 году, сильно отличалась от планов «кампании против Кореи», выдвинутых ранее: теперь планировалось продемонстрировать мощь нового японского флота в нескольких небольших столкновениях и запугать Коджона, затем вынудить его подписать неравный договор с Японией по той же модели, которая была ранее навязана европейскими державами самой Японии. Планировалось выпустить серьезную войну только в случае упорного нежелания корейских властей подчиниться давлению.

Чтобы спровоцировать руководство Кореи к конфликту, в конце 1875 года группа японских военных кораблей во главе с кораблем «Унъе» была отправлена к берегам Кореи. Проведя детальное картографическое исследование восточного и южного берегов Кореи, не принимая во внимание запрет корейского правительства, «Унъе» направилась к уже «традиционной» цели европейских «карательных экспедиций», остров Канхвадо, и бросила якорь прямо перед одним из портов. Под видом «поисков питьевой воды моряки «Унъе» без разрешения корейских властей высадились на сушу и направились к корейским батареям.

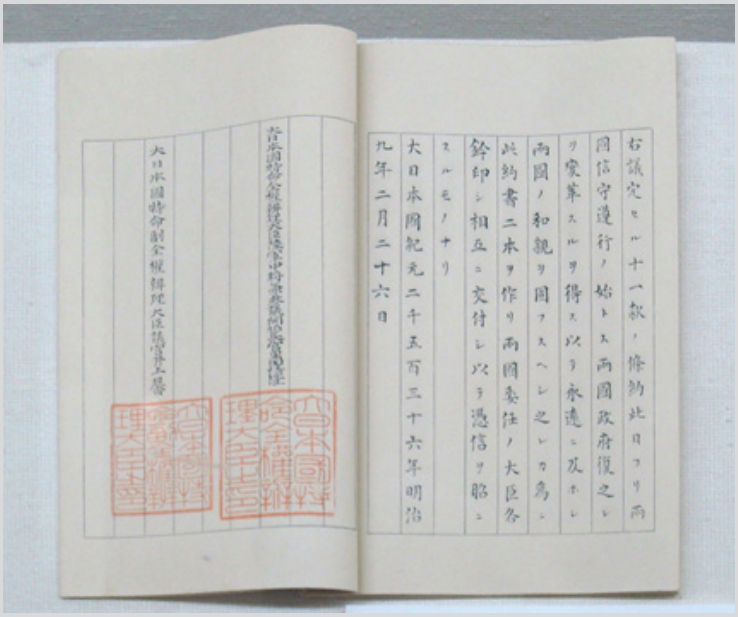
Прекрасно понимая, что корейскому гарнизону был дан приказ незамедлительно открывать огонь в подобных ситуациях, капитан «Унъё» преднамерено провоцировал инцидент. Как и предполагала японская сторона, корейцы открыли по японским морякам ружейный и пушечный огонь, но и тут обнаружился уровень военной техники в изолированной от капиталистического мира неоконфуцианской Корее, они смогли только легко ранить двоих противников. Действия корейского гарнизона дала японцам небходимый повод для того, чтобы, как и предполагалось с самого начала, показать военно-технологическое преимущество вестернизированного войска правительства Мэйдзи.

Во время японской бомбардировки и последующей посадки, другой, менее защищенный, корейский форт был легко захвачен и сожжен, корейская сторона потеряла 35 погибших, а остальные 500 защитников форта бежали. Хотя поведение японцев было открыто провокационным с самого начала и их применение силы было совершенно несоразмерным, японская сторона, которая в соответствии с европейским примером объявила инцидент «оскорблением флага», получила отличный предлог для навязывания режиму Коджон-Минов дипломатических и торговых отношений на выгодных им условиях. Уже в следующем 1876 году японский посол Курода Киётака был отправлен в Канхвадо с пятью кораблями и четырьмя сотнями солдат.

После высадки на берег японцы начали провокационно проводить «учения» подразделения и одновременно попросили корейские власти начать переговоры о подписании «соглашения

о дружбе» и торговле с Японией. Мнения придворных разделились, но в итоге Кожон и его окружение решили договориться и заключили соглашение. На их решение повлияло несколько факторов: нежелание слепо следовать очевидному тупиковой политике Тэвонгуна, рекомендация китайских властей не переводить вопрос в серьезный вооруженный конфликт (Китай опасался, что в этом случае ему будет нелегко выполнить «долг суверена» (помочь Корее) и очевидному превосходству японского оружия, которое выставляло любую военную операцию Кореи заранее проигрышной.

Основным сторонником примирения с Японией был уважаемый сирхакист Пак Кюсу, который, согласно учению Пак Чивона и Пак Чега, считал развитие международной торговли в принципе неизбежным, а соседнюю Японию не такой опасной, как крупные европейские империалистические государства. После того, как корейский двор добился примирения с Японией, несмотря на отчаянные возражения ушедшего в отставку Тэвонгуна, который предупредил о надвигающейся «смерти государства» в случае переговоров с «варварами», он отправил уважаемого сановника Син Хона в 1810 г. вести переговоры с японцами на острове Канхвадо. Результатом этих переговоров стал Канхваский договор, подписанный в 1876 году. Подписание этого договора, первого современного дипломатического документа в истории Кореи, имело большое значение для исторической судьбы Кореи. Это не было понято Коджоном и его окружением, которые рассматривали новый договор как не что иное,



Текст Канхваского договора. Также известен как как корейско-японский договор о мире 1876 года. Первый договор сорвеменного типа подписанный Кореей с иностранным государством.

как продолжение традиционных добрососедских отношений, которые Корея поддерживала с режимом Токугава, но в новых условиях.

В действительности, однако, новый договор фактически заложил основу для цепи событий, которые в конечном итоге привели к разрушению традиционного корейского общества и превращению страны в экономическую и политическую «периферию» мировой капиталистической системы, а затем (с 1910 года) в японскую колонию. Первая статья этого

договора провозгласила Корею, как и Японию, «независимым» (чаджу) государством, что отражало стремление японской стороны освободиться от взглядов, которые ограничивали дальнейшее проникновение на Корейский полуострова - то есть позицию Кореи в качестве «вассала» Китая. Кроме того, соглашение открывало для торговли и проживания японских граждан как Пусан (традиционный торговый центр с Японией), так и в два дополнительных портах (последующие соглашения определят «открытие» Вонсана и Инчхона). Договор не содержал никаких тарифных положений, что на практике означало практическое освобождение японских торговцев в Корее от всех таможенных ограничений (тарифный договор был подписан на очень выгодных для японской стороны условиях - только в 1883 году). В этом смысле Кангваское соглашение было гораздо менее выгодным для Кореи, чем неравные соглашения с западными державами для Китая и Японии: последние, однако, предусматривали тарифы от 5 до 10% на дешевые промышленные товары, импортируемые европейцами, а Кангваское соглашение практически обрекло корейские ремесла на бесперспективную конкуренция с западными продуктами, поставляемыми через Япониею.

Наконец, как и европейцы в Китае и в самой Японии, японцы убедили корейскую сторону в «экстерриториальности» японских граждан, совершивших преступления в Корее, даже против корейцев, только японский консул мог их судить, но не Корейские власти. На практике это означало, что японские торговцы были освобождены от любой ответственности за мошеннические действия против своих корейских партнеров: защита интересов обманутых корейцев вовсе не была задачей японских консульских властей.

Одобрение корейцами рабских условий Канхваского договора может быть в равной степени объяснено как фактической военной слабостью страны, которая не смогла оказать эффективное вооруженное сопротивление японскому давлению, так и невежеством янбанской элиты не понимавшей разрушительных последствий «свободной» торговли с капиталистическим миром для страны, где не было, даже мануфактурного производства.

Подписание Канхваского договора можно рассматривать как событие, которое завершает традиционную историю Кореи. С включением в договорную систему отношений, Корея за следующие несколько лет превратилась в рынок сбыта западных товаров, импортируемых на японских судах и поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции (главным образом риса) для японского рынка - одним словом, классическая «периферия» капиталистического мира.

С появлением несколько десятилетий спустя западного (в основном американского) капитала экономическая зависимость страны лишь усилилась. Корея уже с начала 1880-х гг. попала в тиски зависимости от региональных «держав» — Японии, Китая, а позже в определенной мере США, которые поставляли «периферийному» режиму займы и оружие, а также держали свои войска (якобы «для защиты дипломатических миссий») в столице Кореи. В конечном итоге, страна, с согласия Великобритании и США, в 1910 г. была колонизирована Японией - новым центром капиталистического развития в Восточной Азии. Канхваский договор заложил начало быстрого, занявшему в результате немногим более 30 лет, распаду традиционного уклада и формированию на Корейском полуострове «периферийного», зависимого капиталистического государства.

Катализатором к осуществлению преобразований послужила отправка посольства в Японию в мае 1880 г. Свита посольства, которая была возглавлена доверенным Коджону

сановником Ким Хонджипом (1842-1896), состояла из 58 человек; среди которых были ведущие представители позднего сирхакизма, серьезно заинтересованные в проводившихся правительством Мэйдзи реформах.

Во время своего пребывания в Японии Ким Хонгджип и его коллеги обнаружили, что Корея, в отличие от своего восточного соседа в прежние времена, имела дело с другой, новой Японией. «Налоги взимаются в строгом соответствии с законом, в армии существует строгая дисциплина, полиция строго следит за порядком, бродяги и нищие на улицах вообще не видны, а торговля процветает», - сказал посол императору, когда он вернулся. о появлении модернизированной Японии, которая так отличалась от коррумпированной и страдающей от бандитизма Кореи.

Очевидное отставание Кореи от ее близкого соседа во всех сферах внушало придворной аристократии серьезную тревогу. Беспокойства добавило и содержание бесед с японскими дипломатическими миссиями, которые старательно внушали совершенно неосведомленным о реальной ситуации в мире членам корейского посольства, что Россия якобы питает в отношении Кореи экспансионистские умыслы и желает отобрать у корейского государства близлежащие к границе северные территории. Сами готовясь к дальнейшей агрессии на Корейском полуострове, дипломаты правительства Мэйдзи всеми правдами пытались выставить себя как «братьев корейцев по культуре и расе», которые якобы стремились «защитить Корею и Азию в целом от белого христианского империализма». Данная расистская паназиатистская идея казалась корейской верхушке еще более правдоподобной, что аналогичную позицию занимала в это время и китайская дипломатия, в связи с неудачным ходом переговоров с Россией в 1878-1880 гг. вокруг территориальных проблем в Синьцзяне. Особо упорствовал в «объяснении» корейским дипломатам исходившей от Российской империи «опасности» помощник китайского посла в Токио Хуан Цзуньсянь (1848-1905), который пользовался в то время большим уважение как талантливый поэт и один из первых специалистов по современному международному праву в Китае. Не ограничиваясь многочасовыми беседами, он также написал и передал Ким Хонджипу для вручения вану Коджону короткий трактат, названный «Стратегия для Кореи». Уже в первых строках назвав Россию «самой большой и самой опасной страной в мире, лелеющей мечты о завоевании всех окрестных территорий из-за холодного климата ее коренных владений», Хуан Цзуньсянь рекомендовал Корее «противодействовать российской угрозе» путем усиления с Цинами («любящих Корею более любых других вассальных территорий») вассальных отношений, а также союза с Японией и установления дипломатических контактов с Америкой. Хуан Цзуньсянь, как и Ким Хонджип, на прямой вопрос Коджона об опасности японской экспансии ответил, что Япония «не имеет никаких злых намерений».

Хуан Цзуньсянь был поразительно наивен, не воспринимая растущее влияние Японии на дела Кореи как угрозу позиции Китая на полуострове и не замечая истинных основ японской политики в отношении Кореи. Однако предложения Хуана открыть китайским торговцам доступ к корейским портам и направить корейских студентов на учебу в Китай, что преследовало весьма специфическую цель - закрепить старую зависимость Кореи от Китая в новых формах в новой системе международных отношений - были менее наивными. Однако основной акцент корейского для двора, в послании Хуана был в следующем - только укрепление международных отношений, быстрое развитие торговли и предпринимательства,

а также строительство современной армии и флота могло спасти Корею во время «европейского завоевания в Азии». Не только японские «варвары», но и официальный сюзерен Кореи, Китай, настаивали на скорейшем проведении реформ.

Взяв трактат Хуана за основу программы реформ, Коджон распорядился, чтобы провинциям была предоставлена копия «Стратегии для Кореи» для ознакомления местному янбанству. Намерение Коджона состояло в том, чтобы используя авторитет «сюзерена» - Китая, убедить консервативное большинство правящего класса в срочной необходимости реформ. Однако эффект был совершенно противоположным.

Корейский двор согласился с китайскими дипломатами в том, что установление дипломатических и торговых отношений с крупнейшими западными державами может обуздать «агрессию» России в долгосрочной перспективе и вел в 1881-1882 гг. активную подготовку к заключению соглашения, особенно с США. Соглашение было наконец подписано в 1882 году при активном посредничестве Китая на очень выгодных для корейской стороны условиях.

Корея была признана в договоре «суверенным государством», а импортные пошлины на американские товары были установлены на уровне 10–30%, что в будущем могло позволить Корее защитить свою отрасль от иностранной конкуренции.

Корея и Китай позже попытались включить подобные условия, благоприятные для Кореи, в текст корейско-английского договора, но британское правительство отказалось его ратифицировать. Дело в том, что британские торговые компании, торгующие со странами Дальнего Востока, выразили решительный протест, предупредив, что импортные тарифы, выгодные для Кореи, могут создать прецедент, который впоследствии будет использоваться Китаем при утверждении протекционистских таможенных пошлин. В результате длительных и трудных переговоров корейской стороне пришлось подписать крайне невыгодное соглашение в 1883 году, устанавливающее тарифы на импорт британской продукции в размере 5-20% и пошлину в 7,5% на импорт основных британских товары и ткани. Учитывая, что именно Британия была основным экспортером промышленных товаров на Дальний Восток, это означало провал попыток Кореи проводить протекционистскую политику в отношении ее собственной промышленности.

Начало 1880-х годов было отмечено общим ростом недовольства среди «низших классов». Общее недовольство властями было наиболее ясно выражено солдатами столичных подразделений, которые не получали зарплату в течение нескольких месяцев и жившими с доходов от малого предпринимательства и наемного труда. Беспокойство по поводу их будущего было смешано с ненавистью к Японии, в основном связанной с деструктивным характером в отношении корейского ремесла корейско-японской торговле. Ростом «массового» недовольства решил воспользоваться свергнутый Тэвонгун, который расценил политику реформ как «катастрофическое предательство» и считал жизненно важным отстранить «иррационального молодого человека» Коджонга от власти и вернуться на прежний курс. Курс ограниченных изменений всего за два года привел страну к политическому кризису. Ожидаемое консерваторами «верхов», вспышка недовольства среди «низов» произошла в июне 1882 года. В условиях подобного кризиса иностранное вмешательство и потеря значительной части независимости страны были фактически неизбежны.

Как только японский посланник вернулся на родину и сообщил о случившемся, в

правительстве началась серьезная дискуссия о возможности «оправданной» войны с Кореей. Ситуация была также напряжена «патриотической» прессой, которая усилила антикорейские настроения. Учитывая тот факт, что Япония не была готова к возможной войне с формальным правителем Кореи, Китаем, было решено ограничиться предъявлением ультиматума Тэвонгуну с рядом требований. Претензии включали не только компенсацию за гибель японских граждан, но также и расширение коммерческих возможностей Японии на полуострове (в частности, частичное открытие корейской столицы для японской торговли). Японский посланник, направленный в Сеул для предъявления ультиматума, сопровождался пехотным батальоном и семью военными кораблями. В случае если корейское правительство отказывалось принять требования, посланнику было дано указание взять порт Инчхон и ждать дальнейших инструкций, то есть начать подготовку к агрессии против Кореи.

Как и ожидалось, ультиматум, представленный посланником в чрезвычайно грубой форме перед аудиторией Коджона, был решительно отвергнут Тэвонгуном. Японцы, однако, не смели начинать вооруженные действия: у побережья столичной провинции уже была китайская флотилия (3 корабля) с 3000 солдат на борту. Ожидая - и совершенно справедливо - что Япония использует этот инцидент для укрепления своих позиций на полуострове путем дипломатического давления или открытой агрессии, Китай поспешил защищать свои интересы в Корее. Консенсус в отношении вооруженного вмешательства в дела Кореи был официально получен правительством Цин от двух корейских дипломатов в Тяньцзине (Ким Юнсик и О Юнджун), которые принадлежали к фракции Мин и были сторонниками умеренной линии реформ. В итоге реформаторы признали, что режим Кожона не может провести преобразования.

С сентября 1882 года Китай поставил Корею под прямое управление специальным указом. Трехтысячные экспедиционные силы постоянно оставались в Корее вместе с китайским «резидентом», который получил право «направлять» корейскую политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Провозглашенные в октябре 1882 года двром Цин отдельным указом Правила торговли с Кореей (практически корейско-китайское торговое соглашение) предоставили китайским торговцам с экстерриториальным правом вести дела как в Сеуле (беспрепятственно), так и в провинциях (с разрешение местных органов власти). Эти привилегии означали, что приток китайских дешевых и высококачественных товаров в страну, губительный для корейских ремесел, усилится с помощью китайских посредников.

Под контроль китайских офицеров попала и основная часть столичного гарнизона.

Соглашение, в конечном счете подписанное корейским двором с японской стороной при посредничестве Ма Цзяньчжуна (так называемое «Чемульпхоское слоглашение»), обязало Корею выплатить весьма обременительную компенсацию (500 тысяч иен; для сравнения, весь военно-морской бюджет правительства Японии в 1880 году составил 2 миллиона 600 тысяч иен) и дало японцам право разместить батальон солдат при японской миссии в Сеуле, а также право торговли в столице.

Своевременное вмешательство Китая предотвратило возможную агрессию Японии на полуострове, которой Тэвэнгонгу все еще не хватило бы сил противостоять. Это, однако, укрепило полуколониальную, по сути, позицию Кореи по отношению к Китаю, позволило свободно использовать корейский рынок китайским торговым капиталом. Правительству Коджона теперь пришлось проводить политику реформ под контролем Китая и с опорой

на китайские штыки, что сделало умеренную модернизацию «сверху» еще менее популярной в стране и ограничило масштаб самих реформ. Китай не был заинтересован в политике, которая могла бы сделать Корею сильным и независимым государством с боеспособной современной армией. В целом полуколониальный статус страны по отношению к консервативной империи Цин сделал серьезные радикальные реформы практически неосуществимыми. Кроме того, с одновременным размещением китайских и японских войск в столице, Корея стала ареной потенциальной военной конфронтации между двумя сильными соседями. Будущее страны было под угрозой.

Ван Коджон (1851-1919) - 26-й король династии Чосон. Многие исследователи считают его лишь номинальным правителем, при котором сначала правил его отец – Тэвонгун, затем его жена – королева Мин, а после ее убийства – японская администрация.

Восстановив власть Коджона путем решительного вмешательства и встав на пути японской экспансии в Кореи, Китай пошел по направлению укрепления своих позиций в стране, превратив традиционную формальную вассальность в реальность. Верховный контроль над корейской армией попал в руки китайского командующего У Чанцзина (1833-1884), командующего китайскими войсками, дислоцированными в Сеуле. Один из его подчиненных, молодой офицер Юань Шикай (1860-1916), который позже сделал головокружительную карьеру на своей родине и сыграл значительную роль в судьбе Китая в начале 20-го века, взял на себя ответственность за формирование в вооруженных силах «новой модели», вместо распущенного «Подразделения Особых Умений».

Новая дворцовая гвардия (чхингун), завербованная Юанем Шикаем, насчитывающая две тысячи солдат, была вооружена китайским оружием и обучена офицерами Цин. Фактически, она была предназначена усилению доминирующего положения Китая в Корее и прежде всего, чтобы подавить антикитайские протесты. В области управления Общее Управление Государственными Делами , согласно китайской модели, было разделено на внешнее и внутреннее управление (Веамун и Нэамун , соответственно). Если первое отвечало за дипломатию и международные отношения, то последнее отвечал за чеканку монет, развитие торговли и производства, морскую таможнюи т. д. Два ключевых института возглавлялись либо консервативными политиками из группы Мин, либо умеренными реформаторами из

других близких кланов, которые выступали за постепенную трансформацию по китайской модели, сохраняя при этом абсолютизм и классовые привилегии. Их действиями «руководили» советники Цин, которые практически взяли под контроль ключевые административные области.

Среди группы консультантов, назначенных в соответствии с китайской «рекомендацией», выделяется немецкий востоковед Поль Георг фон Меллендорф (1848-1901), первый европейец, который был принят на государственную службу в Корее с 17-го века. Мёллендорф с его знанием мировой ситуации и китайского и европейского языков, должен возглавить «новую» дипломатию, рожденную в начале 1880-х годов, а также установить портовую таможню в Корее по китайской модели. Однако протеже нынешнего правителя северного Китая Ли Хунчжана (1823-1901), который до прибытия в Корею служил на китайской таможне, Мёллендорф занял очень независимую позицию, главным образом защищая интересы Коджона. Консервативное руководство внешних и внутренних администраций согласилось проводить реформы лишь постольку, поскольку они не угрожали «стабильности» режима и интересам Китая на полуострове. Почти вся деятельность прокитайских бюрократов была так или иначе связана с интересами Китая: первые корейские торговые суда были куплены в Шанхае, китайские переводчики были приглашены для обучения молодых корейских дипломатов английскому языку и т.д.

Юань Шикай (1859-1916) – постоянные представитель Империи Цин в Корее 1885-1894 гг. Политические кризисы в Корее предоставили возможность проявиться организаторским талантам Шикая и, построив головокружительную карьеру на военном поприще, в 1912 году он стал вторым президентом Китайской Республики.

Однако ряд молодых сотрудников внешнего управления, которые ориентировались на Японию и восприняли радикальную модернизацию восточного соседа как режим Мэйдзи, решительно выступали против укрепления полуколониального статуса страны. В конце концов, их конфликт с консервативным прокитайским большинством в 1884 году привел к попытке государственного переворота.

Коджон и его окружение, которые явно чувствовали, что влияние Китая в конечном итоге угрожает судьбе корейской монархии, постепенно наполнялись антикитайскими настроениями. Однако Коджон не считал, что можно было открыто противостоять Цин, чья поддержка была столь важна перед лицом внутренней оппозиции и внешних угроз, и думал о том, чтобы сбалансировать китайское присутствие путем развития контактов с другими странами.

Британия, которая, будучи самой сильной империалистической державой того времени, интересовалась главным образом китайским рынком для своей продукции и Китаем в качестве противовеса России на Дальнем Востоке, рассчитывала на укрепление сферы влияния Цин в регионе в начале 1880-х годов. Объектом большого интереса со стороны Коджона были Соединенные Штаты. Коджон, который, по словам его придворных, «танцевал от радости» с прибытием американского посланника Л.Фута в Сеул (май 1883 г.), вскоре отправил первую корейскую миссию в Соединенные Штаты под руководством одного из молодых членов клана Мин, Мин Ёнъика. (1860-1914). Первого посла Кореи в Америке сопровождали представители молодой группы по реформированию внешней администрации – Ю Гильджун, Со Гванбом (1859-1897), Хон Ёнсик (1855-1884), и др.

Все они вскоре будут играть активную роль в борьбе реформаторов со своими консервативными противниками. Современная промышленность и военная мощь в Соединенных Штатах произвели неизгладимое впечатление на корейских посланников: по словам Мин Ёнъика, он «родился в темноте, наконец-то увидел свет».

Однако Соединенные Штаты не имели возможности или намерения помочь Корее избавиться от полуколониальной зависимости. Американская деятельность на полуострове в 1880-х годах была ограничена в основном миссионерской и образовательной деятельностью. Другая часть корейской элиты, которая ставила своей целью независимость страны от двора Цин и быстрое осуществление радикальных реформ, нуждалась в другом союзнике.

Многие молодые реформаторы - в основном те, кто ездил в Японию с дипломатическими миссиями и имел связи с японскими правящими кругами - считали, что Япония может стать союзником как сосед, связанный культурно и который обрел наибольший успех в Азии в сфере модернизации и политике.

Мировоззрение этой группы, которое сформировалось в основном в процессе тесного контакта с японскими либеральными кругами, было открыто прозападным, открыто критикующим конфуцианские традиции. В отличие от Коджона и большинства его ближайших соратников, которые считали заимствование западных технологий (в основном военных) и некоторых бюрократических форм достаточным, про-японские радикалы считали источником «богатства и силы» стран Запада и Японии, в нормах буржуазно-правовой государственности, верховенства закона, равенства субъектов перед законом, твердых гарантиях личной свободы и собственности.

В 1882-1884 гг. радикалы в своей практической деятельности достаточно часто прибегали к японской помощи в разных формах. Потому неудивительно, что, когда в конце 1883 — начале 1884 г. китайско-французская война во Вьетнаме, отвлекшая Китай от корейских дел, предоставила удобный случай для реализации вооруженного переворота в Корее, один из радикалов, не найдя поддержки у западных (американских и английских) дипломатов, обратился именно к японским посланникам за поддержкой. Предсказуемо и то, что реформаторы смогли получить желаемую поддержку, так как с точки зрения японцев, выдавливание китайских сил из Кореи должно было стать предверием к созданию японской сферы влияния на полуострове.

Одновременно с модернизацией Японии начались дипломатические столкновения с Цин (вокруг Тайваня, островов Рюкю и т. д.) уже в 1870-х годах, а с начала 1880-х годов они начали подготовку армии и флота к крупномасштабной войне с Китаем в будущем. Японское

правительство, которое уже начало перевооружение армии и флота в ожидании будущего столкновения с Китаем, было заинтересовано в проверке силы китайских войск на Корейском полуострове и надеялось захватить доминирующие позиции в Корее, если реформаторы добьются успеха.

6 декабря 1884 года дворец Чхандоккун подвергся нападению китайских войск под командованием Юань Шикая, которые смогли быстро обратить в бегство японских солдат. Правитель Кореи и двор оказались под полным контролем Юаня Шикая.

Провал переворота, с точки зрения японского руководства, стал серьезным ударом в борьбе против китайского правления на Корейском полуострове. Опасаясь спровоцировать серьезное военное противостояние с империей Цин, правительство Японии решило «восстановить» свой огромный престиж посредством серьезного дипломатического давления на Корею. Вскоре после провала государственного переворота в Инчхоне в сопровождении семи военных кораблей и двух тысяч солдат прибыл министр иностранных дел режима Мэйдзи Иноуэ Каору (1835-1915), который был назначен полномочным представителем для урегулирования инцидента. Переговоры с корейскими представителями, Ким Хонджипом и Мёллендорфом были типичным примером так называемой «дипломатии канонерок» - Япония ясно дала понять, что несогласие с выдвинутыми ею условиями будет поводом для открытой агрессии.

По рекомендации Китая, опасаясь серьезного конфликта с Японией в результате неудачной войны против Франции, корейская сторона согласилась подписать крайне унизительное и невыгодное соглашение, известное как «Хансонский договор» (1885). Хансон - это старое официальное название Сеула. Это соглашение обязывало правительство Кореи «извиниться в письменном виде» перед японскими властями за «ущерб, нанесенный Японии» (несмотря на тот факт, что неудачный государственный переворот был открыто поддержан японскими дипломатами в Сеуле), выплатить компенсацию, в то время очень большую сумму в 110 000 иен, семьям погибших японцев, а также заплатить за строительство нового здания миссии в Японии (в обмен на сгоревших во время переворота) и найти и казнить убийц японских дипломатов.

Япония, в свою очередь, отказалась выдать организаторов переворота корейским властям, настаивая на том, что они имеют право на политическое убежище. Копируя дипломатические методы, широко используемые западными империалистическими государствами в отношении периферийных стран Азии и Африки, Япония, таким образом, подчеркнула свое превосходство над своим континентальным соседом и свой новый статус «единственной цивилизованной страны» на Дальнем Востоке.

Стремление руководства Японии и Китая избежать преждевременного столкновения на Корейском полуострове также привело к успешному завершению переговоров между двумя сторонами в Тяньцзине и подписанию Тяньцзиньского договора (1885 г.). В соответствии с этим соглашением Китай и Япония обязались вывести свои войска из Сеула, «рекомендовать» корейским властям продолжать нанимать «нейтральных» (то есть европейских или американских) инструкторов для корейских войск и заранее предупреждать друг друга в случае отправки войск в Корею в «чрезвычайной ситуации»; сразу после «восстановления порядка» войска должны быть выведены. Почти все это означало, что Япония признает

доминирование Китая над правительством Кореи и соглашается ограничиться экономическим проникновением в страну «мирными» методами. Естественно, Япония не собиралась полностью отказываться от планов включить Корею в сферу своего влияния. Правящие круги Японии хотели выиграть время, чтобы укрепить армию и флот до уровня, гарантирующего победу над Китаем в случае военного конфликта. Соглашения между Китаем и Японией были обречены на то, чтобы Корея еще больше зависела от китайских «советников», чем раньше.

Контрольные вопросы и задания:

1. Кто стал первым католическим священником из корейцев?
2. Опишите первые официальные контакты Чосон с европейскими державами.
3. Какое влияние на Корею оказали последовательные поражения Китая в конфликтах с европейцами?
4. Опишите политику Тэвонгуна и ее результат в отношениях с иностранными державами.
5. В чем была разница в отношении Франции и США к Корее второй половины XIX века?
6. Каковы были задачи США в отношении Кореи после инцидента с судном «Капитан Шерман»?
7. Что стало результатом столкновения США и Кореи в июне 1871 года?
8. Опишите отношения Чосон и Японии в период правления Тэвонгуна.
9. Что стало результатом Канхваского договора между Кореей и Японией?
10. Каковы были условия Хансонского договора в отношении Кореи?

8 Корея в региональных отношениях в конце XIX – начале XX века

Высадка китайских войск в Корее дала Японии прекрасную возможность начать запланированное изгнание Китая с Корейского полуострова. В любом случае, в том числе в результате вооруженных конфликтов, чтобы изгнать Китай из Кореи и превратить его в зависимое (протекторатное) государство, японские власти преследовали несколько целей.

Во-первых, они хотели изгнать китайский капитал с Корейского полуострова, который успешно конкурировал с японцами за экспорт готовой продукции в Корею.

Во-вторых, Корея должна стать поставщиком в Японию дешевого риса и другой сельскохозяйственной продукции, чей спрос на внутреннем рынке Японии резко возрос из-за быстрого роста населения и урбанизации. В то же время было запланировано массовое переселение сельской и городской бедноты в Корею, чтобы снизить социальную напряженность в самой Японии.

В-третьих, война с Китаем, которая была почти неизбежна во время прессинга влияния Китая с полуострова, как сообщалось, «объединяла нацию», укрепляя внутренние позиции олигархии Мэйдзи в условиях постоянных вспышек социальных протестов в Китае в деревне и городе (начало 1890-х годов было отмечено плохим урожаем, ростом цен и общей атмосферой недовольства «низших классов»). Война была также важна для отношений режима с влиятельными интеллектуальными группами, которые рассматривали «экспансию на континенте» как средство поднятия Японии до уровня колониальных держав «цивилизованного» Запада и нового «прозападного» статуса в стране.

Наконец, в-четвертых, само правительство Мэйдзи стремилось, демонстрируя западному миру военные возможности «новой» Японии, ускорить пересмотр неравноправных договоров, навязанных Западом в конце 1850-х и в первые годы 1860, и перейти к системе равных военно-дипломатических союзов с крупнейшими европейскими державами. Дальние планы японской элиты включали превращение Кореи в базу для экспансии в Китай, в условиях слабой династии Цин.

Непосредственная колонизация Кореи не была прямой целью войны - до 1894 года Япония не имела достаточных средств, опыта или необходимой базы поддержки в большей части корейского правящего класса. Однако было ясно, что включение Кореи в сферу интересов Японии, о которой известные японские политики и интеллектуалы любили говорить в середине 1890-х годов, также может быть косвенным шагом к полной колонизации полуострова. Подготовка к «великой войне» в будущем велась с начала 1880-х годов.

В 1883 и 1889 годах в закон о военной службе были внесены радикальные поправки, и ряд отсрочек и увольнений были отменены, что увеличило ресурсы мобилизации в два с половиной раза. Сухопутные войска были реформированы в соответствии с немецкой системой; ведущих немецких офицеров приглашали преподавать в военных академиях и консультировать генеральный штаб. Несколько японских военных командиров проходили подготовку в Германии, в том числе один из будущих командиров китайско-японской войны (позднее военный и премьер-министр) Кацура Таро.

В стране также строилась военная промышленность, с 1890 года она значительно

превосходила китайскую по технологическим показателям и объему производства. Была собрана разведывательная информация о Китае и Корее: весной 1894 года японский генеральный штаб был гораздо лучше осведомлен о ситуации в лагере тонхак, чем правительство Коджона. Наконец, опубликованный в 1890 году Манифест об образовании, провозглашающий «безоговорочную преданность императору» основой «национальной морали», стал надежной основой для воспитания призывников в духе милитаристского коллективизма.

Однако превращение Японии в сильную военную державу было почти незаметно для китайских властей. Китайские власти были убеждены, что частые конфликты правительства с парламентом, созданным с 1890 года, делают Японию «слабой страной», совершенно не понимая сходства между позициями парламентской оппозиции (Либеральной партии) и режима в вопросах внешней экспансии. Китай практически не был готов должным образом отразить агрессию Японии. Как только японский кабинет министров получил официальное уведомление от Китая об отправке войск в Корею (Китай был обязан уведомить Японию заранее об отправке войск в Корею в соответствии с положениями Тяньцзиньского договора 1885 года), японские подразделения начали передислоцироваться. Под предлогом «защиты жизни и имущества японских граждан в Корее» японский кабинет даже не просил согласия самой Кореи.

Уже 5 июня командный штаб был развернут в Японии и велась активная техническая работа по подготовке к крупномасштабным военным операциям. После заключения соглашения Чонджу с повстанцами корейское правительство, понимая, что это столкновение между Японией и Китаем на корейской земле, предложило обеим сторонам вывести войска в связи с «полным прекращением огня» в провинции Чолла.

Китай был готов вывести войска, если бы Япония это сделала, но возвращение к «статус-кво» было полностью отвергнуто правительством Японии. После объявления о том, что восстание в провинции Чолла началось из-за «гнилости» корейской администрации, японское правительство предложило Китаю «вместе реформировать Корею», от чего Ли Хунчжан - один из самых влиятельных и одиозных сановников Цинской империи, решительно отказался. В это время в самой Японии пресса начала шовинистическую кампанию с требованием «изгнать китайских варваров из Кореи во имя цивилизации».

Важным пропагандистским аргументом было, в частности, убийство Ким Оккюна (прояпонский государтсвенный деятель Кореи) в Шанхае (28 марта 1894 г.) агентом корейского правительства, совершенное с молчаливого согласия Ли Хунчжана. Поскольку Ким получил политическое убежище в Японии, убийство было расценено как «оскорбление японского флага». Корейское правительство, в отличие от Ли Хунчжана, было готово умиротворить японцев, начав реформировать местную администрацию, но японский кабинет был заинтересован не в самих реформах, а в предлоге для решительного столкновения с Китаем.

В поисках подходящего повода для начала военных действий они в виде ультиматума потребовали от Коджона разорвать традиционные «вассальные» отношения с Китаем. Коджон, который не верил в способность Японии победить Китай и считал действия японцев авантюрой, отказался. 23 июля 1894 года японские войска, уже дислоцированные в столице Кореи, захватили дворец (убив и ранив более 70 корейских солдат) и, сделав Коджона почти

заложником, устранили прокитайских членов клана Мин. Вместо этого главой правительства был назначен Тэвонгун, который согласился сотрудничать с японцами, чтобы убрать их бывших соперников с политической арены. Корейская армия была разоружена, Сеул находился под японским военным контролем.

25 июля 1894 года под диктовку японских дипломатов Тевонгун сообщил китайской стороне о прекращении «вассальных отношений» Кореи с Китаем и разрешил японским силам изгнать китайские части с территории Кореи. В тот же день, не объявляя войны, японский флот атаковал китайскую эскадру у берегов Кореи. Во время атаки был потоплен британский корабль, зафрактованный китайским командованием, на котором находилось более 900 китайских солдат. Демонстративный отказ японского флота спасти тонущих китайских солдат (в результате погибло около 700 человек, остальные были спасены европейскими кораблями) вызвал негодование как в Китае, так и в Европе. Китай необходимо было либо эвакуировать войска из Кореи и добровольно отказаться от влияния на полуострове, либо начать войну, к которой он действительно не был готов.

Недооценивая возможности японских вооруженных сил, Китай вступил в военный конфликт, чтобы защитить свою традиционную сферу влияния. 1 августа 1894 года обе стороны официально объявили войну.

С самого начала войны победа сопутствовала хорошо подготовленной и быстро взявшей инициативу в свои руки японской армии. После навязывания «наступательного и оборонительного союза» Корее 26 августа японское командование, теперь способное мобилизовать корейское население для перевозки грузов и тыловых операций, быстро отозвало свои войска на север страны, где, под Пхеньяном также сосредоточились подразделения Цин. Казалось бы, на стороне китайских войск есть определенное преимущество в вооружении (войска, отправляемые в Корею, были оснащены импортным оружием - пушками Круппа и винтовками Маузера) и симпатиями корейского населения.

В количественном отношении японская армия под Пхеньяном (17 тысяч солдат) несколько превосходила китайскую (12 тысяч), но не так значительно. Однако на это повлияло как отсутствие профессионального опыта командиров Цин (конфуцианских чиновников, которые не получили надлежащего современного военного образования), так и плохая подготовка солдат: после нескольких дней боев китайские войска сдали Пхеньян 16 сентября и вскоре отступили за Амноккан. Грабежи корейского населения плохо контролируемыми солдатами Цин вскоре аннулировали прокитайские симпатии жителей северной Кореи.

Письма Тэвонгуна китайскому командованию, найденные японцами в Пхеньяне, в которых этот консервативный руководитель объяснял насильственную природу навязанного Корее силой «наступательного и оборонительного союза» и желал китайской армии победы, послужили в дальнейшем для японских дипломатов поводом для того, чтобы вывести Тэвонгуна из корейского двора и поставить у власти прояпонски настроенных аристократов. На следующий день после битвы при Пхеньяне китайский флот потерпел поражение в Желтом море. Эскадрилья Цин уступала японцам по количеству кораблей (21 против 27), скорости кораблей (около 30%) и их огневой мощи (более чем в шесть раз). Столкновение двух флотов - первое крупномасштабное сражение современных эскадронов в мировой военной истории - привело к потере четырех флагманов Китая и более тысячи моряков.

После этого поражения Ли Хунчжан, опасаясь, что потеряет оставшиеся корабли,

запретил им выходить в море, передав их под контроль Японии. Японская пресса, в которой предварительная цензура была введена сразу после начала войны, не рассказала правду о значительных потерях с японской стороны (около 600 человек). Вместо этого шовинистическая истерия росла всеми возможными способами; преувеличенные истории о «героизме и мужестве» японских солдат публиковались регулярно. Милитаризм в конечном итоге заразил почти все общество, даже небольшие протестантские группы, которые в принципе, придерживались пацифистских позиций.

В новой истории китайско-японская война является одним из важных примеров воздействия массовой, хорошо скоординированной военной пропаганды в контролируемых СМИ. После неудач на суше и на море Цинский Китай попытался воспользоваться посредничеством России, Германии и США и добиться мира с Японией на более или менее приемлемых условиях. Однако эти дипломатические маневры не принесли существенного успеха: «сверхдержавы» полагали, что «умеренное» ослабление Китая создаст новые возможности для навязывания уступок ослабляющей империи Цин и благоприятных условий торговли. Даже Британия, которая ранее считала сохранение влияния Цин в качестве основы для стабильной европейской торговли на Дальнем Востоке, постепенно начала переходить на прояпонские позиции, видя слабость сил Цин и степень дезорганизации административного аппарата.

Действия японского МИДа сыграли важную роль в формировании благоприятного общественного мнения о Японии на Западе через посредников среди граждан Соединенных Штатов и Великобритании, нанятых непосредственно из ряда западных информационных агентств (в частности, влиятельное английское информационное агентство Reuters), которые предоставили необходимое освещение боевых действий в влиятельных английских и американских газетах. Глава японского министерства иностранных дел Муцу Мунэмицу (1844-1897) открыто стремился не допустить появления информации о насилии со стороны японской армии против китайского населения на страницах западной прессы. Следует уточнить, что в большинстве случаев его усилия были успешными.

После пересечения китайско-корейской границы японская армия быстро заняла территорию южной Маньчжурии, взяв 8 ноября важную Далянскую крепость на полуострове Ляодун. Отвергнув попытки Китая начать неофициальные мирные переговоры, Япония решительно продолжила наступление, захватив 22 ноября порт и военно-морскую базу Люйшунь (Порт-Артур). Захват Люйшуня ознаменовал собой массовые убийства китайского населения - десятки тысяч мирных жителей были убиты. Этот эпизод, который - несмотря на вмешательство японской стороны - получил огласку в западной прессе, был одним из первых предупреждений об особой жестокости, характерной для «образцового ученика» европейского империализма - японской армии.

Следующей целью был главный порт на полуострове Шаньдун, Вэйхайвэй, который был окончательно захвачен 17 февраля 1895 года. Впервые в мировой военной истории японцы применили такую технику, как ночная торпедная атака в битве при Вейхайвэй. Флот Северного Китая (Бэйянский флот) прекратил свое существование: некоторые корабли сдались, некоторые были потоплены прямо в порту. Теперь, когда основные пункты на побережье Желтого моря находятся под контролем, японская армия может идти на китайскую столицу. Вскоре (в начале марта 1895 г.) японцы установили контроль над внутренними

территорями полуострова Ляодун. У властей Цин был выбор: либо начать мобилизацию сил по всей стране для большой войны с захватчиками, либо начать мирные переговоры с неизбежными территориальными уступками.

Опасаясь роста антиманьчжурских настроений и крестьянских восстаний, династия Цин в конечном итоге выбрала путь компромисса в ущерб интересам страны. Подписанный Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми Договор в Симоносеки (30 марта 1895 г.) передал Японии остров Тайвань и полуостров Ляодун, в дополнение к 200 миллионам таэлей (300 миллионов иен - сумма в два раза больше, чем военный бюджет Японии) и различные привилегии в торговле с Китаем. Первая статья договора признала конец традиционных «вассальных» отношений Кореи с Китаем, то есть конец гегемонии Китая на Корейском полуострове.

Подражая западному империализму, Япония пошла гораздо дальше - до 1895 года западные государства не требовали от Китая территориальных уступок, ограничиваясь арендой прибрежных китайских портов (Гонконг и т. д.). Фактически, Симоносекский договор не только лишил Китай остатков внешнего влияния, но и поставил страну под прямое разделение империалистическими державами. Поражение Цин, приход к власти открыто прояпонского кабинета Ким Хонджипа в Корее и установление японского военного контроля над значительной частью страны вызвали серьезную обеспокоенность среди руководителей движения тонхак, которые опасались, что Корея может потерять государственный суверенитет. Возмущение тонхаков на местах было вызвано принудительной мобилизацией японцами населения для тыловых работ и перевозки военных грузов. За действиями лидеров движения пристально следили японские агенты, которые притворялись сочуствующими восстанию и пытались спровоцировать их на новое вооруженное восстание, чтобы дать японской армии и прояпонскому режиму в Сеуле «законный» повод, чтобы уничтожить народное движение.

В общей атмосфере чрезвычайной социальной и политической напряженности, подпитываемой новостями о японском произволе на корейской земле, местные ячейки тонхаков в нескольких провинциях начали нападать на японские подразделения в августе 1894 года, подавляя японцев и местных администраторов, которые помогли японским войскам мобилизовать корейцев на тыловые работы. В октябре 1894 года ополчение ячеек тонхан со всей страны (по некоторым данным, до 200 000 человек) собралось возле Нонсана (провинция Южная Чхунчхон) и торжественно объявило о начале антияпонской войны.

Снова, как и в 1884 году, ориентированное на Запад и/или Японию, реформаторское меньшинство правящего класса не побоялось пойти на сговор с империалистическими силами и насильственные действия против соотечественников ради достижения собственных целей. Хотя повстанцы сопротивлялись гораздо меньшим карательным отрядам - около 6000 японских солдат (два батальона и два отдельных полка) и до 3000 корейцев (обученных японскими офицерами и вооруженных японским оружием) - восстание было обречено на провал с самого начала: фитильные ружья и бамбуковые пики повстанцев не были эфективны против винтовок и полевых орудий их противников. Основная битва произошла в конце декабря 1894 года, когда десятки тысяч тонхаков попытались штурмовать центр Южного Чхунчхона - Конджу. На окраине города, недалеко от перевала Угымчхи, они были биты обстрелом японской артиллерии и полностью уничтожены во время ожесточенной битвы, которая длилась несколько дней.

После взятия дворца 23 июля 1894 года и приведения к власти прояпонского кабинета Ким Хонджипа, который стал сторонником реформ страны по японской модели с момента его поездки с посольством в Токио в 1880 году, но который был осторожен и не присоединился к группе Ким Оккюна, японские власти объявили, что «освобождение Кореи от отсталой власти Китая» даст возможность инициировать «прогрессивные реформы» в стране.

Конечно, реформы в Корее как таковые не представляли интереса для японского правительства, что открыто описал в своих мемуарах глава МИД Японии Муцу Мунэмицу. Однако они надеялись, что ускоренная реконструкция Кореи сверху послужит интересам Японии в разных сферах. Усиление и увеличение денежного потока в стране должно облегчить японским трейдерам покупку риса и продажу фабричных товаров. Переход образования в европейскую систему с ликвидацией конфуцианских учебных заведений должен подорвать корни конфуцианской оппозиции порабощению страны. Японцы способствовали строительству современной инфраструктуры (телеграфы, железные дороги) и развитию горнодобывающей промышленности и надеялись реализовать самые прибыльные проекты. С точки зрения Японии, реформы должны консолидировать Корею в области японских интересов и, если возможно, отделить страну от традиционных культурных корней.

Назначенный в октябре 1894 года новым японским посланником в Сеуле Иноуэ Каору, тогдашний министр внутренних дел был одной из самых влиятельных фигур в режиме Мэйдзи. Иноуэ просил Коджона перехода к «единовластию государя» (т.е. полного отстранение его жены и отца от власти) и включения в кабинет Ким Хонджипа и Пак Ёнхё, организатора неудавшегося государственного переворота 1884 года, который вернулся из Японии.

Кроме того, японские «советники» (в общей сложности около 40 человек) были направлены во все министерства, призванные следить за ходом реформ в деталях. Высший консультативный совет был упразднен. 7 января 1895 года Кожон был вынужден полностью принять просьбы Иноуэ и дать торжественную клятву из 14 пунктов, в которых, в частности, навсегда была отвергнута зависимость от Китая и любое вмешательство в дела правительства родственников государя.

В то время, когда финансы корейского правительства были полностью обеспокоены, два японских займа (130 000 и 3 миллиона иен) были навзяаны Коджону под высокие процентные ставки, обеспеченные доходами от корейской таможни. В обмен на кредит Японии получила ряд льгот, в частности, на строительство железнодорожной линии Пусан-Сеул, на разработку шахт и т. д. Корейская армия находилась под контролем японских офицеров - «военных советников». В целом страна практически превратилась в протекторат Японии.

Однако ситуация резко изменилась после событий апреля-мая 1895 года, когда интервенция России, Франции и Германии, инициированная Россией (так называемая «тройная интервенция»), вынудила японскую сторону пересмотреть условия Симоносекского договора и отказаться от аннексии полуострова Ляодун. С общим увеличением влияния России в делах Дальнего Востока расстановка сил в корейской политике также изменилась. И консерваторы из клана Мин и близкие ему группировки, которых Иноуэ собирался удалить с политической арены, и проамериканские реформаторы, недовольные наличием в кабинете министров прояпонских элементов, начали сближаться с росиийской дипломатической миссией и открыто просить Россию помощи в освобождении от засилья японских

ставленников.

Консолидации антияпонских сил и их сближению с российскими дипломатами в значительной степени способствовали исключительные политические таланты российского представителя в Сеуле К.И. Вебера, который успешно взаимодействовал с американскими чиновниками и завоевал симпатию проамериканской группы. Пак Ёнхё, который стал объектом жесткой критики, вскоре должен был снова искать политического убежища в Японии, и новый кабинет, возглавляемый тем же Ким Хонджипом (смена правительства состоялась в июне-июле 1895 года), включалзначительное количество политиков близких к русской и американской миссиям (Ли Бомджин, Ли Ванён и др.).

Королева Мин (1851-1895) (подлинность изображения является спорной). Одна из противречивых личностей в истории Кореи. Различные исследователи считают ее «хитрым политиком, водившим за нос Китай, Россию и Японию», «женщиной, которая обогатила историю Кореи своей смелой борьбой за процветание страны», «основоположницей дипломатии современного типа в Корее».

Правительство хотело расформировывать находившиеся под японским влиянием воинские части, резонно сомневаясь в их благонадежности. Почва уходила из-под ног японцев в Сеуле. В этой ситуации новый японский посланник в Сеуле, Миура Горо, с абсолютного согласия своего начальства решил применить «чрезвычайные меры». Сделав сюзником Тэвонгуна, недовольного усилением клана Мин за счет союза с российскими дипломатами, 8 октября 1895 г. он организовал нападение подконтрольных японцам корейских частей и банд японских авантюристов на дворец Коджона с целью убийства государыни Мин — основного антияпонского деятеля в корейской политике. Убийство, которое было совершено с варварской жестокостью — было одновременно убито множество женщин из гарема государя и охранников дворца, а изуродованное тело самой государыни облили бензином и сожгли на месте нападения — вызвало бурю международных протестов, что заставило японский МИД отозвать Миуру и устроить даже «показательный суд» над ним (конечно он был оправдан). Но главное было сделано - испуганный Коджон находился под полным контролем японцев во дворце, охраняемом прояпонскими корейскими подразделениями. Антияпонские активисты были изгнаны из кабинета Ким Хонджипа, и реформы по поручению японских «советников»

продолжались до мая-июня 1895 года.

Понимая, что реформы Ким Хонджипа увенчались провалом и опасаясь, после убийства жены и за собственную жизнь, Коджон наладил контакт с российской миссией и пошел на решительную компанию против японцев и их ставленников. Коджон бежал в российскую миссию 11 февраля 1896 г., в женском паланкине (который дворцовый караул не имел права досматривать), где объявил о роспуске кабинета Ким Хонджипа, сразу же вынес министрам и самому Ким Хонджипу смертные приговоры, а также приостановил действие некоорых изданных кабинетом указов.

В области международных отношений правительство Кореи первоначально пыталось сосредоточиться в основном на России, потому что только вмешательство России спасло Коджона от полного подчинения влиянию японцев и их протеже. Однако чрезмерно активная роль в корейских делах в то время не была включена в планы российской дипломатии: Россия была в основном заинтересована в усилении сферы своего влияния в Маньчжурии и не хотела обострять отношения с Японией на корейском «фронте». В связи с этим ряд просьб Коджона о посещении Николая II в связи с церемонией коронации (лето 1896 года) в качестве личного посланника Мин Юнвана (заем в три миллиона иен, отправка российских войск для охраны дворца или 200 военных инструкторов для обучения корейской армии и т. д.) российская сторона либо отказалась выполнить, либо отложила определенный ответ до «тщательного изучения вопроса», либо согласилась частично удовлетворить их (военные инструкторы в конечном итоге они были отправлены в Корею - но не 200, а только около 30).

Россия ясно дала понять, что не хочет, чтобы Корея стала сферой влияния Японии, но в то же время не считает Корейский полуостров объектом первостепенного интереса. Эта позиция России была принята с некоторым удовлетворением японской стороной, которая еще не готова к новому вооруженному конфликту ради укрепления в Корее. Два соглашения между российской и японской сторонами - меморандум Вебера-Комуры (подписанный в Сеуле 14 мая 1896 года) и протокол Лобанова-Ямагаты (подписанный в Москве 9 июня 1896 года) - определили баланс сил между двумя державами в Корее. Обе стороны согласились консультироваться друг с другом, прежде чем предоставлять финансовую или военную помощь Сеульскому двору и договорились о взаимном присутствии небольших военных контингентов (русских для защиты миссии, японцев для защиты миссии, а также японских кварталов и телеграфных линий) в стране. Таким образом, Корея стала своего рода «нейтральной полосой», которая пошла на пользу Коджону и его окружению, которые получили некоторую свободу в деле реформирования страны.

Поскольку российские дипломаты в Сеуле, которые хотели ограничить влияние Японии на правительство, поддерживали тесные дружеские контакты с американскими дипломатами и миссионерами в период с 1896 по 1897 год, Коджон, который контролировал Корею из здания российской миссии, продемонстрировал свою поддержку США всячески и активно привлекал американский капитал. Большинство проамериканских реформаторов было и среди членов нового правительства. Фактический глава нового кабинета, Пак Чонъян, в 1887-1889 годах путешествовал по Соединенным Штатам с дипломатической миссией и был известен как активный сторонник сближения с Америкой.

Ряд членов нового кабинета министров - премьер Пак Чонъян, Ли Сандже (1850–1927), бывшие члены дипломатических миссий, отправленных в США Ли Ванён (1858–1926)

и Ли Хайонг (1858–1919), переводчик Ли Чеён (1861-1900)□ выпускник Американского университета Эмори (штат Джорджия) Юн Чихо и другие - свободно владели английским языком и либо были протестантами, либо проявляли доброжелательный интерес к европейской религии и науке. Впервые в истории Кореи вестернизаторская элита была принята к власти. Тем не менее, сильные позиции консерваторов как в кабинете министров, так и в государственном аппарате в целом, крайне ограниченные средства казначейства и, что наиболее важно, двойственная позиция Коджона и его ближайших соратников из дома Мин, которые хотели реформ, но боялись, что слишком радикальные преобразования могут подорвать их власть - все это накладывало серьезные ограничения на реформистские начинания прозападной части кабинета.

Основным препятствием на пути превращения страны в современную индустриальную державу была структура торговых отношений между Кореей и Японией, определяемая неравноправными договорами, которые делали первую сырьевым придатком последней и поддерживали отсталость периферийной экономики Кореи. Ослабление политического влияния Японии после бегства Коджона в российскую миссию не повлияло на торговую зависимость Кореи от ее восточного соседа. Корея продолжала экспортировать значительную часть риса, (примерно 5% от среднегодового урожая) и бобов (примерно 17%) в Японию. Импорт в основном состоял из текстильных товаров, а доля продукции, произведенной в Японии, в этом экспорте выросла до 98% в конце 1890-х годов. Практически незащищенный корейский рынок стал трамплином для развития японской текстильной промышленности - «локомотивом» индустриализации в Японии.

С дополнительным открытием для внешней торговли (то есть, главным образом, японской торговли) в 1897 году два порта - Мокпхо (на юго-западе страны) и Чиннампхо (на северо-западе) - еще больше усилилось расширение японской торговли в Корее. Японская валюта продолжала свободно перемещаться по стране - у корейского правительства не было средств для чеканки серебряной монеты в количестве, достаточном для обращения на рынке. Большинство медных монет, которые чеканились, часто подделывались японскими купцами.

Желая остановить захват тотального контроля японцами над зарождавшейся в Корее индустрией и коммерцией современного типа, но не имея достаточных военно-политических возможностей для того, с целью разорвать режим неравноправных соглашений, правительство Коджона стремилось привлекать в Корею европейский и американский капитал. Таким образом, в 1898 году наравне с американскими капиталистами двор Коджона основал «Seoul Electric Company» с монопольными правами на эксплуатацию трамвайных линий в столице. Трамвай начал работать в Сеуле в 1899 году, но техническая поддержка линий, а также руководство компании были полностью в американских руках.

В 1895 г. знаменитые Унсанские золотые рудники на северо-западе страны, дававшие четверть всего добывавшегося в Корее золота, были переданы американцам. Чистая прибыль от этих рудников составляла примерно 900 000 иен в год, но только 3500 иен были выплачены в Ведомство двора в качестве налогов. Условия концессий позволили американскому капиталу разграбить природные ресурсы страны. Впоследствие концессии на корейские рудники получили также английские и немецкие предприниматели, хотя с корейской стороны горнорудное дело было объявлено монополией двора. Корейские предприниматели, которые платили Ведомству Двора большие налоги, оказывались в невыгодном положении по

сравнению с иностранными конкурентамами.

Еще одной крупной уступкой американцам было строительство железной дороги между Сеулом и Инчхоном (Чемульпо), право на которое было предоставлено в 1896 году американскому бизнесмену Джеймсу Морзе на невероятно выгодных условиях (правительство Кореи выкупило всю землю в зоне отчуждения за счет казны). Морзе начал строительство в 1897 году, но, столкнувшись с нехваткой ресурсов, он продал концессию японскому синдикату в том же году. Железная дорога, которая облегчала транспортировку японских импортных товаров в столицу, начала действовать в 1899 году. Концессионная политика режима Коджона преобразовала Корею в конце 1890-х годов, по словам одного из его современников, в «охотничьи угодья для концессионеров», таким образом, еще больше препятствовала росту равных отношений с иностранными конкурентами молодого корейского предпринемательства, к тому же мало как помешало японской экономической экспансии. Напротив, европейские и американские капиталисты, не имевшие ничего против порабощения Кореи при условии, что Япония гарантирует им их привилегии, охотно шли на партнерство с японским капиталом. Проамериканская внешняя политика двора Коджона не принесла необходимых успехов.

По просьбе корейской стороны в конце октября 1896 года 15 офицеров и унтер-офицеров русской армии обучили батальон дворцовой охраны из 800 солдат под командованием генерал-полковника Д. В. Путяты (1855-1915), известного путешественника и военного востоковеда, автора ряда работ по синологии.

Однако, когда после года успешной работы Д.В. Путята и его начальник, затем военный министр П.С. Ванновский (1822-1904), предложили - в полном соответствии с первоначальной просьбой корейской стороны - расширить контингент инструкторов до 150 офицеров и передачи под их команду 6000 корейских солдат, их инициатива столкнулась с отчаянными протестами со стороны Японии и Великобритании, которые расценили это как переход Кореи под «российскую военную опеку» и официально угрожали России «крайними мерами» (т. е. войнным конфликтом).

20 февраля 1897 года Коджон со своей семьей и своим двором наконец возвратился во вновь отстроенный дворец Кёнгунун (теперь называемый Токсугун) под защитой охранного батальона дворца, подготовленного русскими инструкторами. Дворец располагался в нескольких минутах ходьбы от русской миссии, поэтому в случае необходимости Коджон мог снова оказаться под его защитой. Следует сказать, что в принципе убежденность в том, что Россия может служить противовесом японской экспансии на Корейском полуострове и тем самым гарантировать независимость Кореи, оставалась одним из краеугольных камней политических убеждений Коджона до конца его правления. Однако, с другой стороны, Коджон опасался (и не без причины), что чрезмерное усиление российского влияния на корейские дела может спровоцировать Японию и ее британских союзников на жесткие вооруженные действия, радикально дестабилизирующие ситуацию вокруг Корея и, следовательно, приведут к потере суверенитета корейского государства.

Именно это желание Коджона поддерживать «равноудаленные» отношения с основными державами, имеющими интересы в регионе, объясняет несоответствие, которое было обозначено между корейским двором и российской миссией после лета-осени 1897 года,

когда российская политика на корейском направлении усилилась. Другим объяснением этого разногласия было то, что в корейском дворе российские интересы часто представляли - и далеко не всегда были бескорыстны - чиновниками из консервативных групп, враждебных реформистским силам, которым Коджон в то время доверял. В любом случае конфликт между российской миссией и проамериканской дворцовой группой радикализировал националистические настроения гражданского общества, возникшие в Корее в конце 1890-х годов, с важными политическими и идеологическими последствиями.

12 октября 1897 года Коджонг официально принял императорский титул, изменив название Кореи (Чосон) на Корейскую империю (Тэхан Чегук) и, таким образом, символически оказался на одном уровне с династиями соседних держав - династией Романовых в России, династией Цин в Китае и императором Японии. В действительности, однако, политическая ситуация все еще определялась расстановкой сил между Россией, с одной стороны, и Японией с ее британскими покровителями, с другой. С мая 1897 года Россия начала активно укреплять свои позиции в Корее, но сразу же столкнулась с серьезным сопротивлением.

С одной стороны, проамериканские члены реформаторской группы были крайне недовольны беспрецедентной близостью Коджона к доверенному лицу К.И. Вебера, русскоязычному переводчику Ким Хоннюку (казнен в 1898 году по обвинению в попытке отравить Коджона), которого они обвинили - надо отметить, что не без серьезных причин - в фаворитизме и коррупции. Учитывая, что коррупция в то время затрагивала почти всех высших должностных лиц страны, можно предположить, что личное недовольство Кима Хоннюка было также объяснено его «подлым» происхождением (в проамериканскую группу в основном входили люди янбанского происхождения), отсутствием формального образования и близость переводчика самоучки к консервативной группе двора.

С другой стороны, чтобы подорвать уверенность Коджона в способности России и желании помочь Корее, японская сторона вела активную дипломатическую игру, в частности, придав огласке содержание конфиденциального протокола Лобанова-Ямагата и тем самым

Карл Иванович фон Вебер (1841-1910) - российский дипломат и кореевед, близкий друг Императора Кореи вана Коджона. Стал известен благодаря своей службе на должности первого генерального консула Российской империи в Корее в 1885—1897 гг.

показывая, что Россия хочет компромисса по корейскому вопросу. В результате летом 1897 г. ряд требований К.И. Вебера, в основном с точки зрения предоставления концессий на добычу полезных ископаемых российским предпринимателям, начал встречать сопротивление со стороны деятелей проамериканской фракции - нынешнего руководителя аппарата Пак Чонъяна и министра иностранных дел Ли Ванёна.

По настоянию К.И. Вебера, который рассматривал поведение Ли Ванёна как угрозу российским интересам в Корее, упрямый министр был снят с поста главы внешней политики и переведен на пост министра образования, но эта мера вызвала серьезное недовольство среди американских дипломатов. Поддержка американской миссии и проамериканской реформаторской группы была окончательно потеряна Россией после того, как в октябре 1897 года после жестких требований нового российского посланника А.Н. Шпейера консервативные сановники заняли ключевые позиции, в том числе некоторые (например, новый министр юстиций Чо Бёнсик, лично близкий к А. Н. Шпейеру) уже были обвинены в коррупции газетой «Тоннип синмун». После этого А. Н. Шпейер оказал еще большее давление, что в конечном итоге спровоцировало дальнейшее ухудшение отношений России с Великобританией и Японией и националистическую реакцию среди широких слоев корейского общества.

А.Н.Шпейер заставил корейское правительство (в том числе и угрозами отозвать из Сеула российских инструкторов) назначить российского финансового чиновника К.А. Алексеева руководителем корейской таможни и главным финансовым советником с правом руководить формированием госбюджета и принимать решения о внешних заимствованиях, т. е. фактически «хозяином корейской казны», добившись от Коджона передачи Чо Бёнсику по совместительству функций министра иностранных дел. Этот маневр вызвал, однако, ожесточенное отторжение не только со стороны проамериканской фракции при дворе и японской дипломатической миссии, но и со стороны Великобритании, представитель которой, Дж. Мак Леви Браун, уже выполнял функции, определенные К.А.Алексееву. Британское посольство отказалось принять текст уведомления корейского министерства иностранных дел о назначении Алексеева и увольнении Брауна, показав таким образом полное пренебрежение государственным суверенитетом Корейской Империи.

В октябре 1897 года русская эскадра пришвартовалась в порту Инчхон (Чемульпхо), а через месяц - британская. Резкое изменение А.Н. Шпейера поставило бывших колониальных соперников, российскую и британскую империи, на грань вооруженного конфликта. В итоге, в январе 1898 г. Алексеев и Браун пришли к согласию о разделении своих функций, однако, инцидент уже успел вызвать весьма негативную реакцию как со стороны боявшегося новой войны на корейском полуострове Коджона, так и со стороны наблюдавшего в жестких действиях А.Н.Шпейера покушение на самостоятельность Кореи образованного корейского слоя. Потелпение российско-корейских взаимоотношений ушло в прошлое, и руководители «Общества Независимости», которые поощрялись японской и американской дипломатией, перешли на отчетливо антироссийскую риторику. Необдуманные и несвоевременные действия А.Н.Шпейера представили Российскую империю — державу, избавившую в феврале 1896 г. двор Коджона от полного порабощения Японии и не имевшую в то время каких-либо территориальных притязаний на Корейском полуострове, — главной «опасностью национальной независимости» в глазах членов «Общества Независимости». Сам факт,

что именно Россия оказалась объектом националистической антипатии, можно объяснить, помимо просчетов российских дипломатов, и тем, что японская и британская пропаганда уже с начала 1880-х годов распространяла образы о «русской угрозе» среди властвующей элиты Кореи. Прояпонские и антироссийские воззрения выделяли и ряд влиятельных американских миссионеров, проповедовавших в Корее.

Таким образом, корейский национализм с начала был втянут в орбиту межимпериалистического соперничества, отличаясь некритическим отношением к идеям о мире, которые были созданы и распространены в то время центральными державами мировой капиталистической системы - США и Великобританией.

Ведя переговоры с Китаем об аренде южной части полуострова Ляодун (которые закончились 15 марта 1898 г. подписанием соглашения об аренде этой территории сроком на 25 лет), Россия хотела в 1897–98 гг. обеспечить морской путь из Владивостока в Ляодун. С этой целью А.Н. Шпейер в январе 1898 года потребовал от правительства Кореи арендовать для строительства угольных складов территорию на острове Чорёндо на рейде Пусана, расположенном примерно на полпути между Владивостоком и Ляодуном. Требование было подкреплено демонстрацией силы - российские военные корабли стояли на якоре в порту Пусана.

Вскоре появилось еще одно требование - создание российско-корейского банка, на счетах которого будут средства Ведомства Двора и Министерства финансов, который получит право на выпуск корейской валюты. Негативно относясь к условиям А.Н.Шпейера (прежде всего из страха, что они спровоцируют Японию, с британской поддержкой, на новую вооруженную агрессию), Коджон, все же, не хотел лишиться российской военной помощи и не представлял возможным ответить России решительным отказом. Однако, стоило Мин Джонмуку - пророссийски настроенному новому министру иностранных дел, ответить на требования российского дипломата согласием, лидеры «Общества Независимости» — в своем большинстве уже отстраненные по рекомендации Ким Хоннюка и А.Н.Шпейера от правительственных должностей — тут же перешли к решительным действиям. После нескольких дней обсуждений на открытых собраниях «Общества», на которые допускались все желающие и где спикеры взволнованно обличали «страну, которая хочет превратить нас в рабов и использовать на строительстве Транссибирской железной дороги», к Коджону и его двору с петицией 21 февраля 1898 года обратились 135 членов «Общества». Данный документ, требовавший от правителя «отказаться от политики опоры на иностранные государства и обеспечить независимость страны», можно назвать одной из первых деклараций зарождавшегося корейского национализма.

Ситуация стала еще хуже после того, как лидер пророссийской партии Ким Хоннюк подвергся нападению убийц 22 февраля и выжил только случайно. Просьбы А.Н. Шпейера Коджону прибыть в российскую миссию и лично извиниться еще больше стимулировали антироссийские националистические настроения в столице. Разногласия были также очевидны в правительстве - ряд видных консерваторов потребовали отставки, считая, что пророссийский путь Мин Джонмука был опасен для стабильности страны. Произошло беспрецедентное событие в самом министерстве иностранных дел - чиновники объявили «забастовку», отказавшись работать под «русской марионеткой» Мин Джонмука и тем самым вынудив его потребовать отставки. Столица была охвачена атмосферой патриотического

волнения.

Со Джэпхиль на заседаниях «Общества Независимости» призывал всех его членов морально подготовиться к аресту и лишению свободы, но не отступать перед «русскими кознями». Широкие слои горожан, до этого считавшие внешнеполитические проблемы полем ответственности правительства, начали вовлекаться в политику, воспринимать государственные интересы как лично важные для любого из членов нации. Таким образом преодолевалось свойственное традиционному обществу отчуждение нечиновных групп от политической жизни, зарождалось гражданское общество современного типа.

Кульминационной точкой кризиса стали события 7-12 марта 1898 года. Видя, что вопрос о Русско-Корейском Банке и Чорёндо зашел в тупик, А.Н.Шпейер прибегнул к последнему рычагу в его распоряжении, отправив Коджону официальный запрос о необходимости присутствия в Корее финансового советника и российских военных инструкторов. По своей сути это был ультиматум — Коджону предлагалось либо пойти на решительные меры для нейтрализации националистического движения, либо смириться с возможным прекращением военной помощи из России. Сам Коджон был согласен с позицией пророссийской группировки и считал ухудшение отношений с Россией реально опасным для будущего страны. Однако устроив 10 марта 1898 года на главной улице столицы громадную (более 10 тыс. человек) политическую акцию «Общество Независимости» использовало новый для Кореи политический прием — так называемое «Общенародное собрание» (Манмин кондонхве).

Участники этогой невиданной для Кореи массовой акции — студенты, торговцы, мелкие чиновники —под оглушительный грохот аплодисментов, произносили пламенные речи о важности «борьбы за защиту своих национальных прав», унизительности «вмешательства со стороны России» для корейского национального достоинства. Одним из ораторов был Ли Сынман (1875-1965) — в то время студент миссионерской школы Пэджэ Хактан и активный член «Общества Независимости», который затем в 1948 году стал первым президентом в истории Южной Кореи. Как образцовый порядок, который царил во время митинга, так и патриотическое единение его участников удивили иностранных наблюдателей, которые увидели в событии важную веху на пути Кореи к современному гражданскому обществу.

В то же время следует отметить, что действия организаторов и вдохновителей митинга Ли Ваньонга и Юн Чихо активно поддерживали американские и японские дипломаты, которые, по их мнению, видели чрезмерное усиление пророссийской фракции. прежде всего, как угрозу их собственным интересам. В итоге, видя, что принятие российских требований нанесет непоправимый ущерб его авторитету, Коджон 12 марта уведомил А.Н. Шпейера, что не считает необходимым пребывание российских советников в стране. 19 марта К.А. Алексеев покинул группу российских военных инструкторов. После этого 25 апреля 1898 года российский посланник в Японии Р.Р.Розен и министр иностранных дел Японии Ниси Токудзиро подписали в Токио соглашение, предусматривающее взаимные предварительные консультации в случае отправки военных или финансовых советников в Корею и отказа напрямую вмешиваться во внутренние дела Кореи. Соглашение означало, что обе державы признали Корею своего рода «нейтральной зоной», воздерживаясь от попыток установить исключительный контроль над ней. Конечно, эта «сдержанность» была временной. Япония продолжала усиливать свое влияние в Корее на всех уровнях, покупая землю в «открытых

портах» и увеличивая экономическую активность в стране.

Россия также продолжила активную концессионную политику, считая северную часть Кореи необходимой буферной зоной для обеспечения безопасности российских интересов в Маньчжурии. Однако, по крайней мере, временный отказ обеих сил от политики давления дал, по словам Юн Чхихо, «золотой шанс» укрепить суверенитет страны и построить современное государство в Корее. Вопрос заключался в том, сможет ли слабый и коррумпированный режим Коджона - в марте 1898 года, уже уволивший наиболее способных и энергичных деятелей проамериканской группы почти со всех важных позиций - все еще использовать этот шанс. Как показали последующие события, Коджон и большинство его близких соратников, которые извлекали выгоду из взяточничества и растраты и были не очень компетентны в вопросах современного государственного управления, стремились «следовать за потоком», предпочитая в первую очередь заботиться о своей собственной ситуации и доходах. В итоге, зависимость Кореи от Японии, которая активно готовилась к войне за контроль над ресурсами Корейского полуострова против России только усиливалась. Именно Япония вела дело к колонизации Кореи, но этого, ослепленные антироссийской пропагандой многие националистические лидеры, упорно не замечали вплоть до конца 1904 г.

Одержав победу в вопросе о Русско-Корейском Банке и аренде земли на острове Чорёндо и ощутив себя важной политической силой, предводители «Общества Независимости» продолжили политические акции против всего того, что, по их соображениям, препятствовало превращению Кореи в самостоятельное государство. Естественно, Россия оставалась важной мишенью для организации патриотических компаний. Например, стоило Н.Г.Матюнину - новому российскому посланнику, в мае 1898 г. потребовать у корейского правительства права на скупку земельных участков на рейде портов Мокпхо и Чиннампхо, как «Общество Независимости» незамедлительно выступило с протестом, призвав правительство, в частности, предать огласке всю дипломатическую переписку с русской миссией по вопросам земель. Этот протест представил для Коджона, который опасался, что уступки России спровоцируют похожие требования и со стороны Японии, хороший повод для того, чтобы уклониться от продажи Российской империи островных территорий.

Протесты «Общества» вызвали и требования Франции - союзницы России, по предоставлению прав на исследование угольных шахт на окраинах Пхеньяна. Как только 11 сентября 1898 года распространилась новость о том, что Ким Хоннюк - переводчик, который считался главой пророссийской фракции при дворе, попытался отравить Коджона и наследника, через своих агентов подсыпав им опиум в кофе, «Общество» незамедлительно устроило массовый митинг для осуждения «изменника», одновременно выдвинув требования, чтобы к обвиняемому не применялись традиционные пытки. Негодование — но отнюдь не столь ожесточенное — вызывали у «Общества» и железнодорожные концессии, которые Коджон даровал японцам. В то же время «Общество» всесторонне поощряло выезд корейских студентов в Японию на учебу. Значительно дружелюбным было отношение «Общества независимости» к американской активности в Корее, как религиозной, так и деловой.

В области внешней политики соперничество между Россией и Японией не закончилось подписанием «Соглашения Розена-Ниси» и в 1899–1901 гг. перешло в форму закулисных маневров. Так, с «открытием» в 1899 г. порта Масан (рядом с Пусаном) для иностранцев и Япония, и Россия начали там выкуп земель с дальнейшим намерением использовать их и как

военно-морские угольные склады. Молва об успехах России в приобретении права на аренду ряда земельных участков спровоцировали Японию к тому, чтобы потребовать от режима Коджона арендных прав на важный по стратегическим вопросам остров Коджедо недалеко от Масанской бухты. Только нажим Великобритании - главного союзника Японии, которая не желала обострять отношений с Россией, избавил правительство Коджона от японского давления в вопросе по острову Коджедо.

Однако после того, как Маньчжурия была захвачена российскими войсками, которые участвовали в подавлении антизападного восстания Иетуана в Китае в 1900 году, она обострила позицию Великобритании и Соединенных Штатов в отношении экспансии России на Дальнем Востоке, и позиция Японии в отношении влияния России в Корее также стала более сложной. Россия, осознавая свою неподготовленность к войне, пошла на значительные уступки, в частности, предложив в 1901 году признание японского господства в Корее на основе признания Японией российских интересов в Маньчжурии и нейтрализации пограничной зоны в северной части полуострова. Однако правительство экспансиониста Кацура Таро (1847 1913), пришедшее к власти в 1901 году, вступило в официальный военный союз с Великобританией в 1902 году, ускорило подготовку к войне с Россией и было готово согласиться на мирное урегулирование японско-российских противоречий только при условии полного отказа России от всех интересов в Корее и предоставления Японии возможности закрепиться в Маньчжурии.

Великобритания, которая финансировала подготовку Японии к противостоянию, соглашалась, в то же время, смириться с российским преобладанием в Маньчжурии — но не Корейском полуострове! — лишь в случае если Россия откажется от противодействия английскому влиянию в Тибете и Афганистане, на что Россия также не могла пойти. Ситуацию осложнял разброд в российской политике на Дальнем Востоке, где сталкивалась либеральная линия министра финансов С.Ю.Витте (1849-1915) который стремился разграничить сферы влияния Японии и России мирным путем или хотя бы отдалить войну, и принципиальная линия дельца А.М. Безобразова (1855-1931) лично близкого царю Николаю II, который призывал не уклоняться от вооруженного противостояния с японцами и не уступать российские интересы в Корее Японии. Интересы А.М. Безобразова, лесозаготовительная концессия на китайско-корейской границе, охраняемая российскими подразделениями, дала японцам прекрасные доказательства «агрессивных намерений» России и послужила оправданием для подготовки к военной оккупации Корейского полуострова. В 1903 году противоречия между сторонами стали настолько интенсивными, что стало ясно, что России не нужно идти на радикальные уступки японской экспансии (согласие на использование японцами всей территории Кореи в стратегических целях и т.д.) И война неизбежна. Что сделал режим Коджона, чтобы предотвратить запланированную японскую военную оккупацию Корейского полуострова?

В ситуации, когда угроза независимости страны становилась все более значимой и ощутимой с каждым днем, правительство Коджона продолжало проводить политику маневрирования между «великими державами», наивно надеясь, что их поддержка сможет защитить суверенитет Кореи. Соединенные Штаты все еще считались Коджоном самой «лояльной» силой в отношении Кореи. В его кругу сохраняли свое влияние проамериканские придворные - новая жена Коджона из клана Ом, несколько членов клана Мин (в том числе дипломат Мин Ёнхван, который ранее склонялся к России) и несколько других -

сохраняли свое влияние. Интерес к сотрудничеству с Соединенными Штатами также продемонстрировал пророссийский министр финансов Ли Ли Ёнъик, который пользовался почти абсолютным доверием Коджона. Все они надеялись, что расширение американской торговли защитит Корею от вторжений ее соседей, и особенно Японии: Коджон и несколько его близких соратников полагали, что государству, в которое были сделаны значительные инвестиции США, Японии будет нелегко вторгаться без учета позиций правительств США и Европы. Однако в действительности большинство американских концессионных проектов в Корее, за исключением высокодоходных рудников Унсан, не принесли ожидаемой прибыли, и поэтому интерес к Корее в американских деловых кругах был несравнимо меньше, чем в Китае или Японии.

С 1897 года политика нейтралитета была официальным направлением американской дипломатии по отношению к Корее, поэтому американским миссионерам особенно рекомендовалось не поощрять свою паству к какой-либо форме антияпонского сопротивления. В 1903–1904 годах администрация президента Т. Рузвельта открыто перешла на прояпонскую политику, основанную на опасениях, что доминирование России в Маньчжурии негативно повлияет на американский бизнес в регионе.

Американские советники, которые играли важную роль при дворе Коджона, скажем, американский дипломатический советник Уильям Сэндс, который служил в Корее в 1899–1903 годах, считали корейскую бюрократию слишком коррумпированной, чтобы серьезно реформировать страну. В принципе, нейтрализация Кореи в соответствии с бельгийской моделью (то есть предоставление стране нейтрального статуса под гарантии ее территориальной целостности великими державами) являлась идеальным решением для «корейского вопроса», при этом рассматривая доминирование Японии как приемлемая, если это не самая реалистичная «аккультурация» Кореи.

В 1899–1904 годах Россия продолжала играть роль основного противовеса японским амбициям на Корейском полуострове. Силы пророссийской группы - Чо Бёнсик, Ли Ёнъик и другие - оставалась на ключевых постах в кабинетах этого периода, хотя их позиции все чаще подвергались нападкам со стороны других придворных клик, особенно пророссийских. Так, министр юстиции Ли Гынтхэк (1865–1919), первоначально близкий к русской миссии, с конца 1903 года был главным соперником Ли Ёнъика при дворе. Он изменил свою ориентацию на Японию, а затем активно способствовал колонизации Японии этой страной. Влияние российской дипломатии на правление Коджона оставалось достаточно сильным, чтобы сорвать, например, планы Сэндса и Мак Леви Брауна по заимствованию больших сумм денег у банков в Соединенных Штатах и Японии, соответственно, корейской казной, - планы сделать Корею финансово зависимой от этих государств.

В то же время правительству Николая II не хватало четкой, хорошо разработанной программы действий в Корее и преобладающего влияния группы Безобразова в 1902-1903 гг., действия которой в северных регионах Кореи вызывали сопротивление даже среди пророссийских придворных (требование в июле 1903 г. передать под российскую аренду местность Ённампхо на границе с Маньчжурией, расцененное как покушение на территориальную целостность Кореи, и т. д.) постепенно ослабило возможности российской дипломатии в Сеуле. К лету 1903 года Коджон и его окружение четко наметили курс на «нейтральную линию» и попытались как можно больше противостоять экспансии Японии, но

не подходили слишком близко к России.

В то же время позиции прояпонской группы продолжали укрепляться. В августе 1903 г. она получила, в частности, передачу Японии права на строительство стратегически важной железной дороги Сеул-Пхеньян-Ыйджонбу, нанеся тяжелый удар по российской дипломатии, которая боролась за эту концессию. Завершенная в годы русско-японской войны, эта линия, соединяющая Сеул с северной границей страны, активно использовалась японцами для перевозки войск и военной техники. Хотя дипломатическая и военная экспансия Японии в определенной степени сдерживалась влиянием России, экономическая и финансовая зависимость Кореи от быстро развивающегося восточного соседа продолжала углубляться. Япония оставалась основным торговым партнером Кореи в период с 1899 по 1904 год, все еще используя корейский рис и бобы для снабжения растущего городского населения и корейского рынка для продажи японского текстиля. С переходом Японии в 1898 году к золотому стандарту импорт золота из Кореи также стал важным. Помимо японской серебряной иены, выпущенной в начале 1890-х годов, и казначейских векселей, полулегально обращающихся на корейском рынке, японский Дайити Гинко (Первый банк Японии, через корейские отделения которого поступали доходы от корейской морской таможни) начал выпускать специальные банковские облигации для Кореи, которые имели статус «японская валюта для корейского рынка».

«Дайити Гинко», чьи корейские филиалы представляли 60% средств корейских правительственных учреждений, был основным кредитором корейского правительства в 1899-1904 годах, предоставив ему кредит в размере около 1 миллиона 800 тысяч иен. Постепенное подчинение финансовой системы страны японскому капиталу сделало развитие независимого промышленного капитализма в стране практически невозможным. Контроль японского капитала над Кореей был усилен. В начале русско-японской войны Корея была в экономическом и финансовом смысле фактически японской полуколонией, и ее превращение в протекторат Японии в 1905 году лишь юридически закрепило этот факт.

Как предсказывали многие наблюдатели в Корее и за рубежом в начале 1900-х годов, противоречия между экспансионистскими планами царской России и Японии в Корее и Маньчжурии в конечном итоге привели две державы к фатальному вооруженному конфликту. Хотя, судя по архивным источникам, царь Николай II понимал, что Россия не готова к войне на Дальнем Востоке, и хотел хотя бы отсрочить момент решающей битвы, группа А.М. Безобразова при поддержке наметсника царя на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева (внебрачный сын Александра II) вела авантюрную линию, провоцируя на конфликт японские милитаристские круги.

Открытие 1 июля 1903 года движения по всему пути КВЖД, т.е. железнодорожного сообщения между Европейской Россией и Дальним Востоком, вызвало новые опасения по поводу расширения России на Дальнем Востоке среди японского истеблишмента, вселив уверенность в сторонников агрессивной линии. в окружении Николая II. Уже в июле 1903 года, готовясь к возможным столкновениям с Японией, российские части заняли позиции около города Ёнампхо на корейской стороне границы с Китаем и начали проводить туда телеграфные линии, что вызвало протесты корейского правительства.

Реакцией на корейские протесты стало усиление российских позиций на корейском берегу

приграничной реки Амноккан (Ялуцзян) и требование отдать Ёнампхо в аренду России. Японский кабинет, в свою очередь, 30 июня 1903 года направил в Петербург заведомо неприемлемый для России проект соглашения по корейскому вопросу, с требованием от Николая II согласиться на использование Японией всей территории Кореи в «стратегических целях», т.е. фактически на японский протекторат над Кореей. Россия, в ответ, требовала оставить территорию Кореи к северу от 39-й параллели прилегающую к российской сфере влияния в Маньчжурии нейтральной и, в принципе признавая возможный японский протекторат над Кореей, хотела иметь гарантии того, что корейская территория не будет использована как плацдарм для подготовки к войне против России (эти требования иногда также трактуются как предложения о «разделе Кореи по 39-й параллели между Россией и Японией»).

В конце концов Япония (последний ультиматум России был отправлен 31 декабря 1903 г.) потребовала, чтобы российское правительство исключило Корею из сферы российских интересов, то есть признало японские «права» на колонизацию Кореи и в будущем отказалось от любой политики, связанной с Корейским полуостровом. На это царское правительство, которое рассматривало японскую милитаризацию Северной Кореи как прямую угрозу своим планам «развития» оккупации русским корпусом Маньчжурии, не могло согласиться и не хотело этого. В принципе не хотела она и войны с Японией, для чего у России на Дальнем Востоке пока не было достаточных сил на тот момент. Профессиональная армия России была самой большой в мире (1135 тысяч человек), но в январе 1904 года ее численность на Дальнем Востоке составляла всего около 98 тысяч солдат и офицеров, рассеянных от Читы до Владивостока (не говоря уже о железнодорожных войсках и пограничной охраны). Российский флот на Дальнем Востоке насчитывал около 60 военных кораблей, из которых 7 были броненосцами. В случае необходимости Японии было относительно легко перебросить свою армию на континент, где в мирное время насчитывалось около 180 000 солдат, а после мобилизации - 442 000. В начале войны японский флот состоял из более чем 130 кораблей (включая 6 броненосцев и 8 броненосных крейсеров), многие из которых превосходили российские суда по ряду военно-технических данных.

Зная, что страна не готова к большой войне на Дальнем Востоке, царское правительство старалось не форсировать события и, по возможности, затягивать переговоры с японской стороной. В высших кругах, однако, преобладало мнение, что японцы - по крайней мере, на данный момент - «не осмелились бы» напасть на огромную Россию первыми. Исходя из этого, официальный Петербург отказался полностью признать исключительные права Японии на Корею. Именно корейский вопрос (демилитаризация Северной Кореи, просьба Японии исключить Корею из сферы интересов России) стал «детонатором», который привел Россию и Японию к войне. Разумеется, конфликт колониальных амбиций в Корее и Маньчжурии был лишь одним из факторов, которые сделали масштабную войну на Дальнем Востоке «привлекательной» как для значительной части кругов власти обеих стран, так и для их сторонников за рубежом во всем мире.

«Маленькая победоносная война» (выражение министра внутренних дел В.К. Плеве - известного реакционера), с точки зрения Российского правительства, должна была связать руки ее либерально-демократическим критикам и поднять пошатнувшийся авторитет

самодержавной власти. Ограничение экспансионистских планов Японии на Дальнем Востоке соответствовало интересам главного кредитора и союзника царизма - Франции, которая активно поддерживала российскую дипломатию в ее корейской игре. В то же время Японии оказывали финансовую поддержку Соединенные Штаты, которые полагали, что японский контроль над Кореей и Южной Маньчжурией будет более благоприятным для их собственной экономической экспансии, и, в принципе, хотели, чтобы русские и японцы «исчерпали друг друга» и максимально умерили в результате свои аппетиты.

Великобритания, союзник и главный военный поставщик Японии, была категорически против российской экспансии на Дальнем Востоке в целом и делала все возможное, чтобы разжечь конфликт. Интересы Кореи как таковые не были приняты во внимание ни одной из держав. Для центральных империалистических хищников (Великобритания, США, Франция), которые выступали против двух периферийных империй (Россия, Япония), двор Коджона был лишь пешкой в большой игре. Наконец, для правящих кругов Японии война была также средством «дисциплинировать нацию», разжечь военно-патриотическую истерию, которая утихла от войны с Китаем, и в то же время завоевать мировой авторитет, победив одну из старых империалистических европейских держав. В результате сотни тысяч российских и японских солдат, которые погибли или получили увечья в бессмысленной военной мясорубке, были вынуждены заплатить за дипломатические, стратегические и экономические амбиции элит. В трагический для страны момент, когда судьба Кореи была решена в столкновениях иностранных армий, правящие элиты, раздираемые фракционной и межклановой борьбой, не могли даже выработать единую и последовательную позицию во внешней политике, не говоря уже о том, чтобы организовать эффективное сопротивление империализму.

Лидер пророссийской группировки Ли Ёнъик (1854-1907; выходец из «подлых» слоев населения провинции Северная Хамгён пограничной с Россией, полностью преданный монарху и настолько близкий ему, что его зачастую называли «заместителем императора») и сам Коджон путем дипломатической игры на российскояпонских противоречиях стремились сохранить себе определенную свободу рук и надеялись, что даже в случае войны провозглашение Кореи под гарантиями великих держав нейтральным государством спасет страну от колонизации.

В то время пока Коджон, питавший на Россию как защитницу от японской угрозы большие надежды, соглашался сдать в аренду России Ёнампхо, Ли Ёнъик, при всех своих пророссийских симпатиях, опасался, что такого рода решительный шаг в сторону России толкнет Японию на вооруженную акцию против корейского двора. Хотя часть пророссийских политиков (например, остававшийся до конца 1903 года в тесных связях с российской миссией Ли Гынтхэк) видели основным «гарантом нейтралитета Кореи» союзницу России Францию, то проамериканские политики (Пак Чонъян, Мин Ёнхван и другие) пыталась договориться о бегстве Коджона в американскую миссию в случае войны, они натолкнулись на полную незаинтересованность американской миссии, к тому моменту поддерживавшей против России Японию. Ряд влиятельных политиков, в свою очередь, начиная с исполнявшего обязанности министра иностранных дел Ли Хаёна, открыто выступал за союз против России с Японией.

В конечном итоге двор официально определил нейтральную позицию Кореи в

надвигающемся конфликте (23 ноября 1903 г.), но неофициально группы при дворе продолжали координировать свои действия с иностранными покровителями и рассчитывали, прежде всего, на их помощь. Не было сделано никаких приготовлений для защиты страны; не было и речи о том, чтобы призывать людей для борьбы с агрессией. В угрожающий для Кореи час правительство Коджона напрасно теряло время бессмысленными просьбами об иностранном покровительстве и даже не пыталось мобилизовать своих подданных под националистическими - или, по крайней мере, традиционно конфуцианскими - патриотическими лозунгами. 9 января 1904 года по приказу Санкт-Петербурга русские войска начали наступление в районе реки Амноккан (Ялудзян). Стало ясно, что, если стороны не достигнут компромисса в последнюю минуту, война будет неизбежной.

В ожидании надвигающегося конфликта Коджон 13 января опубликовал декларацию о нейтралитете Кореи, даже стремясь сделать ее основой для постоянного нейтрального статуса страны под гарантиями держав. Державы, однако, не восприняли его заявления слишком серьезно. Россия, на основании неофициально предоставленного российскому посланнику в Сеуле А.И. Павлову, секретных заверений Коджона, что он будет на стороне России в случае войны, считал его потенциальным союзником. В свою очередь, Япония не собиралась считаться с суверенитетом Кореи, считая ее своим будущим протекторатом. Не спрашивая согласия корейского правительства, японцы - уже официально разорвавшие дипломатические отношения с Россией 6 февраля - ввели в свои войска 9 сентября 1904 года и начали занимать стратегически важные пункты в Корее. 10 февраля 1904 года Япония официально объявила войну России. Кожон, который верил в победу России в то время, серьезно готовился искать

Карикатурное изображение русско-японской войны в газете «Миннеаполис Трибюн». Карикатура отражает пассивную позицию цинского Китая, «раздираемого на части» японским солдатом и российским казаком.

Заняв Сеул, японцы сразу же начали оказывать давление на Коджона, прося его дезавуировать свою собственную декларацию нейтралитета, заключить союз с Японией и тем самым узаконить японскую агрессию против Кореи. В условиях, когда Сеул был оккупирован

убежища в миссии российского союзника Франции, но был остановлен бурными протестами британских и американских дипломатов.

более чем 20 000 японских солдат и значительная часть высокопоставленных чиновников открыто заняла прояпонские позиции, Коджон не мог отказаться от порабощающего «Договора о союзе», навязанного японской стороной (подписан 23 февраля 1904 г.). Это соглашение позволило японцам «давать политические советы корейскому правительству» (то есть вмешаться во внутренние дела страны), а также «временно удерживать стратегически важные пункты». Соглашение включало в себя обещание японской стороны «гарантировать спокойствие и благополучие корейского императорского дома». Однако Кожон не был склонен доверять обещаниям Японии и продолжал посылать секретные письма А.И. Павлову, который был эвакуирован в Шанхай (одно из которых было перехвачено японскими агентами), с жалобами на произвол Японии и заверениями в том, что, несмотря на все соглашения, навязанные японцами, Корея остается союзником России.

Корейским войскам, дислоцированным на северных границах страны, был дан секретный приказ не обстреливать русских, хотя между казачьими и корейскими провинциальными подразделениями все еще происходили некоторые столкновения. В целом военные действия на территории Кореи были относительно незначительными - потери по ним с российской стороны составили всего 38 человек убитыми и погибшими. В российском общественном мнении Корея воспринималась не как противник, а как потенциальный союзник (хотя и очень слабый). Россия также оставалась последним гарантом независимости Кореи для Коджона и нескольких близких ему людей из его окружения. Однако попытки Коджона продолжать маневрировать между Японией и Россией с использованием секретных методов дипломатии были сильно затруднены поражением пророссийской группировки при дворе Лидер группировки Ли Ёнъик был задержан японскими военными и насильственно увезен в Японию, а многие из его приближенных были высланы в провинцию, вынуждены были эмигрировать или изменить свою внешнеполитическую ориентацию. Правительство попало в руки про-японской фракции, которая подчинила своему влиянию большинство высших чиновников.

Неудача армии Российской империи в битве на реке Амноккан (Ялуцзян) 26 апреля — 7 мая 1904 года и последующий переход основных боев на маньчжурский театр военных действий подорвали надежды Коджона на успешную высадку в Корее российских войск и освобождение от японской оккупации. Для Японии, к тому времени оккупировавшей северные районы Кореи и взявшей постройку железной дороги Сеул — Ыйджу для перевозки на север войск и военных грузов в свои руки, это означало, в свою очередь, что Корейский полуостров останется в ее руках. 18 мая 1904 года под давлением японцев корейский двор денонсировал все существующие договоры с Россией, тем самым официально выступив на стороне Японии в войне против России.

31 мая 1904 года японский кабинет министров решил разместить на постоянной основе японские войска в стратегически важных районах Кореи, взять под контроль международные связи корейского государства и сократить численность корейской армии до небольшого отряда дворцовой охраны. На практике был взят курс на превращение страны в протекторат Японии. Чувствуя реакцию двора и должностных лиц на дальнейшее проникновение

японского капитала в экономическую жизнь страны, японский посланник Хаяси Гонсукэ в июне 1904 года потребовал, чтобы Коджон передал японским предпринимателям все невозделанные, но потенциально пригодные для возделывания земли Кореи на 50 лет. В

Ли Бомджин (1852-1911) – корейский дипломат. В разное время был посланником в США, России, Австрии и Франции. Он оказывал активное содейтсвие императору Коджону в противодейтсвии аннексии Кореи Японией.

Новый кабальный договор, который был навязан японскими властями корейскому правительству (подписан 22 августа 1904 г.), обязал Корею принимать японских советников или иностранцев, рекомендованных японцами, в основные министерства, прежде всего финансов и иностранных дел. Фактически это говорило о передаче внешней и финансовой политики страны под японский контроль. Под давлением Японии корейское правительство начало отзыв из корейских миссий за рубежом корейских послов. В знак проетста против навязанной японцами политики постепенного свертывания дипломатических связей Кореи с иностранными государствами, корейский посланник в Лондоне Ли Ханын (1874-1905), приняв яд, покончил с собой.

Корейский посланник в Санкт-Петербурге Ли Бомджин тайно отказался покинуть кабинет Коджонга и остался в России. Требования и мобилизация японских военных властей, беспрецедентные требования о передаче обширных площадей необрабатываемых земель под японский контроль и сильное давление на корейский суд могли только спровоцировать антияпонское сопротивление в различных слоях корейского общества. Пассивное сопротивление было политикой Коджона и некоторых его должностных лиц, особенно в

случае если эта мера будет реализована, это будет означать, что в Корее появится значительный слой японских поселенцев, которые впоследствии станут авангардом в деле полного порабощения страны.

Ведомства двора. Они не считали своих подданных гражданами страны, способными защитить свою независимость и достоинство, не понимали роль, которую гражданское общество должно играть в современном государстве, и продолжали придерживаться старой, обанкротившейся политики маневрирования между империалистами. Так, согласно секретному приказу Коджона, который все еще рассчитывал на победу России, вольная дружина Кореи сражалась на стороне России под командованием представителя суверена Кореи, бывшего главы корейского населения в приграничных районах Китая Ли Бомюна (1856–1940).

Летом 1905 г. с тайной миссией к Николаю II в Петербург был послан Ли Ёнъик вернувшийся из Японии. В то же время, Коджон, не понимая сути прояпонской и антироссийской линии правительства президента Т.Рузвельта, по рекомендации Мин Ёнхвана, отправил освобожденного еще в ноябре 1904 г. из тюрьмы Ли Сынмана — к тому моменту ставшего протестантом-методистом и уже хорошо известного американским дипломатам и миссионерам — с секретной миссией к президенту США, опхумеется, закончившейся провалом.

Опираясь на поддержку общественного мнения, Коджон отказался отвечать на дерзкое требование японской стороны о передаче необрабатываемых земель в Корее японским предпринимателям. Однако этот закон не мог переломить общий ход постепенной колонизации страны. Рупором Коджона должна была стать тайно финансируемая придворная газета «Тэхан мэиль синбо», которая также была издана на английском языке бывшим дворцовым переводчиком Яном Гитхаком (1871–1938) и английским журналистом Эрнестом Бетеллом (1872–1909) (под названием «Korean Daily News») Газета была официально зарегистрирована от имени Бетелла, гражданина Англии, который не подчинялся корейским или японским властям. Он мог позволить себе смелую антияпонскую линию и стал одним из центров радикального антияпонского и прозападного христианского национализма в конце 20-го века.

В то же время Коджону даже в голову не приходило обратиться к рядовым подданным Кореи с призывом подняться на борьбу за независимость страны, хотя стихийные бунты против произвола японской военщины, насильственных мобилизаций и реквизиций вспыхивали в 1904-1905 гг. в целом ряде районов Кореи. Именно отчуждение режима Коджона как от традиционных крестьянских масс, так и от зарождавшегося стоя мелких и средних торговцев и предпринимателей и предопределило в конечном счете неудачу всех его попыток удержать на плаву тонущий корабль «Корейской Империи». В то время как Коджон продолжал опасливо относиться к таким современным формам гражданской организации, как политическое общество (сказался неприятный опыт с «Обществом Независимости»!), японцы повели активную борьбу за умы и сердца средних слоев, организовав в августе 1904 г. с помощью своей марионетки, жившего в Японии с 1895 г. торговца и промышленника Сон Бёнджуна (1857-1925), общество Ильчинхве («Единение и Прогресс»). Это общество, которое возглавлялось частью лидеров тонхак и бывших активистов «Общества Независимости» и объединяло заинтересованных в «новых знаниях» мелких чиновников, торговцев и

землевладельцев, использовав антироссийскую пропаганду с позиций «желтого» расизма (Россия провозглашалась «извечным врагом всей желтой расы») для мобилизации на перевозку японских армейских грузов десятков тысяч своих членов, а также строительство железной дороги Сеул — Ыйджу и т.д.

Расистская пропаганда Ильчинхве состояла в том, чтобы «подготовить почву» для принятия господства Японии наиболее активными и заинтересованными в ассимиляции современной культуры слоями корейского общества, чтобы парализовать развитие национального самосознания на антияпонских принципах. В то время как сухопутные и морские сражения между Российской и Японской империями окончательно решили, какая из двух держав будет доминировать на Корейском полуострове в ближайшие десятилетия, японские военные и гражданские чиновники постепенно захватывают государственный аппарат и экономику Кореи.

В то время как японская армия и военная полиция жестоко подавляли любые попытки активного сопротивления на оккупированной ими территории (за «пророссийский шпионаж», «саботаж» и т. д. 257 корейцев были казнены по приговорам военных судов), японские советники «реформировали» Ведомство Двора, освободив от его подчинения определенное количество важных ведомств (строительство железных дорог и т. д.) и лишив его права собирать дополнительные налоги и акцизы. Это привело к тому, что почва уходила из под ног Кожона, потому что именно доходы Ведомства Двора которые не контролировались Кабинетом Министров, он использовал для тайной дипломатии, финансируя «дружественную» прессу. и т. д. Мэгата Танэтаро (1853–1926), японский советник Министерства финансов и выпускник Гарвардского университета, передал функции центрального банка Кореи японскому «Дайити Гинко» и объявил, что в будущем облигации этого банка, как и японская иена, станут единственной валютой в стране. Корейские никелевые монеты, в то время уже ограниченные в использовании (например, ими не могли платить налоги), предлагалось обменять в отделениях этого банка, но многие из них были признаны поврежденными и обменены только по более низкой цене. Эта «реформа»,

Портсмутский мирный договор 1905 года - договор между Россией и Японией, завершивший русско-японскую войну 1904—1905 гг. В соответствияя с договором Россия признавала Корею сферой влияния Японии, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Портсмутский мирный договор утратил силу – 2 сентября 1945 года – после капитулякии Японии во Второй мировой войне.

проведенная под предлогом «модернизации корейских финансов», ограбила сотни тысяч крестьян, ремесленников и мелких торговцев, обесценив их сбережения.

В то же время личные средства Кожона на счетах «Дайити Гинко» были переведены под контроль прояпонского кабинета. Корейская почта попала под контроль Японии, а японские полицейские инспекторы полностью контролировали провинциальную корейскую полицию. Примерно в два раза, до 9 тысяч человек, численность корейской армии сократилась. К тому времени секретный протокол Тафт-Кацура (29 июля 1905 г.), в котором США признали доминирование Японии в Корее в обмен на отказ Японии от претензий на Филиппины, колонизированные Америкой, поражение России в войне с Японией и признание в тексте «Портсмутского мирного договора» (23 августа - 5 сентября 1905 г.) «доминирующих интересов Японии» в Корее создало внешнеполитические условия для дальнейшей колонизации страны, ключевые сферы ее экономики и управления были уже в руках колонизаторов.

Контрольные вопросы и задания:

1. Каковы были цели Японии в отношении Кореи в конце XIX века?
2. Почему власти Китая не воспринимали вестернизацию Японии как серьезный повод для беспокойства?
3. Опишите ход яопоно-китайской войны 1894-1895 гг.
4. Каковы были условия Симоносекского договора?
5. Какие события вынудили Японии пересмотреть условия Симоносекского договора?
6. Какова была позиция Российской империи в отношении Кореи в конце XIX века?
7. Какие внешнеполитические причины стали преградой для Кореи на пути к становлению в современную индустриальную державу к началу XX века?
8. В чем заключались равноудаленные отношения Коджона с основными державами?
9. Опишите деятельность А.Н. Шпейера в Корее в конце XIX века.
10. Почему деятельность поддерживаемого японцами общества Ильчинхве имела успех среди корейцев?

9 Колониальный период и «Корейский вопрос» 1910-1945 гг.

Видя, что больше нет серьезных препятствий для легализации японского господства на Корейском полуострове в самой стране и за рубежом, японский кабинет министров 27 октября 1905 года принял решение превратить Корею в протекторат Японии. Чтобы осуществить это решение, японский политический тяжеловес Ито Хиробуми отправился в Сеул, который сначала попытался убедить Коджона «добровольно» подписать соглашение о протекторате, которое фактически передало бы страну в японское администрирование. Коджон, проявив необычайную жесткость, отказался. Тогда Хиробуми, удовлетворился подписями, поставленными на договоре о протекторате в ночь с 17 на 18 ноября 1905 года пяти прояпонски настроенных членов корейского кабинета (Ли Ванъён, Ли Джиён, Ли Гынтхэк, Пак Чесун, Квон Джунхён), приказав изолировать рьяно противившегося японскому произволу премьер-министра Хан Гюсоля (1848-1930).

Договор, который лишал Корею прав на дипломатические связи с иностранными государствами и передавал правительство Кореи под руководство японского генерального резидента в Сеуле и его подручных на местах, даже не был заверен государственной печатью, которая хранилась у Коджона. Заполнившим дворец японским солдатам удалось лишь отыскать и использовать в своих целях печать Пак Джесуна - министра иностранных дел. Такое соглашение должно считаться недействительным в соответствии со всеми международными правовыми стандартами того времени. Однако ни одна из европейских держав не объявила официальный протест Японии. Будучи новым членом империалистического «клуба», Япония уже приобрела на практике привилегию нарушать международное право против периферийных стран. Тот факт, что первой иностранной миссией, которая покинула Сеул сразу после 18 ноября, была американская миссия, на которую Коджон возлагал особые надежды, должен был показать Коджону и его окружению полный иллюзорный характер их надежд в «международном сообществе». Однако, как мы увидим позже, они не усвоили горький урок до конца.

Подписанный договор общественным мнением Кореи был встречен в штыки. Ряд видных политиков свой протест против японского произвола выразил самоубийством, в том числе видный дипломат, близкий к американской мисссии Мин Ёнхван, надежды которого на вмешательство США потерпели полное крушение после 18 ноября. Занятно, что, хотя при жизни Мин Ёнхван, который был соучастником в торговле чинами и должностями, проводимой Коджоном, был фигурой весьма непопулярной, суицид сделал его героем в образованных кругах: настолько сильна была антипатия по отношению к японцам и их корейским приспешникам Пять министров, подписавших соглашение о протекторате, получили прозвище «пять предателей» и стали объектом всеобщего гнева и презрения. Примечательно, что, несмотря на повсеместное сопровождение японской полиции, трое из них были убиты, а один из них, чье имя стало синонимом предательства, - прояпонский политик Ли Ванъён (который ранее заигрывал с российской и американской дипломатией), не был в состоянии оправиться от ножевой раны, нанесенной ему в 1909 году националистическим протестантом Ли Джэмёном (1890–1910).

Вступивший с марта 1906 г. в обязанности генерального резидента Японии (кор. тхонгам, яп. токам) в Корее Ито Хиробуми и 12 провинциальных резидентов, подчиненные ему, достаточно скоро сосредоточили в своих руках управленческую власть через разветвленный аппарат японских «помощников» и «советников», которые назначались теперь в каждое ведомство и министерство и к каждому из 13 провинциальных губернаторов.

Ощущая, как почва постепенно уходит у него из-под ног и опасаясь оказаться без последних остатков власти и влияния в обозримом будущем, Коджон летом 1907 г. решился на самый смелый предпринятых им из всех когда-либо шагов. Коджон отправил двух своих доверенных подчиненных — владевшего русским и английским языками бывшего замминистра юстиции Ли Сансоля (1870-1917) и его соратников Ли Ёнъика и прокурора Ли Джуна (1859-1907) — на Гаагскую Международную мирную конференцию, состоявшуюся 15 июня — 18 октября 1907 г., с поручением выступить там с разоблачением договора о протекторате, сфабрикованного японцами. По пути в Гаагу к Ли Джуну и Ли Сансолю присоединился Ли Виджон — сын бывшего корейского посланника в Петербурге Ли Бомджина, который хорошо владел французским языком и отказался возвращаться на оккупированную японцами Корею, продолжая антияпонскую борьбу в эмиграции в России.

Западные дипломаты прекрасно понимали, без лишних объяснений, что договор о протекторате был навязан корейскому кабинету министров в нарушение всех международно-правовых стандартов. Однако ни одна из западных держав не стала вмешиваться в дела Кореи. Для некоторых (Великобритания) Япония была союзником, другие (США) рассматривали японское господство на полуострове как гарантию неприкосновенности их коммерческих интересов, для остальных (Германия, Франция) насилие Японии в Корее были лишь незначительным эпизодом мирового колониального эпоса, который не затрагивал их существенных интересов. Координатор конференции, посол России во Франции А. И. Нелидов (1835–1910), полностью согласившись со своими коллегами, представителями западных держав, категорически отказался предоставить слово посланникам Коджона.

Пламенные речи Ли Сансоля и Ли Джуна, раскрывающие насилие японцев в Корее, были несколько освещены западной прессой, которая была в основном радикальной и социалистической, но не затронула позицию держав в корейском вопросе. Ли Джун скороспостижно умер от отчаяния и гнева после нескольких дней в Гааге. В то же время запуганный Ито Хиробуми и Ли Ванъёном Коджон официально объявил, что его эмиссары были «мошенниками», а также подтвердил «подлинность» всех соглашений с Японией. Но ни отказ от своих верных подданных, ни приговор смерти, навязанной Ли Сансолю корейским судом (Ли Сансоль остался в изгнании во Владивостоке), больше не могли помочь Коджону. С точки зрения правительства Японии, неумелая дипломатия корейского «императора» дала новые возможности для дальнейшего укрепления позиций Японии в стране, а Коджон был лишь препятствием для достижения этой цели.

21 июля 1907 года под давлением Ли Ванъёна и прояпонских чиновников его группировки (один из которых, бывший выпускник японской военной академии Ли Бёнму, даже угрожал собственному правителю оружием), во дворце, который был занят несколькими сотнями японских солдат, Коджон оказался вынужден отречься от престола в пользу своего безвольного сына Ли Чхока (1874-1926), впоследствии получившего посмертное храмовое

имя Сунджон. Таким образом, последнее препятствие на пути полной колонизации страны было устранено из корейской политики. Корейскому кабинету через три дня после этого был навязан новый договор с Японией, который давал возможность назначать японцев, рекомендованных генеральным резидентом, на все официальные посты в Корее вплоть до ранга заместителей министров и требовал от корейского кабинета министров следовать рекомендациям генерального резидента во всех сколько-нибудь важных политических активностях. Секретный протокол этого соглашения предусматривал окончательный роспуск корейской армии, что сделало независимость Кореи лишь фикцией.

Хотя режим Коджона до самого конца не решался использовать армию для защиты независимости страны, само существование корейских вооруженных сил, а также антияпонские настроения среди солдат и части офицеров проявили себя, в частности, в ходе вооруженных столкновений между корейскими военными и японской полицией 19 июля 1907 год на улицах Сеула и были потенциальной угрозой японским планам. Поэтому одним из первых актов японцев после отречения Коджона от престола была публикация от имени Сунджона указа о роспуске корейской армии (31 июля 1907 г.). Попытки солдат в столице и различных провинциальных гарнизонах противостоять японскому произволу оказались не очень успешными - большинство боеприпасов и оружия уже были в руках японцев.

Около 7500 японских полицейских были дополнительно отправлены в Корею, вся территория страны была покрыта фортами японской военной жандармерии - кэмпэй (их было 457), и в дополнение к 2369 японским военным жандармам было набрано 4065 корейских помощников, в основном из рассекреченных элементов, готовых участвовать в массовых убийствах своих соотечественников. Под предлогом «модернизации» корейская правовая система была полностью выведена из-под юрисдикции провинциальной администрации Кореи и объявлена «независимой». Фактически это означало, что японские адвокаты, назначенные теперь прокурорами и судьями в Корее, больше не могли оглядываться на корейскую администрацию, навязывая жестокие приговоры антияпонскому сопротивлению. В октябре-ноябре 1909 года контроль над тюремной системой и судебные разбирательства были полностью переданы японской администрации. Решением от 3 октября 1908 года полиция получила право наказывать мелких преступников штрафами и лишением свободы без какой-либо административной процедуры.

Во многом под влиянием радикальной праворадикальной пропаганды правительство Японии с марта 1909 года пошло по пути отмены последних остатков суверенитета Кореи. С июня 1909 г. вместо Ито на должность генерального резидента заступил барон Сонэ Арасукэ (1849-1910) - сторонник более радикальных действий в корейском вопросе, а 6 июля 1909 г. японский кабинет принял решение о полной аннексии Кореи сразу после получения одобрения на это США и держав Европы. Убийство одного из главных архитекторов японской политики в Корее, Ито Хиробуми, на вокзале в Харбине 26 октября 1909 г. корейским патриотом Ан Джунгыном (1879-1910) — акт антияпонского сопротивления, который вдохновил немало борцов с экспансией японского империализма, — в том числе активно было использовано японской пропагандой для дискредитации корейского национального протеста, особенно в США и странах Европы, где Ито был достаточно популярен.

В апреле-мае 1910 года Россия и Великобритания дали тайное согласие на окончательный

захват Кореи, а в июле на пост генерального резидента пришел генерал Тэраути Масатакэ (1852-1919), убежденный экспансионист, задачей которого было формализовать колонизацию страны.

После достижения соглашения с прояпонским кабинетом Ли Ванъёна по вопросу будущего статуса корейского «императорской» династии 22 августа 1910 г. обе стороны подписали «Договор о присоединении Кореи к Японии», который сделал Корею японским «генерал-губернаторством Тёсэн». Этот день капитуляции корейской компрадорской верхушки перед милитаристской олигархией японского империализма вошел в историю сраны как «день национального позора». Корее, которая была обречена теперь на роль бесправного сырьевого придатка японского капитализма, в дальнейшем предстояла долгая борьба за право на независимое развитие.

В начале XX века антиколониальное сопротивление приняло в Корее две основные формы. С одной стороны, стихийный протест крестьянских масс вылился в основном в вооруженное антиколониальное движение «армии справедливости», возглавляемое местной конфуцианской элитой (средних и мелких землевладельцев), которая боролась под лозунгами восстановления идеального традиционного порядка, близкого к конфуцианскому канону по форме, с другой стороны, патриотическая часть «новой» интеллигенции, в некоторой степени продолжая традиции «Общества Независимости», видела своей целью превращение Кореи в конституционную монархию с сильной армией и капиталистической экономикой по образцу Японии и Западной Европы и считала главной задачей просвещеных интеллектуалов развитие народных сил, прежде всего путем распространения современного образования и националистической идеологии.

Движение «Армий Справедливости», которое началось сразу после опубликования договора о протекторате, не прекратилось до тех пор, пока страна не была полностью аннексирована в 1910 году, что отражает широко распространенную ненависть к колонизаторам, а также высокий авторитет местной конфуцианской элиты, в 1905-1911 гг. они стали, возможно, самым массовым политическим явлением в Корее со времен тонхак.

На борьбу с японцами и местной компрадорской верхушкой в сентябре 1907 года в далеком северном городе Капсане (провинция Южная Хамгён), выступил бывший солдат провинциального гарнизона Хон Бомдо (1868-1943), которому впоследствии суждено было сыграть немалую роль в антияпонском движении корейцев российского и советского Дальнего Востока. Характер его деятельности наглядно иллюстрируют отрывки из «Дневника» - своего рода автобиографичное художественное произведение, составленное им в 1942 г. уже на склоне лет по просьбе режиссера корейского театра в Кзыл-Орде (где в то время жил, а позже скончался корейский народный герой), стремившегося поставить спектакль по мотивам его жизни.

Господство Японии в Корее было основано главным образом на прямом насилии со стороны военной полиции и бюрократическом контроле. Кроме того, оно также опиралось на про-японские настроения среди значительной части правящих классов Кореи, которые активно поддерживались колониальным режимом. К тому же, указ об аристократах Кореи, опубликованный в то же время, что и Договор о присоединении Кореи к Японии, дал наследственные аристократические титулы 76 старшим должностным лицам старого

корейского правительства, главным образом дворянским семьям.

В целом к 1917-1918 гг. итоги первого колониального десятилетия были печальными для Кореи. В то время как бум военных лет начал превращать Японию в промышленную державу с химической и тяжелой промышленностью мирового класса, Корея оставалась сельскохозяйственным и товарным придатком японской экономики с голодным крестьянством, безземельным и почти полностью неграмотным, а также слабыми зачатками современной промышленности.

Колонизация Кореи Японией происходила в контексте общего развития мировой системы империализма, в условиях ожесточенного межимпериалистического соперничества. Во-первых, конкуренция со стороны Китая, а затем России не дала Японии возможности начать превращение Кореи в протекторат до конца русско-японской войны. Неудивительно, что в сердцах колонизированных корейских интеллектуалов сохранялась надежда на то, что в какой-то исторический момент изменения в мировой системе, в расстановке сил между Японией и другими державами, дадут корейскому народу шанс на восстановление потерянной независимости. С тех пор как Япония вступила на сторону Антанты в Первой мировой войне, большая часть корейской интеллигенции в эмиграции в Китае начала связывать свои надежды с возможной победой Германии и ее союзников. В феврале 1917 года, когда появились новости о демократической революции в России, прогрессивные социальные преобразования стали новой надеждой для корейских интеллектуалов, которые могли бы, в конце концов, спасти население колоний от рабства.

События в России с оптимизмом встретил перебравшийся к 1918 г. на территорию российского Приморья предводитель националистической эмиграции Пак Ынсик, который в 1919 г. заявил, что, перейдя «от крайнего империализма к крайней форме республиканского строя, Россия заложила фундамент преобразования всего мира на основе гуманности и справедливости». По всей видимости, лидеры эмиграции определенно надеялись на то, что изменения в России дадут толчок подвижкам в сторону демократии и либерализма и в Японии, что сможет, в конечном итоге, успешно сказаться и на решении корейского вопроса. Занимательно, что пример России спровоцировал Пак Ынсика и других лидеров корейской эмиграции в Китае выпустить в июле 1917 г. «Декларацию национального единства» (Тэдон тангёль сонон), в которой говорилось о том, что монархический строй в Корее исчерпал себя, и предлагалось сформировать временное корейское правительство в изгнании на базе республиканских принципов. События конца 1917 - начала 1918 гг. стали новым стимулом для активизации национально-освободительного движения, как в эмиграции, так и в Корее. В России к власти пришла радикальная социалистическая коалиция во главе с большевистской партией.

В обращении ко всем рабочим-мусульманам в России и на Востоке 20 ноября 1917 года Советская Россия объявила о своем желании «помочь угнетенным народам мира обрести свободу» и прямо подчеркнула ряд аннулированных договоров, противоречащих интересам полуколониальных и зависимых народов Азии. С другой стороны, в своем выступлении на американском конгрессе 8 января 1918 года американский президент В. Уилсон озвучил знаменитые «14 пунктов» (которые сделали его лауреатом Нобелевской премии мира в 1919 году), в частности, «Справедливое решение колониальных проблем с учетом

интересов населения колоний». Этот пункт был истолкован корейской националистической интеллигенцией как признание права колоний на самоопределение.

Однако корейские националисты, которые были неспособны вести законную политическую деятельность внутри страны (в отличие от, скажем, умеренных националистов в Индии), а также не имели вооруженного сопротивления из-за границы, смотрели на мировые события в свете своих надежд и были склонны принимать желаемое за действительное. В духе конфуцианских стереотипов они хотели различить в империалистическом перераспределении мира после первой мировой войны «перестройку мирового порядка на основе гуманности и справедливости».

Желая, чтобы корейские интересы были учтены в процессе этой «перестройки», корейская национальная ассоциация в США в декабре 1918 года решила направить Ли Сынмана и нескольких других «национальных лидеров» для представления порабощенной Кореи на Версальской мирной конференции. Лидеры умеренной корейской эмиграции не достигли Парижа. Государственный департамент США отказался предоставить политическому беженцу Ли Сынману паспорт для поездок в Европу, а старый покровитель Ли Сынмана, президент Вильсон (бывший ректором Принстонского университета, когда Ли Сынман учился там в аспирантуре в 1908–1910 годах), даже не хотел идти с ним на встречу. Все же, Ли Сынман отправил администрации США петицию с просьбой об освобождении Кореи от Японии и превращении ее в подмандатную территорию создававшейся Лиги Наций на условии в дальнейшем предоставления полной независимости. Подобные формулировки вполне отвечали картине мира Ли Сынмана, который относился к США и к продвигаемой администрацией Вильсона в качестве будущего арбитра международных проблем Лиге Наций почти так же, как старые корейские конфуцианцы относились к Китайской империи - «центру мировой цивилизации». Однако впоследствии эпизод с петицией стал одной из точек противоречий на пути сотрудничества между Ли Сынманом и более радикальными корейскими националистами.

Ким Гюсику (1881-1950) - другому представителю корейских протестантских националистов, который был послан в Версаль Молодежной партией новой Кореи (Синхан чхоннёндан) — организацией корейских эмигрантов, проживавших в Шанхае повезло больше. Он смог добраться до Версаля, и, хотя и не получил возможности официального участия в работе мирной конференции, сделал достаточно для информирования международной общественности о действительной ситуации в Корее.

Молодой авангард корейской интеллигенции - корейские студенты, которые обучались в Японии также начали проявлять активность. 8 февраля 1918 г. в Токио корейские студенты, которые собрались в лекционном зале корейской Христианской ассоциации молодых людей (YMCA) приняли «Декларацию Независимости». В этом документе, выражая Японии «признание за избавление от опасности русской агрессии и китайской зависимости», они просили Японию восстановить независимость Кореи, «так как ни Китай, ни Россия теперь не угрожают нам, и нет причин на то, чтобы оставаться в составе Японской империи». Следует заметить, формулировки этой декларации были очень лояльными, однако, сам факт упоминания о самостоятельности Кореи оказал существенное влияние на состояние умов внутри Кореи. Изменения в международной ситуации, активизация националистической

Ким Гюсик (1881-1950) – один из почетаемых корейских политиков и учёных. Будучи участником движения за независимость страны, занимал различные посты во Временном правительстве, включая пост министра иностранных дел, посла, министра образования и вице-президента Временного правительства Кореи.

эмиграции в США и Китае, а также движение в среде корейских студентов в Японии оказали влияние и на ситуацию внутри Кореи.

После этого, выпускник Университета Мэйдзи, руководитель средней школы повышенной ступени Посон (сегодня Университет Корё в Сеуле) и влиятельное лицо в иерархии религии чхондогё («Учение Небесного Пути»), продолжателей движения тонхак - Чхве Рин (1878-1958) заинтересовался идеей опубликования подобного документа от имени «религиозных лидеров нации» внутри самой Кореи.

Как только молодой провинциальный учитель Чон Джэён прочитал «Декларацию независимости» в парке «Пагода», демонстрации студентов начались почти по всему городу. Вскоре к ученикам присоединились рабочие: железнодорожники, типографы, табачники и даже мелкие торговцы и ремесленники. Большая колонна - более трех тысяч человек - направилась к главной резиденции генерал-губернаторства, где она вскоре была жестоко разогнана японской полицией и японскими поселенцами, которые прибыли к тому времени на место происшествия. С риском для жизни и имущества, почти два миллиона корейцев приняли участие в демонстрациях после 1 марта 1919 года.

Первомартовское движение 1919 года дало новую жизнь национально-освободительной борьбе корейских эмигрантов за рубежом, но корейские патриоты в изгнании не смогли наладить сотрудничество между различными группами и фракциями. Различия были слишком велики - идеологические и культурные. В начале 1920-х годов в центре внимания корейских националистов разных стран находилось Шанхайское временное правительство, основанное 13 апреля 1919 года корейскими политическими эмигрантами, которые поселились в Шанхае

с 1910-х годов. Желая объединить все национальные силы вокруг нового правительства, они пригласили Ли Сынмана на пост главы нового правительства, Ан Чханхо на пост министра внутренних дел и лидера «шанхайских» коммунистов, бывшего офицера старой корейской армии, протестантского националиста Ли Донхви (1873-1935) на пост военного министра (затем премьер-министра).

После встречи национальных представителей (более ста членов иностранных националистических групп) в январе 1923 года будущая судьба временного правительства не могла быть определена, оно быстро потеряло свою популярность, став в середине 1920-х годов группой эмигрантов и попав в финансовую и политическую зависимость от Гоминдана в 1930-х гг. Ли Сынман потерял свой пост «президента» этого правительства в 1925 году в результате импичмента противников. До начала войны между Японией и Соединенными Штатами в 1941 году он вел дипломатическую деятельность от имени Корейской комиссии - представителя временного правительства в Вашингтоне. Его (конечно, совершенно безуспешные) попытки добиться представительства Кореи в Лиге наций и убедить по крайней мере одну из ведущих европейских держав (включая даже СССР, которую Ли Сынман посетил в 1933 году - несмотря на свою глубочайшую антипатию к коммунизму) осудить японскую колонизацию Кореи дала ему определенную известность в европейской и американской прессе, что впоследствии дало американским властям возможность считая его наиболее лояльным к интересам Соединенных Штатов эмигрантского деятеля и предсатвлять в дальнейшем как международно-признанного представителя корейской нации. Более того, в самой Корее Ли Сынман был известен только очень ограниченному кругу протестантских активистов, которые учились за границей или в Японии, интеллектуалам или крупным буржуа.

Участники митингов начало марта 1919 года в Сеуле.

Национальное движение 1 марта 1919 года не освободило Корею от японских захватчиков, хотя оно заставило ее пойти на уступки и предоставить определенным классам, слоям и группам корейского общества определенные возможности для самоорганизации и борьбы за свои интересы. Это не означает, что надежды, которые были у 33 «лидеров нации» во время движения Первого марта, и группы Ли Сынмана за границей относительно роли США в освобождении Кореи, а также надежд коммунистов в СССР, были совершенно необоснованны. В конце концов, именно вооруженные силы этих двух стран изгнали японских оккупантов из Кореи в 1945 году. Однако в 1920-е годы эти надежды, несомненно, были преждевременными. Кроме того, идеализация политической и социальной системы Соединенных Штатов несколькими корейскими буржуазными лидерами (особенно Ли Сынманом и его сторонниками), а также абсолютно некритический подход первых корейских коммунистов к СССР и их опыт, характерный для идеологической жизни 1920-х, не сулили ничего хорошего для судьбы Кореи в будущем.

В то время как умеренные националисты внутри страны, сохраняя акцент на развитии корейской национальной культуры, продолжали более тесно сотрудничать с колонизаторами, изгнанные национальные радикалы продолжали искать иностранных сторонников для дела независимости Кореи. В конце 1920-х годов практическим главой временного правительства в Шанхае был Ким Гу, бывший член «Общества нового народа», который в конечном итоге отказался от христианства и хотел организовать эмиграцию корейских вооруженных сил, которые при определенном стечении международных политических обстоятельств, могли бы подключиться к войне против Японии в борьбе за независимость Кореи.

Ким Гу хотел получить поддержку от гоминьдана, но изначально националистическое правительство Китая не имело большого интереса к контактам с Временным правительством Кореи, разумно полагая, что оно не имело реального влияния даже в среде эмигрантов. Чтобы привлечь внимание к Временному правительству, Ким Гу прибегнул к проверенному и испытанному «оружию слабых» в международной политике - индивидуальному террору. Он создал в 1931 году - главным образом на средства, присланные корейцами из США и Мексики - «Патриотическое общество Кореи» (Ханин эгуктан), к которому молодые корейцы начали тянуться, горя от желания лично отомстить врагам своей родины. Один из них, рабочий Ли Бончхан (1900-1932), который жил в Японии в течение нескольких лет и постоянно подвергался национальной дискриминации и бытовым унижениям, использовал свои знания японского языка, чтобы добраться до ворот Императорского дворца в Токио 8 января 1932 и бросить гранату в императора Хирохито (правил с 1926 по 1989 год), который возвращался с парада. По счастливой случайности Ли Бончхан ошибся и Хирохито не пострадал, о чем китайские газеты, ненавидевшие Японию, написали: «К сожалению».

Другой акт корейского возмездия оказался более успешным — 29 апреля 1932 года молодому интеллигенту из Кёнсона Юн Бонгилю удалось принести в коробке для завтрака бомбу в шанхайский парк Хункоу, в котором на празднование дня рождения императора собрались все находившиеся на тот момент в Шанхае японские высшие должностные лица. Взрывом убило генерала Сиракава Ёсинори, который возглавлял японский экспедиционный корпус в Шанхае, а также нескольких японских военных руководителей, к тому же, тяжело ранило, среди остальных, Сигэмицу Мамору (1887□ 1957: будущий министр иностранных

дел Японии, подписавший 1 сентября 1945 г. акт о ее безоговорочной капитуляции) на тот момент посла Японии в Китае. Этот террористический акт сделал корейских эмигрантов в Китае «героями дня». Для Ким Гу через год организовали личную встречу с Чан Кайши - руководителем гоминьдана и фактическим диктатором националистического Китая, после которой гоминьдан взял на себя обязательства по финансированию Временного правительства Кореи, а также зачислил 92-х корейцев на обучение в военную академию Лояна.

Ким Гу (1876-1949) - один из наиболее известных и почетаемых деятелей движения за независимость Кореи от Японии. Он стал шестым и последним председателем Временного правительства Кореи. В 1896 году Ким Гу был обвинен в убийстве Цутида Дзосукэ, одного из участников убийства королевы Мин, после чего его задержали и подвергнули пыткам.

Временное правительство, спасаясь от карательных действий японцев, однако, было вынуждено перебраться из Шанхая в Ханчжоу, а затем дальше вглубь Китая. Тесные отношения между Ким Гу и националистическими фигурами вокруг него с Чан Кайши несомненно имели положительную сторону. Так, именно по китайской инициативе в Каирской декларации союзников по антифашистской коалиции от 1 декабря 1943 г. было упомянуто «рабское положение» корейского народа и необходимость предоставления Корее независимости (следует отметить, что что до этого момента ни США, ни Великобритания никогда не оспаривали законность «прав» Японии на владение Кореей). Однако нельзя не отметить сильное влияние праворадикальной экстремистской гоминьдановской идеологии на Ким Гу и его окружение, которые усердно заимствовали у китайских «старших братьев» идеи о «служении нации как высшей добродетели», антикоммунистической концепции и идеи вождизма.

Спровоцировав «инцидент» на мосту Марко Поло в окрестностях Бэйпина (так тогда назывался Пекин), 7 июля 1937 г. Япония начала против Китая полномасштабную агрессивную войну. Эта экспансия в дальнейшем переросла в войну с США, а позже с СССР. Война с Китаем, Соединенными Штатами и их союзниками длилась восемь лет и стоила

сторонам приблизительно 20-30 миллионов жизней.

Масштабная война с Китаем означала для Японии переход к мобилизующей экономике - тотальный государственный контроль над материальными и человеческими ресурсами, оправданный ультранационалистической идеологией, распространение которой становится абсолютным приоритетом в культурной, религиозной и образовательной политике. В колониальной Корее другим аспектом мобилизации была «денационализация» страны - так называемая «политика ассимиляции». Желая использовать корейцев в войне против Китая и США, а в будущем против СССР, японские власти стали требовать, чтобы корейцы отказались не только от своей политической государственной идентичности, но и их этнического языка, навязывая им, главным образом посредством системы образования и массовых организаций, а также религиозные и гражданские ритуалы - идею о том, что они являются составной частью «великого народа Ямато» - «великой» японской нации. Всего в армию, на флот и на трудовые работы на военных и морских базах до августа 1945 г. было призвано приблизительно 380 тысяч человек.

В то время как корейский колониальный «истеблишмент» продолжал опираться на военные авантюры колонизаторов, корейские коммунисты оставались единственной силой, способной последовательно бороться с японским режимом точки зрения национально-освободительных и классовых позиций.

Помимо коммунистов, действия внутри страны продолжались представителями более умеренных левых сил. Важное место среди них занял Унхён (1886-1947), человек, чья биография выглядит неспокойной и насыщенной даже по меркам бурного 20-го века Кореи. Родившись в известной семье янбан, получив классическое конфуцианское образование в детстве и участвуя в просветительском движении в 1900-х годах, он был избран в 1908 году членом совета образовательного общества столичной провинции (Кихо хаюсве) - Унхён затем стал учеником американских пресвитерианских миссионеров и окончил семинарию в Пхеньяне. Видя, однако, что принятие протестантизма корейцами не приводит к освобождению от японского ига, он эмигрировал в Китай и стал заметной фигурой среди эмигрантов в Шанхае к концу 1910-х годов. Он активно участвовал в 1919 году, в частности, в отправке Кима Гусика в качестве «корейского делегата» на Версальскую мирную конференцию.

Нередко бывая в Токио, обладая доступом к западным публикациям и хорошо разбираясь в международной политике того времени, к середине 1943 г. Унхён был уверен, что Япония в ближайшее время потерпит поражение. С того времени он начал собирать вокруг себя молодежь прогрессивно националистической и умеренно-левой ориентации, с целью помочь молодым людям избежать призыва в японскую армию, а также готовя их к организационной деятельности в случае освобождения страны и налаживая связи с Временным Правительством в Китае. Вокруг Унхёна к августу 1944 г. сформировался «Корейский союз за строительство государства» (Чосон конгук тонмэн) - подпольная, преимущественно молодежная организация, которая стремилась в случае поражения японцев сделать Корею «народно-демократической республикой» — демократическим государством с ярко-выраженными социалистическими чертами (национализация важнейших промышленных отраслей и т.д.). Талантливый руководитель, Унхён смог даже установить секретные контакты с некоторыми

офицерами японской армии корейского происхождения и согласовать то, что в случае если Япония потерпит поражение его организация получит доступ к японскому оружию.

8 августа 1945 года СССР объявил о вступлении в войну против Японии, а 9 и 10 августа начались авиаудары СССР по портовым городам Северной Кореи. Генерал-губернаторство знало о степени влияния Унхёна на студентов и молодежь из разведывательных данных, и до официальной капитуляции Японии 15 августа 1945 года вышли к нему с предложением, чтобы он поручил своей организации поддерживать порядок в Корее, в соответствии с которым гарантировалось бы обеспечение безопасности японцев при их эвакуации.

Ё Унхён приняв данное предложение, стал, таким образом, по сути, рукрвродителем временной переходной администрации Кореи. В период 16-17 августа 1945 г. в Кёнсоне начал функционировать Комитет по подготовке к строительству государства (Конгук чунби вивонхве), возглавлявшийся Унхёном и его коллегами по подполью, под эгидой которого практически в каждом уезде страны были сформированы «народные комитеты» (инмин вивонхве), принимавшие на себя ответственность за поддержание правопорядка, контроль за справедливым распределением продовольствия и т.д.

В то время как американские военные задерживали высадку своих войск на Корейском полуострове, 11 августа 1945 года советская армия начала наступление на территории севера Корейского полуострова, чтобы отрезать южные пути отступления для частей японской Квантунской армии, базирующейся в Маньчжурии. Таким образом советские войска выполнили свой союзный долг перед США. Части Квантунской армии могли быть отправлены по железной дороге и шоссе, проходящими через Северную Корею, в корейские порты, и там они были перевезены в Японию, чтобы противостоять запланированной (в случае отказа Японии от сдачи) высадке американских войск. В соответствии с декларацией о капитуляции, к 17 августа японские военнослужащие начали организованную сдачу в плен.

Капитуляция Японской империи подписана 2 сентября 1945 года в 9:02 по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе. Акт о капитуляции подписали министр иностранных дел и начальник генерального штаба Японии, а также представители 9 стран союзных войск и главнокомандующий союзнами армиями.

На территории Корейского полуострова к северу от 38-й параллели, которую к двадцатым числам августа 1945 г. полностью заняли советские войска, оккупационные власти СССР пошли на тесное взаимодействие с местными «народными комитетами» — в которых, к слову, в отличие от южных и центральных районов Кореи, преобладали протестантские националисты, — стремясь взять над ними контроль и в результате преобразовать их в «народно-демократическое правительство» лояльное Советскому Союзу.

Американцы, которые прибыли в порт Инчхон 8 сентября 1945 года, с самого начала отказались признать «Комитет по подготовке государственного строительства», который в то время провозгласил Корею «народной республикой». В свою очередь, они объявили о концентрации всей власти в руках оккупационной американской администрации и первым же заявлением пригрозили суровыми наказаниями за неподчинение их приказам. Впоследствии они вели дела с бывшими чиновниками японского генерал-губернаторства, которых на некоторое время оставили на своих постах «во избежание хаоса» или с правыми силами. Среди последних было много людей, которые запятнали себя в военные годы, помогая японскому милитаризму. Поскольку Соединенные Штаты были союзником СССР во время войны, южные коммунисты во главе с Пак Хонёном сочли американские войска «освободителями». Все же основополагающей своей задачей американцы с самого начала предполагали «предотвращение захвата коммунистами всей Кореи», и в этом плане конфронтация между американцами и их ставленниками, с одной стороны, и массами бедноты, которые видели в местных помощниках американцев лишь бывших пособников японской администрации и желавшими радикальных социальных перемен, с другой стороны, был делом времени.

Корея была освобождена от японского ига, но это освобождение было достигнуто руками солдат иностранных держав, которые прежде всего заботились о своих собственных геополитических интересах и вступили в союз с теми политическими силами внутри страны, которые согласились служить этим интересам. Несомненно, были существенные и фундаментальные различия между взглядами советских и американских оккупационных властей на будущее Кореи. Тогда как советские власти с самого начала имели директиву «не вводить советский порядок на территории Северной Кореи» и изначально взяли курс на сотрудничество со всеми патриотическими антиколониальными силами с целью создания в будущем дружественного СССР, но не обязательно «коммунистического правительства», оккупационные власти США стремились, прежде всего, подорвать влияние наиболее популярных левых группировок среди корейцев. Все же, несмотря на разницу в изначальных установках, в конце концов, принципы холодной войны заставили правительства США и СССР следовать похожей, по сути, политике, поддерживая своих ставленников у власти всеми силами и давая им возможность устранить политических конкурентов и сформировать зависимые от поддержки извне диктаторские режимы. Разумеется, это не означает, что солдаты и офицеры Советской Армии, освободившие территорию северной Кореи, ощущали себя в августе 1945 года как завоеватели или воспринимались как таковые местными жителями. Зачастую воины-освободители встречались местными с восторгом и соответственно сами испытывали гордость, осознавая историческое значение своей миссии. Все же, с объективной точки зрения в результате освобождение Кореи силами иностранных

вооруженных сил стало одним из факторов, которые привели страну, в результате, к национальной трагедии раскола.

Столкнувшись с неизбежным поражением, Япония решила использовать СССР в качестве посредника в надежде избежать безоговорочной капитуляции (14 мая 1945 г.). Но еще до этого, 11 февраля 1945 года, Советский Союз на Ялтинской конференции получил от других союзников заверения в том, что он отдадут Сахалин, уступят Курильские острова и сохранится статус-кво во Внешней Монголии (то есть воздержатся бы от возвращения территорий Монгольской Народной Республики Китаю), и согласился начать войну с Японией в течение двух-трех месяцев после окончания войны в Европе. Как только США применили атомную бомбу против Японии, СССР поспешил начать войну с Японией (8 августа 1945 г.), что ускорило ее капитуляцию.

В этих условиях Япония больше не могла избежать безоговорочной капитуляции, и у нее не было иного выбора, кроме как принять решения Потсдамской конференции. Это привело к окончанию четырехлетней войны на Тихом океане и освобождению Кореи. 10 августа 1945 года генерал-губернатор Японии в Корее узнал о готовящейся сдаче, после чего он попытался вступить в контакт для переговоров о передаче власти с наиболее влиятельными корейскими национальными лидерами Унхёном (1886-1947) и Сон Джину (1889). -1945). Его главная задача состояла в том, чтобы обеспечить безопасность и безопасное возвращение в страну более 800 000 японских гражданских лиц и солдат, которые в то время находились в Корее.

Освобождение борцов за независимость Кореи 16 августа 1945 года.

8 сентября 1945 года американские войска вторглись в Сеул. 9 сентября командующий армией США в Корее Джон Р. Хадж (1893-1963) принял сдачу последнего генерал-губернатора Японии в Корее Абе Нобуюки (1875-1953). На этом закончился тридцатипятилетний период

японского колониального правления в Корее. Однако военные власти США в Корее отказались признать, как Временное правительство Республики Корея («Шанхайское»), так и «Корейскую Народную Республику», которая была провозглашена сторонниками «Комитета по подготовке к государственному строительству». Американская военная администрация заменила японскую колониальную администрацию, но ее власть была ограничена районом к югу от 38-й параллели, в то время как организация Унхёна имела филиалы во всех районах Кореи.

В самом конце колониального периода Советский Союз в соответствии с решениями Ялтинской конференции начал военные действия против Японии, нанеся удар по Маньчжурии. 11 августа 1945 года советские войска заняли корейский город Унги; 12 августа они высадились в Наджине, а 13 августа - в Чхонджине, портовом городе на северо-восточном побережье. Японская Квантунская армия, дислоцированная в северных районах Кореи, не оказала серьезного сопротивления, и Советская Армия быстро продвинулась на юг. Американские войска были еще на о. Окинава; Потребовалось время, чтобы перевести их в Корею, и чтобы предотвратить захват Советской армией всего Корейского полуострова, Соединенные Штаты выдвинули план, который соответствовал ранее предложенным планам раздела Кореи, предполагая, что их войска примут капитуляцию японских войск к югу от 38-й параллели, а советские - к северу от этой же линии. Советы, надеясь на экономическую поддержку США и участие в оккупации Японии, согласились. Американское руководство было очень удивлено, потому что советская армия имела возможность либо полностью захватить Корейский полуостров, либо провести разделительную линию значительно южнее 38-й параллели.

Существовала альтернатива сепаратной советско-американской оккупации Кореи, а именно возможность оккупации советской армией всего Корейского полуострова и дальнейшего ее продвижения на части японских территории, например, на остров Хоккайдо. Однако в коне концов СССР выбрал путь компромисса с союзниками по антигитлеровскому союзу. Господствовавшая над Кореей тридцать пять лет Япония, капитулировав перед союзниками в результате поражения в войне на Тихом океане, спровоцировала условия, которые привели к разделу Корейского полуострова. Так как союзники на Ялтинской конференции в секрете договорились об организации в Корее долговременной опеки, 38-я параллель была представлена как временная разделительная (демаркационная) полоса, нужная лишь для приема советской и американской армиями капитуляции японских войск до тех пор, пока союзники не сформируют единое для обеих частей полуострова временное правительство и не начнут осуществлять опеку.

Все же из-за противодействия правых корейских националистов и возрастающей конфронтации между СССР и США планы по формированию единого временного правительства под опекой союзников никогда не были реализованы. Вместо этого с созданием отдельных правительств на Юге и Севере 38-я параллель оказалась настоящей линией национального раскола. Внешними факторами, которые способствовали превращению 38-й параллели в линию раздела корейского народа, стали геополитическое положение Корейского полуострова и японское колониальное господство, предложение США о раздельной оккупации, которое было направлено на противодействие полной оккупации Кореи Советским Союзом, и принятие Советами этого предложения, стремление американцев пренебречь

достигнутыми на Московском совещании министров иностранных дел Великобритании, СССР и США (16-26 декабря 1945 г.) договоренностями и перенести корейский вопрос на обсуждение в ООН, а также дальнейшая «холодная война» между СССР и США. К внутренним факторам разделения необходимо отнести, во-первых, националистические чувства, не позволявшие осознать реальное положение Кореи как колонии побежденной державы и не дававшие согласиться на какую-либо задержку в обретении независимости; во-вторых, те политические группы внутри страны, которые старались использовать эти националистические чувства, чтобы получить власть, пусть хоть над частью нации, и, в-третьих, готовность некоторой части народа следовать за этими политическими силами.

Контрольные вопросы и задания:

1. Почему несмотря на явные нарушения и навязанный характер договора о протекторате, ни одна держава не возразила против действий Японии в Корее?
2. Опишите события предшествовавшие колонизации Кореи Японией.
3. На чем было основано господство Японии в Корее? Почему?
4. Каковы были результаты первых десяти лет японского правления в Корее?
5. Какие события в международной политике предшествовали первомартовскому движению 1919 года в Корее?
6. Опишите результаты первомартовского движения внутри Кореи и за ее пределами.
7. Насколько эффективна была деятельность Временного правительства в Шанхае? Каковы были отношения Временного правительства и гоминданского Китая?
8. Определите роль колониальной Кореи в противоборстве Японии с Китаем и СССР
9. Почему державы обратились с предложением сотрудничества в «Корейский союз за строительство государства»?
10. Опишите процесс освобождения Кореи СССР и США. Каковы были первые результаты этого освобождения?

10 Международное положение Республики Корея после 1945 года

Непосредственной причиной, по которой после 15 августа в Корее было сформировано два отдельных правительства вместо единого общенационального национального, стало то, что советско-американская совместная комиссия, созданная на московской встрече для обсуждения вопроса о едином переходном правительстве, провалилась. Американцы, которые приняли капитуляцию Японии к югу от 38-й параллели, отказались признать, как «Народную Республику Корею», которую поспешно провозгласил «Комитетом по подготовке к строительству государства», так и Временное правительство Республики Корея (Тэхан мингук имей чонбу) первоначально находившееся в Шанхае, а затем в Чунцине. Командование Тихоокеанских вооруженных сил США создало собственную военную администрацию и объявило, что «вся власть над корейской землей и корейским народом к югу от 38-й параллели

Ли Сынман (1875-1965) – первый президент Республики Корея. Благодаря поддержке США Ли Сынман вернулся в Сеул раньше других деятелей корейской политической эмиграции. Вместе с Ким Гюсиком он участвовал в формировании на юге временного законодательного органа и временного правительства.

в настоящее время находится в руках командования». Командующий армией США в Корее генерал Д. Хадж первоначально пытался контролировать Корею через японского генерал-губернатора, но почти немедленно отказался от него из-за сильного сопротивления корейцев. Затем он ликвидировал генерал-губернаторство и создал военную администрацию на основе институтов генерал-губернаторства, где работали про-японские корейцы.

С другой стороны, к северу от 38-й параллели Советы немедленно интернировали японских солдат, полиции и чиновников, очистили прояпонские элементы и признали народные комитеты, сформированные в каждой провинции, в которой активно участвовали корейские коммунисты. Первый такой комитет был создан в провинции Южная Хамгён 16 августа 1945 года, а затем были сформированы народные комитеты в четырех других

провинциях к северу от 38-й параллели: Северная Хамгён, Северная Пхёнан, Южная Пхёнан и Хванхэ. 9 февраля 1946 года был создан Временный народный комитет Северной Кореи, который создал и укрепил новую систему управления на севере раньше, чем на юге.

Союзники, принявшие решение об учреждении опеки в Корее на Ялтинской конференции, созвали 16 декабря 1945 года в Москве совещание для обсуждения послевоенной ситуации. Присутствовали министры иностранных дел СССР, США и Великобритании, которые приняли следующие решения по Корее. Во-первых, чтобы подготовиться к созданию независимого корейского государства, будет создано временное общекорейское демократическое правительство; Во-вторых, для поддержки создания временного правительства будет создана Совместная советско-американская комиссия; Третье: режим опекунства в Корее, осуществляемый совместно Советским Союзом, США, Великобританией и гоминьдановским Китаем, просуществует не более пяти лет. Предложение о создании режима опеки в послевоенной Корее, необходимого для отделения его от японского правительства и подготовки к созданию независимого государства, было представлено Соединенными Штатами в 1942 году. Оно также подтвердилось в заявлении на Каирской конференции, в котором говорилось, что Корея станет независимой «в свое время». Однако не было достигнуто конкретного соглашения о значении «в свое время». В то время как президент США Ф.Д. Рузвельт (1882–1945) полагал, что Корее необходима опека на период «от двадцати до тридцати лет», советский лидер Иосиф Сталин (1879–1953) заявил, что это содержание должно быть «как можно короче». Когда советские войска вошли в северные районы Корейского полуострова в конце Второй мировой войны, в этой проблеме все еще не было ясности.

На московской встрече Соединенные Штаты, получившие решительную поддержку ООН, представили проект по установлению режима опеки в Корее от имени ООН. Советский Союз, со своей стороны, представил проект по установлению режима опеки в Корее, который осуществлялся одновременно с созданием временного правительства. Чтобы достичь компромисса, американцы предложили установить режим опеки, осуществляемый тремя капиталистическими и одной социалистической страной. Поскольку Советский Союз получил гарантии своего участия в оккупации Японии (хотя это никогда не осуществилось), он согласился с этим предложением. Результатом стало принятие плана создания Совместной советско-американской комиссии, создание единого временного демократического правительства и разработка соглашения об опеке США, СССР, Англии и Китая.

Решение московской встречи проложило путь к созданию проамериканского, просоветского или нейтрального правительства в Корее. На самом деле, это была попытка как США, так и СССР выиграть время для создания правительства в Корее под своим влиянием. Даже в такой форме опека рассматривалось как средство и процесс обеспечения независимости Кореи - бывшей японской колонии - и не была самоцелью. Но как только слух о соглашении достиг Кореи, основной проблемой для корейцев было не создание единого временного правительства с юга и севера, которое могло бы остановить разделение нации, возникшее с установлением 38-й параллели, но сама идея опеки.

Изучив представленный американской стороной список из 20 южнокорейских политических партий и общественных организаций, которых следует пригласить на переговоры, советские представители отвергли его, заявив, что, во-первых, только три из этих

партий и организаций принадлежат к Национально-демократическому фронту (Минджуджуый минджок чонсон), который является объединением левых сил, а остальные 17 являются членами союза правых сил «Демократический парламент» (Минджу ыйвон); и, во-вторых, в этот список не вошли Всероссийская конфедерация труда в составе которой 600 000 человек (Чосон нодон чохап чонгук пхён ыйхве), Союз корейских женщин из 300 000 человек (Чосон пунё чхонтонмэн), Демократический союз корейской молодежи (Чосон минджу чхоннён тонмэн), который объединяет 650 000 членов, Корейской ассоциации крестьянских профсоюзов (Чонгук ионмин чохап чхон ёнмэн), в которую вошли 300 000 человек и т.д.

В ответ американская сторона подчеркнула, что список северокорейских политических партий и общественных организаций, представленный советами, не включает правых и что профсоюзные, женские, молодежные и крестьянские организации, упомянутые советскими представителями, являются не чем иным, как «террористическими объединениями диструктивной направленности», численность которых также сильно преувеличена коммунистическими экстремистами. Американцы предложили отложить более сложную проблему создания временного правительства и первоначально обсудить упразднение 38-й параллели и экономическую интеграцию севера и юга. На это СССР ответил, что вопрос об отмене 38-й параллели должно решать объединенное временное правительство и что экономические вопросы не затрагивались в решениях Московского совещания. Следовательно, 6 мая 1946 года работа Советско-американской совместной комиссии была прекращена. После провала первого заседания совместной комиссии группа правых сил во главе с Ли Сынманом начала движение за создание отдельного правительства в Южной Корее. Когда США и СССР начали переговоры о втором заседании Совместной комиссии, правые снова отказалось участвовать и организовали масштабные акции протеста против опеки. Второе заседание Совместной комиссии, которое открылось в разгар этих выступлений 21 мая 1947 года, состоялось в Сеуле и Пхеньяне и, по-видимому, продвигалось до тех пор, пока советская сторона не потребовала, чтобы число организаций - так называемых участников южных переговоров - сократилось с 425 до 118.

В попытке вывести работу Совместной комиссии из тупика Соединенные Штаты потребовали созыва всех четырех союзников - США, СССР, Великобритании и гоминьданского Китая. Они также предложили провести отдельные парламентские выборы на Севере и Юге, чтобы сформировать временное правительство из представителей этих органов, которое начало бы обсуждать с четырьмя союзными державами вопросы о выводе советских и американских войск и создании полностью независимого государства. Советский Союз отказался отложить решение о создании временного правительства из Совместной комиссии до заседания Союзных держав, подчеркнув, что создание отдельных законодательных органов на Севере и Юге только усилит разделение. Тогда Соединенные Штаты, несмотря на оговорки СССР, передали вопрос о Корее в ООН, где преобладали их сторонники. Это привело к роспуску 2-й Совместной советско-американской комиссии 21 октября 1947 года.

Сразу после роспуска первой совместной советско-американской комиссии 3 июня 1946 года Ли Сынман сделал заявление (так называемая «Речь в Чоныпе», провинция Северная Чолла), в котором он призвал к созданию правительства на юге и подчеркнул: «Мы должны создать переходное правительство или временный комитет, хотя бы на юге, и обратиться

к общественному мнению во всем мире, чтобы заставить Советский Союз уйти с севера страны». Его поддержала Демократическая партия Кореи (Хангук минджудан) и другие правые силы.

7 декабря 1946 года Ли Сынман отправился с «дипломатическим» визитом в Соединенные Штаты, чтобы обсудить корейский вопрос в ООН и заручиться поддержкой США в формировании правительства в Корее. На Генеральной Ассамблее ООН в том же году государственный секретарь США Дж. Маршалл попытался обеспечить независимость Кореи, обсудив с Советским Союзом пути претворения в жизнь решений Московского совещания. Но в конце концов он сообщил, что, поскольку за последние два года не было достигнуто никакого прогресса, он выразил надежду, что «внесение корейского вопроса в Генеральную Ассамблею ООН поможет найти способ освободить Корею, не прибегая к опеке».

Таким образом, стало ясно, что США отвергают решения московской встречи и хотят передать вопрос о Корее в ООН. Советский представитель А. А. Громыко отклонил американские предложения, утверждая, что они нарушили соглашения, заключенные в Москве в декабре 1945 года. Он настаивал на том, чтобы корейская проблема была решена только соглашением между СССР, США и Великобританией, и это лучшее решение для корейского народа - определить для себя будущее страны после вывода американских и советских войск. Но, тем не менее, Соединенные Штаты представили в ООН проект резолюции, в котором они предложили создать Временную комиссию Организации Объединенных Наций по Корее для организации свободных выборов под ее контролем как на Севере, так и на Юге, до конца марта 1948 года создать национальное собрание и правительство и вывести войска США и СССР из Кореи.

ООН утвердила план создания Временной комиссии Организации Объединенных Наций по Корее, с тем чтобы Корея восстановила свою независимость, не проходя этап содержания под опекой, и чтобы выборы проходили в обеих частях страны под эгидой ООН. 8 января 1948 года Временная комиссия ООН прибыла в Сеул. Она состояла из представителей 8 государств: Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии, Филиппин и Сирии. Советские военные власти не разрешили ей войти в Северную Корею, вопреки решению ООН.

После того, как Комиссии ООН было отказано во въезде на Север 26 февраля 1948 года, ООН одобрила предложение индийского представителя и председателя той комиссии Кришны Менон, который предложил провести выборы «только на территориях, где это возможно». Так, 10 мая 1948 г. состоялись выборы в Национальное собрание Южной Кореи. 17 июля 1948 года оно приняло конституцию, согласно которой президент избирается Национальным собранием и его мандат ограничен двумя четырехлетними сроками. Национальное собрание избрало президента Ли Сынмана. Он вступил в должность 15 августа 1948 года, став первым президентом Республики Корея.

Японская экспансия, начавшись с колонизации Корейского полуострова, постепенно переросла в войну с Китаем, СССР и США, и, в результате, привела к раздельной оккупации Кореи. Раздельная оккупация стала причиной возникновения отдельных правительств на севере и юге Кореи, что затем привело к Корейской войне. Еще одной косвенной причиной стала победа коммунистической революции в соседнем Китае.

Политика США на Корейском полуострове в этот период также вела к войне. В

соответствии с резолюцией ООН о выводе иностранных войск из Кореи американцы вывели свои войска из Южной Кореи 30 июня 1949 года, оставив там группу военных советников из около 500 человек. Они также приняли план оказания военной помощи правительству Южной Кореи в размере 10 миллионов долларов, а 26 января 1950 года они заключили с ним «Пакт о взаимной безопасности». Но когда экономическая политика Ли Сынмана провалилась и политический хаос усилился, 12 января 1950 года государственный секретарь США Дин Ачесон (1893–1971) опубликовал публичное заявление, в котором он исключил Южную Корею из списка стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые являются частью региона оборонительного периметра США, т. е. тех стран которые американцы должны были защищать в случае войны. В то же время, 19 июня 1950 г. представитель госдепартамента заявил южнокорейскому парламенту, что «Соединенные Штаты с радостью предоставят Республике Корея необходимую моральную и материальную помощь, если им придется бороться с коммунистами».

Спорные заявления официальных лиц США о Корее указывают на то, что американская политика на полуострове не была четко определена. Некоторые исследователи считают, что эта неопределенность побудила Северную Корею начать войну против Юга. 17 марта 1949 года режим Ким Ирсена заключил «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве» с Советским Союзом и секретное соглашение, по которому была оказана военная помощь Северной Корее в виде оружия и боеприпасов для шести пехотных дивизий и трех механизированных отрядов и еще 150 самолетов. 18 марта 1949 года Северная Корея заключила секретное соглашение с КНР, которое предусматривало возвращение в Корею 5000 корейских солдат, служивших в вооруженных силах Китая. Затем эти солдаты вступили в северокорейскую народную армию. В результате режим Ким Ирсена получил возможность быстро укрепить свою армию.

«Здесь началась война 25 июня 1950 года»
Информационный щит на 38 параллели.

После создания отдельных государств на севере и юге Кореи в 1948 году между их вооруженными силами, которые столкнулись друг с другом на 38-й параллели, повторялись большие и малые битвы. Они привели к войне, которая началась на рассвете 25 июня 1950 года и продолжалась 3 года и 1 месяц. Корейскую войну (известную как «Отечественная война за освобождение» в КНДР) можно разделить на четыре этапа.

Первый этап - оккупация всей страны северокорейской народной армией, за исключением плацдарма в Пусане. Уже на четвертый день войны, 28 июня, народная армия заняла Сеул; 20 июля, после столкновения с 24-й дивизией американской армии, быстро перебравшейся в этот район, она вошла в Тэджон. В августе-сентябре 1950 года народная армия взяла под свой контроль практически всю территорию страны, за исключением территории в пределах линии обороны Пусана между городами Кёнджу, Ёнчхон, Тэгу, Чханнён и Масан южная провинция Кёнсан. Ни второй корус Народной армии, дислоцированный в северной провинции Кёнсан, ни ее первое подразделение в южной провинции Чолла не могли пересечь линию обороны Пусана, в рамках которой силы Организации Объединенных Наций, состоящие в основном из американцев они были сгруппированы и подготовлены к контратаке.

Решение отправить войска ООН в Корею было самым значительным событием в первый период корейской войны. Это означало превращение войны из гражданской в международную. В то время СССР бойкотировал заседания Совета Безопасности ООН из-за вопроса о передаче занимавшего место гоминьданского тайваньского правительства коммунистическому Китаю. Советский представитель отсутствовал и потому не мог воспользоваться правом вето, когда Совет Безопасности по предложению Соединенных Штатов объявил Северокорейскую народную армию агрессором и решил отправить войска ООН в Корею. Результатом стало участие представителей 16 стран, в частности США, в Корейской войне вооруженных сил ООН.

Второй этап ознаменовался радикальным изменением хода боевых действия, когда солдаты ООН предприняли контратаку в районе Тэгу и Пусана, и 15 сентября 1950 года высадились в порту Инчхон близ Сеула. 28 сентября 1950 года они заняли Сеул, 30 сентября пересекли 38-ю параллель, 19 октября захватили Пхеньян и направились на север к корейско-китайской границе, к линии между городами Тхэчхон, Пакчхон, Унсан, Ивон, Хвечхон. 26 октября 1950 года одно из боевых формирований ООН сошло на берег к реке Амноккан к Чхосану.

Кульминацией второго этапа войны стало решение сил ООН пересечь 38-ю параллель и двигаться дальше на север. Как только Сеул вернулся под управление, Ли Сынман начал призывать к атаке на Северную Корею. В Вашингтоне в связи с промежуточными выборами в Конгресс администрация Демократической партии также нуждалась в военной победе в Корее. Организация Объединенных Наций, где Соединенные Штаты играли ведущую роль, согласилась перебросить свои войска к северу от 38-й параллели и сформировала Комиссию ООН по объединению Кореи. Это решение ООН было принято не в Совете Безопасности, где вновь появился представитель СССР, а на заседании Генеральной Ассамблеи. Некоторые представители американских политических кругов предупреждали, что Китай может начать действовать, если силы ООН превысят 38-ю параллель. Однако командующий войсками ООН в Корее генерал Дуглас Макартур (1880–1964) проигнорировал эти предупреждения и отправил свои войска на север.

Третий этап войны был также отмечен крупными изменениями, связанными с вводом войск коммунистического Китая (под видом «добровольцев»). Силы ООН были вынуждены отступить. 4 декабря они покинули Пхеньян, 24 декабря 1950 года - Хыннам, 4 января 1951 года - Сеул, достигнув Осана (провинция Кёнгги), прежде чем перегруппироваться и снова начать контратаку. 14 марта 1951 года они снова захватили Сеул, 24 марта вновь перешли 38-ю параллель и 11 июня заняли города Кимхва и Чхорвон, которые были важными

пунктами в оборонительной системе центральных районов Северной Кореи. 23 июня 1951 года Советский Союз, который тайно направил свои военно-воздушные силы для военных действий в Корее, представил ООН предложение о прекращении огня. В результате начались предварительные консультации по условиям этих переговоров.

Самой большой проблемой третьего этапа стал вопрос расширения масштабов войны. После вмешательства китайской армии Макартур начал настаивать на расширении поля военных действий и бомбардировок в Маньчжурии. Он также предложил открыть новый фронт на юге Китая и использовать тайваньские войска гоминдана там и в Корее. Однако Англия и другие страны были категорически против расширения войны. Американское правительство, обеспокоенное возможной советской интервенцией, которая может привести к новой мировой войне, также было против предложений Макартура. В результате 11 апреля 1951 года Макартур был отстранен от должности главнокомандующего силами ООН, и политика США в Корее изменилась: от линии, объединяющей страну под эгидой Соединенных Штатов, к линии окончания войны через переговоры. Особенностью четвертого этапа войны было то, что в этот период были проведены переговоры и заключено соглашение о перемирии. Американцы с готовностью приняли советское предложение о прекращении огня, и всего 15 дней спустя, 10 июля 1951 года, в Кесоне начались переговоры между Соединенными Штатами (формально «войсками ООН»), с одной стороны, и представителями военного командования из КНР и КНДР, с другой. Во время них стороны сосредоточились на установлении демаркационной линии в демилитаризованной зоне, создании органа для контроля за соблюдением режима прекращения огня и обмена военнопленными.

Правительство Ли Сынмана, которое было категорически против предложения США о прекращении огня, выдвинуло ряд условий для прекращения военных действий. К ним относятся уход коммунистического Китая, разоружение Северной Кореи и проведение парламентских выборов под эгидой Организации Объединенных Наций. Эти условия были непрактичными, и переговоры о прекращении огня, в которых инициатива принадлежала американцам, были в разгар текущих военных операций. Одним из главных вопросов на переговорах было то, где именно должна быть установлена линия перемирия. Представители коммунистических сил стояли на 38-й параллели, в то время как силы ООН, которые несколько раз пробились к северу от этой широты во время войны, настаивали на том, что линия должна вести к местам, где в настоящее время находятся две стороны.

В итоге коммунисты сдались, и соглашение было достигнуто 31 октября 1951 года. Обе стороны также договорились о создании комитета представителей нейтральных государств для контроля за соблюдением режима прекращения огня. В этот комитет вошли представители Швейцарии и Швеции, которые были предложены руководством сил ООН, а также Польшей и Чехословакией по предложению коммунистической стороны.

Самым сложным в переговорах стал вопрос обмена военнопленными. Список, представленный силами ООН, включал 132474 военнопленных из северокорейской Народной Армии и китайских «добровольцев», а список коммунистов включал 11559 заключенных из армии Республики Корея и сил ООН. Среди «коммунистических» военнопленных было много тех, кто не хотел отправляться на Север. Многие из этих людей, по происхождению южане, оказались в Народной армии, когда она оккупировала Южную Корею. В связи с

этим ООН предложила провести интервью с каждым заключенным, чтобы он мог выбрать страну проживания: Северная или Южная Корея, Китай или Тайвань. Но коммунисты настаивали на том, чтобы все заключенные возвращались в страны, на чьей стороне они воевали. Казалось, что переговоры снова зашли в тупик, но затем коммунистическая сторона сдалась, и переговоры были продолжены. В результате опросов ООН выяснилось, что 83000 военнопленных выразили желание вернуться, но коммунистическая сторона заявила, то не доверяет этим результатам. Переговоры были приостановлены и бои усилились. ВВС США подвергли бомбардировке плотину Супхун на реке Амноккан, которая до тех пор не входила в зону бомбардировок, ожесточенные бои в районе Кимхва закончились большими потерями для сил ООН и Южной Кореи.

Контр-адмирал Ральф А.Ости награждает Ли Сынмана медалью ВМС США во время Корейской войны в 1952 году.

Переговоры возобновились по предложению коммунистической стороны после смены администрации в Америке в январе 1953 года и смерти Сталина в СССР 5 марта того же года. Первоначально 26 апреля 1953 года было достигнуто соглашение об обмене больных и раненых. Но прогресс в мирных переговорах вызвал еще большее сопротивление со стороны правительства Ли Сынмана. Соединенные Штаты пытались убедить Ли, пообещав подготовить 20 боевых дивизий южнокорейской армии, выделить 100 миллионов долларов на экономическую помощь и держать американскую армию в полной боевой готовности, а либо Корее, или непосредственной близости от нее.

Ли Сынман не ответил на американские обещания, и как только было подписано соглашение об обмене военнопленными, он потряс мир, выпустив из тюрем в одностороннем порядке (18июня 1953 г.) 25000 «антикоммунистов» (то есть тех, кто отказался отправиться в Северную Корею). Хотя переговоры о перемирии были почти провалены из-за этой акции, Соединенные Штаты активно продолжали продвигать соглашение о прекращении огня, и в результате оно было подписано 27 июля 1953 года. До этого американцы заверили разъяренного и напуганного Ли Сынмана пообещав ему подписать «взаимный договор» об обороне, долгосрочную экономическую помощь и помощь в укреплении армии Южной Кореи. Пакт был предварительно одобрен 8 августа в Сеуле, а официальная церемония подписания состоялась 1 октября 1953 года в Вашингтоне. Соглашение о перемирии

предусматривало, что переговоры начнутся в течение трех месяцев, чтобы определить будущее Корейского полуострова.

В совместном заявлении от 7 августа 1953 года Соединенные Штаты и Южная Корея пообещали, что «если мирное воссоединение Корейского полуострова в его исторических рамках в качестве демократического и независимого государства не будет достигнуто в течение 90 дней», они покинут переговоры. Переговоры начались в Женеве 26 апреля 1954 года, но завершились неудачно. В то время остатки Народной армии, которые после высадки американцев в Инчхоне, не смогли вернуться на север, вместе с элементами южнокорейской рабочей партии и бойцами, пережившими партизанские отряды, существовавшие до войны, начали создавать новые партизанские отряды в каждой из южных провинций. Эти коммунистические подразделения, собравшись вокруг «южной армии» под командованием Ли Хёнсана, начали партизанские действия в горах Чирисан, чтобы открыть второй фронт в ожидании нового вторжения народной армии на юг. Однако эти подразделения были почти полностью уничтожены южнокорейской армией, когда было подписано соглашение о перемирии.

Когда корейская война вступила во второй этап после высадки Организации Объединенных Наций в Инчхоне, Объединенное командование Соединенных Штатов, которое дало Макартуру разрешение пересечь 38-ю параллель, сделало заявление о мерах, которые будут приняты после того как Народная армия перестанет сопротивляться. В заявлении говорится, что, поскольку Организация Объединенных Наций не предоставила Республике Корея право управлять территориями к северу от 38-й параллели, любая территориальная экспансия должна быть подтверждена решением Организации Объединенных Наций. Режим Ли Сынмана, с другой стороны, настаивал на том, что «с окончанием боевых действий полномочия Республики Корея по управлению территориями Северной Кореи должны быть спешно реализованы», и просил их задержать выборы под эгидой ООН в северной части страны. Однако позиция США предполагала, что РК является законным правительством только на юге страны, и отклонила просьбу Ли Сынмана о власти в северной части страны.

Представитель Великобритании в ООН считал, что выборы, которые должны состояться в Корее после окончания боевых действий, должны не быть ограничены только севером, но и Южной Кореей. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН по Корее была принята резолюция, суть которой заключалась в том, что временные административные меры на территориях к северу от 38-й параллели должны осуществляться силами ООН, то есть правление штаба Макартура на оккупированных территориях Северной Кореи фактически признается ООН легитимным. Также было решено создать Комиссию ООН по воссоединению и восстановлению Кореи (КООВК). Это было сделано без предварительного обсуждения с Ли Сынманом. ООН также создала временный комитет по Северной Корее и разрешила использовать в нем должностных лиц Южной Кореи в качестве чиновников, охранников и полицейских до прибытия представителей КООВК. Штаб Макартура временно приостановил решение проблем, связанных с владением землей, банковским делом и валютой, и разрешил использовать северокорейскую валюту.

Когда Народная армия оккупировала почти весь Корейский полуостров во время первого этапа войны, Соединенные Штаты призвали Организацию Объединенных Наций вмешаться в военные действия. Когда в Китае победила коммунистическая революция, необходимость

Соединенных Штатов держать Японию под своим влиянием стала особенно очевидной. Если бы на Корейском полуострове полностью правили коммунисты, Корея стала бы «кинжалом, нацеленным на сердце Японии», и американцы не могли бы гарантировать безопасность Японии. Одна из важных причин, по которой Соединенные Штаты хотели включить Южную Корею в сферу своего влияния, заключалась в том, что ей отводилась роль буфера для защиты Японии. Когда полуостров был почти полностью оккупирован силами Организации Объединенных Наций на втором этапе войны, вмешались войска из коммунистического Китая. Если бы вся Корея находилась под контролем капиталистических держав, возникла бы угроза для революции и безопасности Китая. Абсолютно то же самое можно сказать и о безопасности СССР. Корейская война привела Америку к активному перевооружению Японии, были созданы вспомогательные полицейские подразделения, которые стали основой так называемых «сил самообороны» (дзиэйтай). В середине Корейской войны американцы заключили отдельный мирный договор с Японией 8 сентября 1951 года в Сан-Франциско, и последняя оказалась в «поле свободы». Соединенные Штаты также потратили более 1,3 миллиарда долларов на специальные военные закупки в Японии, которые помогли стране оживить экономику. Благодаря Корейской войне Япония начала превращаться в крупную экономическую державу, которая возродила еенадежды на восстановление в качестве главной военной державы, и это стало пугающим моментом для стран Восточной Азии, которые пострадали от агрессии Японии во время Второй мировой войны.

С самого рождения режим Ли Сынмана, которому не хватало необходимой социальной базы и исторической легитимности, старался сохранить свою власть, в кризисных ситуациях опираясь на поддержку США и активно используя антикоммунистическую идеологию. Примерами этому могут служить «парламентский инцидент 1949 г.» (кукхве пхыракчхи сакон), гонения в отношении парламентской оппозиции по обвинениям в получении ею от несуществующей «международной коммунистической партии» помощи в 1952 г., формировавшиеся из близких к власти кругов ничем не обоснованные обвинения, что оппозиционный Ли Сынману спикер Национального собрания Син Икхи будто бы встречался с посланником Северной Кореи Чо Соаном в Нью-Дели (Индия) в 1954 г. Такими путями режим Ли 12 лет продержался у власти, пока конец ему не положил взрыв народного гнева, который вошел в историю как «Апрельская революция» (Саволь хёнмён).

Соглашение о прекращении огня предусматривало проведение конференции для мирного решения корейской проблемы. В статье IV соглашения о прекращении огня говорится, что для обеспечения мирного решения корейского вопроса военное командование обеих сторон настоящим рекомендует правительствам соответствующих стран созвать политическую конференцию в течение трех месяцев для обсуждения вопросов, связанных с выводом войск всех иностранных вооруженных сил из Кореи и мирное решение корейского вопроса.

В августе 1953 года седьмая сессия Генеральной Ассамблеи ООН была возобновлена с целью принятия решения о созыве политической конференции по Корее. Советская делегация представила проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в котором был предложен следующий состав участников конференции: США, Англия, Франция, СССР, КНР, Индия, Польша, Швеция, Бирма, Северная Корея и Южная Корея. Решение было предложено принять консенсусом. У Соединенных Штатов была идея пригласить СССР на конференцию по Корее в составе корейско-китайской стороны и предотвратить участие нейтральной

Индии. Конференция была отложена. 1 октября 1953 года Соединенные Штаты и Южная Корея подписали Договор о взаимной обороне, что еще больше осложнило поиск соглашения о проведении международной конференции по Корее.

С ноября 1953 года по январь 1954 года в Пханмунчжоме состоялось несколько раундов переговоров между представителями корейско-китайской стороны и командованием

Женевская конференция — международная конференция, которая проходила в Женеве с 26 апреля по 21 июля 1954 года при участии министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, КНР и Франции. Несмотря на активное участие представителей обеих Корей, по корейскому вопросу так и не было достигнуто принциального согласия.

вооруженных сил ООН, где так и не удалось договориться о созыве конференции.

На берлинской встрече министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции (январь-февраль 1954 г.) советская делегация предложила рассмотреть корейский вопрос. По настоянию СССР министры иностранных дел решили созвать международную конференцию и рассмотреть, среди прочего, проблему мирного решения по Корее.

В конце апреля 1954 года в Женеве была открыта встреча министров иностранных дел, в которой приняли участие делегации из 19 стран, включая СССР, Китай, США, Великобританию, Францию, Северную Корею, Южную Корею и 12 других стран,

вовлеченных в Корейскую войну. В первый день встречи глава делегации КНДР министр иностранных дел Нам Ир сделал предложение, как можно скорее восстановить национальное единство Кореи и создать единое, независимое и демократическое государство, а также:

1. Рекомендовать правительствам КНДР и РК:

а) проводить на основе свободной воли народа всей Кореи всеобщие выборы в Корее в национальное собрание, которое сформирует единое правительство Кореи;

б) создать общекорейскую комиссию представителей Севера и Юга для подготовки и проведения свободных всеобщих выборов в Национальное собрание Кореи и принять неотложные меры, направленные на экономическое и культурное сближение между Северной Кореей и Югом;

в) предусмотреть, что одной из основных задач всекорейской комиссии является подготовка законопроекта о выборах;

г) чтобы восстановить корейскую экономику и повысить благосостояние корейского народа, общекорейская комиссия немедленно предпримет шаги для установления и развития экономических и культурных связей между КНДР и Республикой Корея.

2. Признать необходимость вывода всех иностранных вооруженных сил с территории Кореи в течение шести месяцев.

3. Признать необходимость обеспечения мирного развития Кореи соответствующими государствами.

Эти предложения нашли поддержку со стороны СССР и Китая. В выступлениях министра иностранных дел СССР В.М. Молотова и министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Эньлая, предложения министра иностранных дел Северной Кореи Нам Ира были названы «основой для принятия соответствующего решения по корейскому вопросу». В заявлениях государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса, министра иностранных дел Республики Корея Бен Ентэ и представителей других южнокорейских союзников в Корейской войне было выражено несогласие с проектом резолюции по корейской проблеме, предложенным северокорейской делегацией.

Чтобы сдвинуть обсуждение проблемы с мертвой точки, делегация Китая предложила дополнить пункт 1 северокорейской инициативы следующей фразой: «Чтобы помочь общекорейской комиссии в проведении выборов на всей территории Кореи ... будет создана комиссия нейтральных стран для наблюдения за общекорейскими выборами».

Основные идеи предложений южнокорейской делегации на женевской встрече 22 мая 1954 года об объединении Кореи сводятся к следующему:

1. Для создания единой, независимой и демократической Кореи свободные выборы должны проводиться под надзором Организации Объединенных Наций в соответствии с ранее принятыми резолюциями ООН.

2. Представительство в корейском законодательном органе будет пропорционально населению Южной Кореи.

3. Сразу после выборов в Сеуле должен созываться общекорейский законодательный орган.

4. Действующая конституция Республики Корея остается в силе с изменениями, которые могут быть включены в общее корейское законодательство.

5. Коммунистические войска Китая должны быть полностью выведены из Кореи за месяц до дня выборов.

6. Вывод вооруженных сил Организации Объединенных Наций из Кореи может начаться до выборов, но не может быть завершен до тех пор, пока правительство Кореи не получит полный контроль над всей Кореей, что должно быть подтверждено Организацией Объединенных Наций.

7. Территориальная целостность и независимость Кореи будут гарантированы ООН»

Северокорейская делегация, советские и китайские представители в ходе обсуждения высказались против предложений Республики Корея, решительно их раскритиковав. Союзники Южной Кореи, в основном США, активно и безоговорочно откровенно, поддержали множество противоречий, с точки зрения международного права, предложений делегации Республики Корея.

5 июня 1954 г. делегация СССР выступила с инициативой принятия основных принципов мирного решения корейского вопроса:

1. Чтобы объединить Корею и создать единое, независимое и демократическое корейское государство, провести свободные выборы по всей Корее.

Представительство в общекорейском парламенте должно быть пропорционально населению всей Кореи.

2. Подготовить и провести свободные всекорейские выборы и способствовать сближению между КНДР и Республикой Корея посредством создания всекорейского орган.

3. Своевременно вывести все иностранные вооруженные силы с территории Кореи.

4. Установить, что создается соответствующая международная комиссия для контроля за проведением свободных всеобщих выборов в Корее.

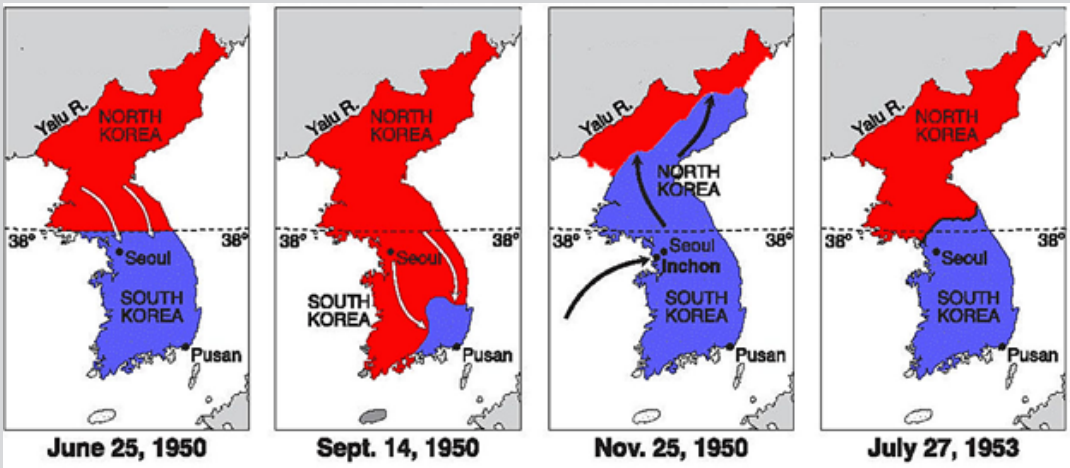
5. Признавая важность предотвращения нарушения мира в Корее, считать необходимым, чтобы государства, наиболее заинтересованные в поддержании мира на Дальнем Востоке, обязались обеспечить мирное развитие Кореи.

Как видно, советские предложения в определенной степени учитывали южнокорейский проект. Советская делегация предложила провести дальнейшие дискуссии по таким вопросам, как состав всекорейского органа по подготовке и проведению выборов в Корее и состав международной комиссии по наблюдению за выборами, а также сроки вывода иностранных подразделений с территории Корейского полуострова. Однако советские инициативы не получили поддержки со стороны США, Южной Кореи и их союзников. Фактически встреча министров иностранных дел в Женеве зашла в тупик.

В попытке достичь определенных договоренностей по некоторым вопросам корейского соглашения, делегация КНДР представила новые предложения: вывод всех иностранных войск из Кореи, сокращение вооруженных сил Северной Кореи и Южной Кореи до 100 тысяч, признание соглашений с другими государствами, в которых содержатся военные обязательства, несовместимыми с целями мирного объединения Кореи в любой части Кореи (в 1953 году Республика Корея и США заключили соглашение о взаимной обороне; КНДР не имела союзнических соглашений с Советским Союзом и КНР), создание корейского генерального комитета по установлению и развитию отношений между Севером и Югом, гарантия государствами-участниками Женевской конференции мирного развития и

объединения Кореи. Однако эти предложения не были приняты США, Южной Корей и их союзниками.

Переговоры по корейскому соглашению в Женеве были безуспешными. Ни одна из сторон не хотела идти на компромисс. По словам южнокорейского исследователя Ю Бёнена, «политическая конференция по объединению Кореи должна была провалиться. Ни одна из великих держав не хотела платить очень высокую цену за объединение Кореи. Все партии, представленные в Женеве, были заинтересованы в сохранении статус-кво».



Корейская война 1950-1953 в 4-х картах

Холодная война.Международная ситуация также не способствовала мирному решению корейской проблемы. в мире шла полным ходом. Политическое противостояние между Советским Союзом и США продолжалось и периодически усиливалось. Два идеологически противоположных лагеря начали массовую гонку вооружений. В разных регионах мира были острые очаги напряженности. Все это не могло способствовать поиску мирного решения ситуации на Корейском полуострове, которая все еще была напряженной и взрывоопасной.

После окончания Корейской войны внешняя политика Республики Корея находилась в состоянии многосторонней зависимости (политической, финансовой, экономической, военно-стратегической) от Соединенных Штатов. Правительство Республики Корея не имело широкого доступа на международную дипломатическую арену, хотя оно опиралось на официальное заявление 16 государств-членов ООН, которые были частью совместного командования (Бельгия, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Эфиопия, Колумбия, Греция, Франция, Нидерланды, Норвегия, Филиппины, Южная Африка, Таиланд, Турция, США и Великобритания). В совместном документе, подписанном этими странами в день прекращения огня (27 июля 1953 г.) было сказано, что, если война возобновится на Корейском полуострове, они снова «примут участие в военных действиях» и не прекратят переносить эту деятельность за пределы Кореи, т.е. в Китай. Эта позиция полностью подпитывала дух милитаризма во внешней политике Ли

Сынмана.

1 октября 1953 года, т.е. через два месяца после прекращения огня, государственный секретарь США Д.Ф. Даллес и министр иностранных дел РК Бён Ентхэ подписали договор о совместной обороне между США и Южной Кореей, целью которого было объединить стратегию потенциала обеих стран по эффективному «отражению общей опасности» и укреплению отношений для совместной борьбы «против угрозы коммунистической агрессии». Статья 3 предусматривает максимально возможную помощь в случае агрессии против одной из договаривающихся сторон. Правда, предоставление немедленной военной помощи США не будет автоматическим и потребует соблюдения определенной конституционной процедуры, предусматривающей одобрение Конгресса США.

Следующая статья 4 Договора о совместной обороне предоставила Соединенным Штатам право размещать сухопутные, военно-морские и воздушные силы на территории Южной Кореи не только на основе предыдущих резолюций ООН по Корее, но и на двусторонней основе. Более того, никаких ограничительных рамок для такого размещения не было указано, и, следовательно, они были по существу неограниченными по своему характеру. 17 ноября 1954 года, после ратификации Конгрессом США и Национальным Собранием Республики Корея, этот документ вступил в силу и в течение многих лет определял общую внешнеполитическую линию Сеула. Отныне все ключевые проблемы воссоединения Кореи де-факто отошли на задний план, поскольку Юг Кореи стал неотъемлемой частью американского стратегического «четырехугольника» в СВА, состоящего из: США, Тайваня, Японии, Южной Кореи.

По оценкам американских стратегов, Южная Корея на этом «четырехугольнике» была особой частью как субрегион, непосредственно примыкающий к периметру мировой «коммунистической системы» на Востоке. С 1945 по 1995 год Соединенные Штаты, по приблизительным оценкам, оказали помощь Южной Корее на общую сумму более 3 миллиардов долларов. Только во время Корейской войны режим Ли Сынмана ежегодно получал помощь в размере 200-300 миллионов долларов, а в послевоенный период в 1957 году эта сумма увеличилась до 380 миллионов долларов. Без американских поставок продовольствия (около 25% помощи), американского сырья и полуфабрикатов (42% этой помощи) послевоенная экономика Южной Кореи оказалась бы в тупике.

В августе 1954 года Ли Сынман совершил официальный визит в Соединенные Штаты. У него была возможность выступить на совместном заседании Палаты представителей и Сената США. Отражая позиции наиболее воинственных кругов Сеула, Ли Сынман сказал, что все планы мирного воссоединения Кореи провалились и что есть только один способ решить насущную проблему - силовой. Позже (24 июня 1959 г.) в интервью United Press International Ли Сынман назвал американскую линию мирного воссоединения Кореи «ошибочной», потому что объединение может быть достигнуто только с помощью вооруженной силы. Поэтому Соединенные Штаты и другие члены ООН, участвующие в корейском конфликте, должны предоставить южнокорейскому правительству возможность изгнать коммунистов из Северной Кореи и объединить страну. Сейчас самое лучшее время для объединения страны. Также говорилось о невозмодности больше ждать, так как противном случае коммунистические силы станут еще сильнее.

Поездка Ли Сынмана в Соединенные Штаты подготовила к подписанию 17 ноября 1954

года еще один базовый документ - Протокол о корейско-американских переговорах по военным и экономическим вопросам. Согласно этому протоколу, вооруженные силы Южной Кореи оставались под контролем командования ООН до тех пор, пока эта организация отвечала за национальную оборону Республики Корея. Вашингтон пообещал предоставить новую порцию помощи своему южнокорейскому партнеру. И снова было объявлено, что Соединенные Штаты «незамедлительно применят свои вооруженные силы против агрессора в случае неспровоцированного нападения на Республику Корея». В документе лишь мимоходом говорилось об актуальных проблемах объединения Кореи. Тем не менее, Ли Сынман не был удовлетворен такого рода политическим заявлением и продолжал критиковать чрезмерную «мягкость» в корейской политике Вашингтон, побуждающую Сеул «определять свой собственный путь, независимо от помощи США».

Вторым направлением после США во внешней политике президента Ли Сынмана была Япония. Несмотря на сильные антияпонские настроения, коренящиеся в годы колониального беззакония и унижения, торговые и экономические связи между Южной Кореей и бывшим «сувереном» были укреплены во время Корейской войны, когда японские острова были превращены в тыловую базу корейского фронта. Здесь во время войны большинство подразделений «войск ООН», действующих на Корейском полуострове, были временно дислоцированы. Для их обслуживания требовались продукты питания, оборудование и другие ресурсы. Япония была важным поставщиком продовольствия, одежды и другого оборудования для военных подразделений, действующих на корейском фронте. Только военные заказы США в Японию во время Корейской войны превысили 3 миллиарда долларов, и Япония, которая быстро восстановив свою национальную экономику после Второй мировой войны, начала активно устанавливать торгово-экономические отношения с Южной Кореей.

С 1950 года валовой национальный продукт Японии (ВНП) начал увеличиваться на 10% и более ежегодно. Уровень промышленного производства на островах Японии во время Корейской войны увеличился почти на 50%, а объем внешней торговли (в том числе с Южной Кореей) - на 84%. Во второй половине 1950-х годов в экономике Японии произошли глубокие структурные изменения. Металлургия, машиностроение, химия, строительная индустрия и др. переживают бурное развитие. Все это потребовало от Токио наладить тесные торговые мосты со вчерашними колониями и зависимыми территориями, включая Южную Корею.

Режим Ли Сынмана, учитывая бурные антияпонские настроения в стране, не имел возможности идти на откровенное стимулирование японской экономической экспансии в Южную Корею. Хотя в Сеуле осознавали объективную необходимость развития широких деловых связей с бывшей метрополией, все же запрет на импорт многих японских товаров, в т. ч. электроники, косметики, автомобилей, показ японских фильмов, издание японских журналов и книг, и, наконец, требования выплаты компесации за долгие годы колониального ограбления не мог не учитывать никто.

В 1959 году делегация крупных японских фирм Mitsui Bussan и Mitsui Shoji была принята в Южной Корее без особого шума. Затем представители Sumitomo shoji посетили Юг Кореи, чтобы ознакомиться с рыночными условиями. В 1958 году в Токио был открыт государственно-частный институт азиатской экономики, который начал тщательно изучать перспективы японской экономической экспансии в азиатских странах, включая Корейский полуостров. Позже уникальный японский Институт изучения промышленности и экономики

Южной Кореи начал функционировать за счет государственного и частного финансирования. Институт начал проводить специальные исследования, которые были призваны выявить новые условия экономических отношений между Японией и Республикой Корея по сравнению с колониальным периодом.

Упомянутые выше антияпонские настроения в Южной Корее вынудили японские монополистические круги действовать в 1950-х и 1960-х годах под видом различных международных институтов. Таким образом, японская компания Mitsui Bussan заключила выгодные контракты через международный Фонда займов развития (Development Loan Fund) на поставку сельскохозяйственной продукции в Южную Корею. Другие японские корпорации работали на основе контрактов через Главное управление по снабжению американских войск в Японии (Army Procurement Agency of Japan), которое поставляло цемент, транспортные средства и военную технику в Республику Корея.

В начале 1960-х годов было издано уникальное энциклопедическое произведение под названием «Состояние экономики Южной Кореи», в котором представлен подробный анализ реальных перспектив расширения японского капитала в Южной Корее. Было рекомендовано максимально увеличить не только насущные потребности Республики Корея в области иностранных инвестиций, промышленного оборудования, сырья, но и знакомство корейцев в недавнем прошлом с основами японской цивилизации. Что касается митингов и протестов, которые постоянно вспыхивали в Корее против «нормализации» отношений с Токио, авторы упомянутой выше книги открыто призвали корейцев «отвергнуть ненависть и подозрения» и развить новый дух международного взаимодействия.

Важную роль в строительстве мостов между Сеулом и Токио сыграли представители корейской диаспоры в Японии из ряда представителей крупного капитала. Один из них, Со Гинхо (японское имя Э. Сакамото), основал компании Sakamoto Boseki (1948), Osaka Boseki (1954), Hatara Boseki (1956), которые занимали важное место в прядильной и ткацкой промышленности. Затем Гинхо стал одним из главных лоббистов нормализации южнокорейско-японских отношений. Ему приписывают уникальное соглашение о покупке земли и особняка в японской столице, где впоследствии было удобно расположено посольство Республики Корея. В 1960 году Со Гинхо основал Panbon Muyun в Сеуле и

Дети на апрельской революции 1960 года. Поскольку президентские выборы 15 марта 1960 года оказались безальтернативными начались стихийные беспорядки, вызванные нарушениями в ходе выборов. Вскоре Ли Сынман подписал заявление об отставке и покинул страну.

Пусане с капиталом 19,5 млн. долларов США, который вместе с коммерческим банком Hanguk Sanop Ingen занимался операциями по импорту и экспорту хлопка, пряжи, красителей, ткацких станков и строительного оборудования. На предприятии компании в Сеуле работало более 3500 сотрудников и офисных работников. Все это говорит о том, что еще до официальной нормализации отношений между Сеулом и Токио крупный бизнес Японии нашел скрытые пути экономического и торгового расширения в Южной Корее.

После того, как Ли Сынман был лишен поста президента, бразды правления перешли к Хо Джону (1896-1988), который занимал одну из самых высоких должностей в его кабинете - министра иностранных дел. 23 августа 1960 года Национальное собрание избрало Юн Босона (1897–1990), представителя «старой фракции» президентом, чья позиция была в значительной степени представительной, а Чан Мен, представитель «новой фракции», был назначен премьер-министром.

В то время неотложной задачей было наказать коррумпированных чиновников - взяточников, взяткодателей и спонсоров режима Ли Сынмана. Решение этой проблемы, однако, было осложнено тем, что оно было тесно связано с ростом монопольного капитала и государственной власти под американским контролем. Чтобы укрепить антикоммунистический лагерь, Америке было важно создать экономическую систему в Корее, основанную главным образом на монопольном капитале. Крупные компании, поддерживаемые Соединенными Штатами, хотели сохранить свои привилегии. Режим Чан Мена не мог противостоять требованиям Соединенных Штатов и корейского монополистического капитала, и у него не было другого выбора, кроме как ограничить применение закона о незаконно накопленных богатствах, принятого Палатой представителей, только для тех, кто внес или получил как минимум 30 миллионов вон во время фальсифицированных выборов 15 марта 1960 г.

Контрольные вопросы и задания:

1. В чем было отличие политики США и СССР в только что освобожденной Корее?
2. Каковы были позиции держав после московской встречи 16 декабря 1945 года?
3. Почему Совместная советско-американская комиссия не добилась никаких результатов по корейскому вопросу?
4. Почему 10 мая 1948 года состоялись выборы в Национальное собрание только южной части Кореи?
5. Какова была политика США в отношении Южной Кореи после вывода войск 30 июня 1949 года?
6. Каковы были результаты первого этапа Корейской войны?
7. Какую роль играла КНР в Корейской войне?
8. В чем заключалось предложения Южной Кореи на Женевской встрече 24 мая 1954 года?
9. Почему Ли Сынман не мог открыто идти на стимулирование японской экономической экспансии?
10. Каким образом японский капитал проникал в Южную Корею в 1950-1960-хх?

11 Внешняя политика РК в условиях диктатуры военных

Военный переворот во главе с Пак Чонхи произошел через восемь месяцев после установления режима Чан Мёна 16 мая 1961 года. Путчисты ввели чрезвычайное положение и объявили о принятии функций законодательной, судебной и исполнительной власти на себя.

Командующий американскими вооруженными силами в Корее Картер Б. Магрудер и посольство США заявили, что Соединенные Штаты «поддерживают законное правительство Кореи», создавая впечатление, что Соединенные Штаты поддерживают режим Чан Мёна. Однако в ноябре 1961 г. Пак Чонхи был приглашен в Вашингтон, что указывало на то, что американское правительство одобрило его. Стремясь заручиться сильной американской поддержкой, режим Пака продемонстрировал желание улучшить отношения с Японией и представил план экономического развития. С другой стороны, 16 марта 1962 года был принят закон «Об очищении политической деятельности» (Чончхи хвалыпон чонхвабоп), который ввел запрет 4374 «старым политикам» заниматься политической деятельностью.

Режим Пак Чонхи, буксуя на пути «возвращения власти гражданским политикам», стремился укрепить отношения с Соединенными Штатами, подписав с ними 31 октября 1964 года соглашение об отправке корейских войск во Вьетнам для участия с американской стороны в уничтожении партизанского движения против «марионеточного правительства Южного Вьетнама». Сеул направил сначала не боевые подразделения страны, затем боевые дивизии. Вопрос об установлении отношений с Японией (американцы просили об этом, полагая, что это поможет развитию экономики Южной Кореи и, таким образом, освободит Соединенные Штаты от бремени финансирования южнокорейской армии), привело режим Пак Чонхи к политическому кризису. Сразу после захвата власти Пак Чонхи решил начать переговоры с Японией, в результате чего 12 ноября 1962 года был подписан «Меморандум Ким Джонпхиля - Охира», согласно которому корейская сторона согласилась принять 300 миллионов долларов «помощи» из Японии, 300 миллионов долларов займов на выгодных условиях (200 миллионов государственных займов и 100 миллионов коммерческих кредитов) и в обмен больше не требовать выплат за колониальное прошлое.

Президент Южной Кореи Пак Чонхи подписывает договор о нормализации отношений между Кореей и Японией 17 декабря 1965 года в Голубом доме в Сеуле

В начале 1970-х годов произошли серьезные изменения в глобальной стратегии Соединенных Штатов и их политике в Корее. Соединенные Штаты, обеспокоенные ростом антивоенных настроений внутри страны и экономическими проблемами, вызванными широкомасштабным участием во вьетнамской войне, начали в августе 1970 года обсуждать вопрос о сокращении своих вооруженных сил в Корее. Президент Соединенных Штатов Ричард Никсон, пытаясь снизить напряженность в отношениях с коммунистическим блоком, провозгласил доктрину Никсона 25 июля 1969 года и открыл дипломатию пинг-понга 7 апреля 1971 года (то есть спортивные обмены, которые привели к постепенному созданию межгосударственных отношений) с коммунистическим Китаем и 17 февраля 1972 года он посетил Пекин. В корейской политике «Доктрина Никсона» предусматривала вывод американских войск из Южной Кореи, переговоры между Севером и Югом в качестве предварительного условия для дальнейшего предоставления американской помощи и реализации «политики двух Корей».

Режим Пак Чонхи также отреагировал на изменения в международной обстановке, предложив 12 августа 1971 года организовать движение за воссоединение разделенных семей через Красный Крест Южной Кореи, которое получило положительный отклик на Севере. В Пханмунджоме был открыт постоянный офис межкорейских контактов, установлена прямая телефонная линия между Сеулом и Пхеньяном, а также проведено несколько предварительных встреч представителей Красного Креста. Затем, после секретных переговоров между высокопоставленными чиновниками Севера и Юга, 4 июля 1972 года, совместное заявление было опубликовано одновременно в двух столицах.

Начав, с одной стороны, предварительные переговоры с Северной Кореей через Красный Крест, администрация Пака, в то же время, 6 декабря 1971 года объявила «общегосударственное чрезвычайное положение» и государственная безопасность была объявлена высшим приоритетом в государственной политике.

В то время как Пак установил систему юсин, переговоры между Севером и Югом продолжались, пусть и без особых успехов, но были приостановлены Севером 28 августа 1973 года после похищения в Японии Ким Дэджуна, который возглавил движение против системы юсин.

Цели Южной Кореи во внешней политике в 1970-х годах были сосредоточены на обеспечении надежной безопасности, быстрого экономического прогресса и достижении дипломатического превосходства над Северной Кореей. Военное правительство президента Пак Чонхи объявило углубление союзнических отношений с США на основе договора о взаимной обороне приоритетом своей внешней политики.

После нормализации дипломатических отношений с Японией Сеул заявил, что основными принципами, которые он намерен придерживаться в отношении Токио, будут следующие: равенство и добрососедство, взаимопонимание и взаимная выгода, взаимозависимость в поддержании стабильности и процветания.

Правительство Южной Кореи также провозгласило курс на усиление экономической дипломатии с целью расширения экспорта своей продукции и увеличения импорта передовых технологий. С этой целью было решено активизировать заключение торгово-экономических соглашений с несколькими государствами, расширить сеть торговых представительств за рубежом.

Для укрепления связей со странами Движения неприсоединения южнокорейская сторона активизировала контакты с этими странами. Только в 1974 году делегации Республики Корея на различных уровнях посетили около 50 стран Африки, Ближнего Востока и Ближнего Востока, подписав торговые соглашения с некоторыми из них.

Среди внешнеполитических интересов правительства Пак Чонхи в 1970-х годах стали появляться попытки установить контакты с «враждебными» социалистическими странами (Сеул включал КНДР, Кубу, Вьетнам в число «враждебных» социалистических стран). Правительство Республики Корея стремилось установить связи с СССР и другими социалистическими государствами через международные организации, участвовать в форумах, проводимых в социалистических странах, и приглашать представителей социалистических государств на подобные мероприятия, организуемые в Южной Корее.

В 1970-х годах КНДР и РК вели жесткую дипломатическую борьбу на международной арене, стремясь поддержать свои программы объединения, обозначив дипломатическое превосходство между собой. Республика Корея получила большее преимущество в этой борьбе благодаря укреплению экономического потенциала. Южнокорейское «экономическое чудо» укрепило позиции Южной Кореи в мире, продемонстрировало превосходство рыночной экономики над системой административного управления, созданной в КНДР.

Противостояние между Северной Кореей и Южной Кореей, которое усилилось после образования двух независимых государств на Корейском полуострове в 1948 году, как было сказана ранее, переросло в кровавую трехлетнюю войну (1950-1953). После корейского конфликта Пхеньян и Сеул неоднократно вносили предложения и целые программы по объединению Кореи. Северная Корея была особенно ревностна по этому поводу. С 1945 по 1964 год она представила более 200 различных типов инициатив для решения корейской проблемы.

Откровенно говоря, предложения и Севера, и Юга были далеки от межкорейских реалий и имели в основном пропагандистскую цель. Власти двух Корей были обеспокоены не реальными шагами по налаживанию межкорейского диалога, а поддержкой «атмосферы» объединения в двух обществах, подчеркивая «заботу об устремлениях нации» и в то же время критикуя позицию другой стороны, обвиняя ее в том, что она не слушает просьбу корейского народа жить в одной стране. Особенно мощное пропагандистское обвинение содержалось в предложениях Северной Кореи, которые, как обычно, были выставлены на Юге еще одной попыткой Севера «коммунизировать» в Южную Корею и, конечно же, были отклонены Сеулом. Ким Ченир, который стал главой КНДР после смерти Ким Ирсена в 1994 году, дал очень точное и довольно откровенное описание таких предложений с севера и юга: «В их подходах к воссоединению», он подчеркнул, что «две Кореи допустили ошибки, и правительства обеих стран несут ответственность за задержку воссоединения. Они использовали идею воссоединения для поддержания своих систем управления».

Первые неофициальные контакты между Кореями произошли в 1961 году, когда по инициативе Южной Кореи сотрудники разведки Севера и Юга провели несколько закрытых встреч на территории КНДР. Представители Сеула предложили обсудить довольно серьезную сферу: создание военного и гражданского представительства стран в Сеуле и Пхеньяне, установление торговых отношений, обеспечение свободного передвижения людей через 38-ю параллель и обмен почтой между Югом и Севером. Северокорейская сторона не согласилась

обсуждать такие серьезные вопросы на уровне сотрудников разведки и предложила начать переговоры на правительственном уровне. Это предложение было отклонено южнокорейцами. Контакты тогда закончились полностью, без практических результатов.

Следующим, уже открытым заседанием, стали переговоры в Гонконге и Лозанне в 1963 году. Представители олимпийских комитетов Республики Корея и КНДР обсуждали создание единой корейской команды для участия в Играх в Токио. Эти переговоры также провалились.

Первые контакты между Кореями показали, что политические элиты стран не готовы и даже не хотят заключать символические соглашения. Фактически это были встречи, в ходе которых Пхеньян и Сеул пытались проверить друг друга. И вообще Север в этот период объявил курс на принудительную ликвидацию южнокорейского режима и реализацию так называемой революция в Республике Корея. В январе 1968 года была предпринята попытка покушения на президента Пак Чонхи, когда специально обученные северокорейские коммандос пересекли 38-ю параллель и намеревались штурмовать президентский дворец в Сеуле, но были уничтожены южнокорейскими войсками.

В конце шестидесятых - начале семидесятых. позитивные элементы начинают появляться в международных отношениях, мир вступает в период разрядки. Политика США в Азии также меняется. Правительство президента Никсона объявляет курс на уменьшение военного присутствия США, в том числе в Южной Корее. В 1971 году Пентагон вывел 20 000 солдат с юга.

В обеих Кореях они не могли не отреагировать на эти изменения. Начинаются новые контакты между Севером и Югом, изначально конфиденциальные. Кроме того, контакты осуществляются в двух направлениях: гуманитарном и политическом. Делегации обществ Красного Креста КНДР и РК интенсивно проводят встречи в течение года (проведено почти 40 встреч) и согласовывают повестку дня переговоров по поиску членов семьи и разлученных родственников, организации встречи, переписке и т. д. Политические контакты привели к подписанию межправительственного соглашения – «Совместной декларации Севера и Юга» от 4 июля 1972 года. Важность этого документа заключается в том, что впервые после раскола обе корейские стороны договорились о принципах объединения Кореи, которое было предложено достичь автономно, без внешнего вмешательства, мирно и на основе «великой национальной консолидации». Понятно, что документ зафиксировал только намерения Пхеньяна и Сеула и имел значительный компромиссный отпечаток.

Координационный комитет Север-Юг и другие совместные органы, которые затем были созданы на основе двусторонних соглашений, не стали и не могли стать инфраструктурой, которая будет способствовать межкорейским отношениям и гарантировать переход от конфронтации к конструктивному диалогу. Однако важность Совместной декларации следует еще раз подчеркнуть, как первую попытку доминирующих элит КНДР и Республики Корея в условиях международной удаленности предпринять шаги для ослабления напряженности на полуострове и создания структур для диалога. Естественно, что Пхеньян и Сеул, стремясь к диалогу, преследовали свои политические цели. Северокорейский режим нуждался в перемирии в острой конфронтации с Южной Кореей, а южнокорейский военный режим стремился, используя диалог с севером, стабилизировать внутреннюю ситуацию в стране, снизить интенсивность антиправительственных протестов и подавить растущую оппозицию. Следует признать, что правительству Пак Чонхи удалось на некоторое время успокоить

недовольных, и это было сделано недемократическими методами (парламент был распущен, была принята новая Конституция, которая еще больше укрепила президентские полномочия и применение репрессивных мер против противников режима было расширено). Все это в последствии получило название «Октябрьское возрождение 1972 года».

После подписания 4 июля 1972 года совместного заявления Севера и Юга Президент Республики Корея Пак Чонхи в середине 1973 года выступил с рядом инициатив, которые, по его мнению, будут способствовать военному и политическому спокойствию на Корейском полуострове. В частности, он предложил заключить пакт о ненападении Юг-Север, одновременное вступление двух корейских государств в ООН и установление прямых торгово-экономических связей между Республикой Корея и КНДР. Пхеньян не отреагировал на эти южнокорейские инициативы и со своей стороны и в июне 1973 года представил программу объединения Кореи, которая предусматривала ликвидацию конфронтации между КНДР и Республикой Корея, установление сотрудничества и обмена, созыв Всекорейского национального собрания, создание Конфедерации Севера и Юга и ее вступление в ООН. Эта программа была проигнорирована в Сеуле, полагая, что она явно имела пропагандистскую миссию.

В октябре 1977 года Пак Чонхи выступил с новой инициативой по объединению Кореи, которая включала три пункта:

1. Установление мира на Корейском полуострове на основе заключения договора о ненападении.

2. Установление торгово-экономических связей между двумя корейскими сторонами.

3. Проведение выборов на юге и севере.

Эти идеи, в свою очередь, не нашли поддержки в Пхеньяне. Северная Корея продолжала настаивать на принципах воссоединения, закрепленных в совместном документе от 4 июля 1972 года.

Администрация Пак Чонхи искала решение корейского вопроса на примере урегулирования отношений между двумя немецкими государствами, то есть на основе признания существования двух независимых корейских государств на полуострове.

Северокорейская сторона решительно выступала против этой формулы. «Корейский вопрос, - сказал Ким Ирсен, - принципиально отличается по природе от немецкого, как с точки зрения истории, так и в свете нынешней ситуации. В прошлом Германия была метрополией, а Корея - колониальной страной. Германия совершила агрессию против других стран и была разделена после поражения в войне, а наша страна разделена из-за империалистической оккупации половины территории».

В январе 1979 года последовала новая северокорейская инициатива по объединению Кореи. На совместном заседании партий и общественных организаций КНДР, являющихся членами Объединенного национально-демократического фронта, было сделано заявление в адрес южнокорейских властей и общественности, в котором предлагался ряд мер по направлению единения Кореи.

Во-первых, Север и Юг должны официально подтвердить свою приверженность принципам Совместной декларации от 4 июля 1972 года. Во-вторых, обе корейские стороны должны прекратить пропагандистские нападения друг на друга. В-третьих, Пхеньян и Сеул ликвидируют военную деятельнсть, угрожающую обеим сторонам. В-четвертых, всекорейская

конференция созывается с участием представителей общественно-политических сил Севера и Юга, а также властей обеих Корей для обсуждения вопросов межкорейского сотрудничества и обмена.

Эта инициатива из Пхеньяна не встретила понимания и поддержки правительства Пак Чонхи, которое в тот момент сталкнулось с внутриполитическими трудностями. Оппозиционное давление на режим усилилось, народ требовал демократических преобразований в Южной Корее.

Диалог между Кореями в 70-х годах не привел к реальной разрядке на полуострове. Глубокое недоверие и давняя конфронтация между Югом и Севером были главными причинами отсутствия прогресса во время диалога. Но сам факт начала контактов между Южной и Северной Кореей, провозглашение общих принципов объединения страны следует считать позитивным явлением в отношениях двух корейских режимов. «Пришло время при -

содействие передаче технологий и инвестиций бизнесу;

- Закон РК «О контроле качества и управлении безопасностью промышленной продукции»: содержит информацию о стандартах безопасности продукции (Quality Control and Safety Management to Industrial Products Act).

В Республике Корея уделяется большое внимание безбумажной торговле, она рассматривается как один из ключевых факторов, способствующих конкурентоспособности экспорта Республики Корея. Проводимая работа уже привела к формированию лучшего в мире торгового сообщества, которое охватывает более 48 тысяч торговых компаний, банков, страховых компаний, таможенных брокеров, грузоотправителей, авиакомпаний, таможенных складов, а также связанных с торговлей государственных организаций. Ежегодно безбумажная торговля приносит экономические выгоды в размере 6 трлн. вон (5,13 млрд. долл. США). В электронный вид переведено 615 видов различных B2B и B2G торговых документов и ежегодно в электронном

Пак Чонхи и его дочь Пак Кынхе (будущий президент Республики Корея) провожают президента США Джимми Картера и его супругу Розалин после визита в Сеул в июле 1979 года. Пак Кынхе часто сопровождала отца на официальных встречах после убийства матери в 1974 году.

виде обрабатывается порядке 350 млн. документов.

Данная сфера регулируется Законом РК «О содействии электронной торговле» (Electronic Trade Facilitation Act).

- определение ключевых регионов для развития нано-конвергенции;

- развитие НИОКР в нано-сфере, в нано-производстве для создания совершенно новых отраслей промышленности;

- возглавить присутствие на мировых рынках;

- создание и поддержка предприятий, специализирующихся на нано-технологиях, способных выйти на мировой рынок;

- расширение глобального сотрудничества на рынках и соблюдение международных стандартов;

- разработка нано-технологических устройств для ежедневного использования;

- проверка безопасности продукции, расширение общественного использования.

В 2016 году Правительство РК продолжило применять принятую годом ранее систему обязательного указания страны происхождения продукции, чтобы предоставить потребителям достоверную информацию о товарах, импортируемых или экспортируемых в РК посредством Таможенной службы РК. Соответствующие законы и подзаконные акты устанавливают основные правила и методы маркировки продукции с указанием страны происхождения, правила определения страны происхождения и т.д., а также определяют права и обязанности компетентных органов.

В РК отсутствует единый специализированный закон, регулирующий правила определения и указания страны происхождения. В случае необходимости, изменения вносятся в отдельные законы, определяющие данную сферу правоотношений.

Так, Законом РК «О внешней торговле» 1986г. (Foreign Trade Act) определены товары, подпадающие под требования маркировки, и определены основные принципы.

Публичное уведомление о правилах определения страны происхождения (Public announcements on the Operation of the Country of Origin System), подготовленное Таможенной службой РК, содержит более подробную информацию о процедуре и методах маркировки.

Законом РК «Об указании происхождения сельскохозяйственной и рыбной продукции» (Act on Origin Labeling of Agricultural and Fishery Products) соответственно регулируется вопрос маркировки сельскохозяйственной и рыбной продукции. Ответственным органом является Национальная служба управления качеством сельскохозяйственной продукции (National Agricultural Products Quality Management Service).

Кроме того, данную сферу правоотношений также регулируют следующие нормативно-правовые акты:

- Закон РК «О санитарии продуктов питания»: предписывает указывать страну происхождения риса и говядины в ресторанах (Food Sanitation Act);

- Закон РК «О добросовестном обозначении и рекламе»: запрещает ложное указание страны происхождения (Acton Fair Indication and Advertisement);

- Закон РК «О расследовании случаев недобросовестной международной торговли и введении защитных мер для предотвращения ущерба промышленности», 2001г.: запрещает ложное указание страны происхождения в процессе торговли (Act on the Investigation of Unfair International Trade Practices and Remedy Against Injury to Industry).

- проведении совместных испытаний в сфере робототехники;

- создание открытой отраслевой экосистемы - привлечение инвестиций от компаний-пользователей и ключевых фирм из других отраслей; применение международных стандартов и процессов сертификации; обучение экспертов для малых и средних предприятий;

- построение общенациональной отраслевой сети – расширение сотрудничества в сфере робототехники между различными отраслями и секторами экономики;

- объединение кооперативной системы в отрасли – совершенствование координации между отраслями, министерствами и регионами; переоценка роли местных институтов.

Министерство торговли, промышленности и энергетики РК оказывает поддержку индустриализации биотехнологий для уменьшения нагрузки, оказываемой на отрасль, в связи с высокой степенью риска и долгим периодом участия в таких разработках. Министерство планирует создать биотехнологическую инфраструктуру мирового класса путем создания локальных биотехнологических кластеров и обучения специалистов. Это также поможет отрасли в разработке инновационных бизнес-моделей, необходимых для ускорения роста экономики.

Министерство торговли, промышленности и энергетики РК для повышения конкурентоспособности отрасли оказывает поддержку развитию продукции нано-технологий. Благодаря усилению поддержки совместных исследований и предпринимательской деятельности, Министерство стремится к дальнейшему стимулированию технологических инноваций в промышленных, научных и научно-исследовательских секторах и способствованию индустриализации нано-технологий.

Министерство торговли, промышленности и энергетики РК заявило о постановке цели для Республики Корея - стать к 2018 году одним из 7 сильнейших игроков в сфере биотехнологий.

Для достижения этой цели предполагается реализация следующих шагов:

- путем проведения индустриализации добиться существенных результатов в кратчайшие сроки;

- разработка ключевых технологий, которые обеспечат выход на мировой рынок в ближайшем будущем;

- ускорение процесса индустриализации;

- расширение присутствия на зарубежных рынках;

- создание новых рынков посредством био-конвергенции;

- создание основы для развития отрасли биотехнологий;

- расширение соответствующей инфраструктуры;

- активизировать отраслевую экосистему.

Министерство торговли, промышленности и энергетики РК также озвучило планы по становлению Республики Корея лучшей в мире индустриальной державой с опорой на сильную конкурентоспособную сферу нано-технологий. Для достижения этой цели Министерством разработан следующий план:

- стимулирование инноваций и конвергенции;

- расширение нано-конвергенции, научных исследований и развития бизнеса, и их сближение с другими отраслями;

диалога в условиях конфронтации» - как говорили политики и эксперты того периода.

Межкорейские отношения в середине 70-х - начале 80-х годов XX века ознаменовались целым рядом крупных инцидентов, которые не раз ставили ситуацию на полуострове на грань войны. Усилились вооруженные столкновения в демилитаризованной зоне. В 1974 году в Сеуле была предпринята попытка убить президента Пак Чонхи - жена президента погибла. Власти Южной Кореи обвинили режим Пхеньяна в этой акции. В 1976 году в зоне совместной охраны демилитаризованной зоны произошел серьезный инцидент, когда северокорейские военные убили двух американцев. Соединенные Штаты были готовы к «ответным действиям», и только личные извинения Ким Ирсена привели к разрешению конфликта. К концу 1970-х гг. диалог между Севером и Югом прекратился.

Министерство торговли, промышленности и энергетики РК разрабатывает план действий на каждый год и уделяет большое внимание местным проектам, связанных с развитием. Также разрабатывается план развития местной промышленности, годовой бюджет в качестве правовой основы для проектов местного развития. В целях развития отрасли интеллектуальных роботов Министерство торговли, промышленности и энергетики РК утвердило Второй базовый план развития интеллектуальных роботов (на период 2014-2018гг.). Данным планом предусмотрено возобновление работы над ключевыми научными разработками, программами обучения специалистов по следующим направлениям:

1) международное признание качества корейской робототехники и международная стандартизация отечественных технологий;

2) расширение сфер применения данной отрасти за счет применения технологий и продуктов в других секторах производства и обслуживания;

3) внедрение клиентоориентированной «открытой и конкурентоспособной» системы для удовлетворения различных потребностей общества и для выхода на международные рынки.

В отрасли научных исследований предусмотрено укрепление НИОКР путем «отбора и концентрации». В рамках реализации данного плана предусмотрено:

- реализация новаторских проектов НИОКР - разработка масштабных проектов НИОКР для высокотоксичных перспективных сегментов промышленности, таких как роботы для аварийного восстановления и создания здоровых городов; строительство площадок для проведения крупномасштабных испытаний и укрепление сотрудничества между ответственными министерствами;

- отражение потребностей общества – переработка всего процесса проведения НИОКР для максимального учета потребностей конечных пользователей (планирование → отбора проектов и реализация → оценка);

- повышение качества НИОКР для программного обеспечения и эксплуатации – приоритет делается на НИОКР для программного обеспечения и эксплуатации роботов, что в настоящее время является слабым местом;

- расширение спроса в экономике – расширение сферы применения робототехники в производственных и сервисных отраслях; создание специализированного проекта по поставке продукции для отрасли робототехники, что, как ожидается, позволит сгенерировать большой спрос на рынке в течение пяти лет; расширение международного сотрудничества

Межкорейские отношения в середине 70-х - начале 80-х годов XX века ознаменовались целым рядом крупных инцидентов, которые не раз ставили ситуацию на полуострове на

грань войны. Усилились вооруженные столкновения в демилитаризованной зоне. В 1974 году в Сеуле была предпринята попытка убить президента Пак Чонхи - жена президента погибла. Власти Южной Кореи обвинили режим Пхеньяна в этой акции. В 1976 году в зоне совместной охраны демилитаризованной зоны произошел серьезный инцидент, когда северокорейские военные убили двух американцев. Соединенные Штаты были готовы к «ответным действиям», и только личные извинения Ким Ирсена привели к разрешению конфликта. К концу 1970-х гг. диалог между Севером и Югом прекратился.

Необоснованные чрезмерные вложения в химическую отрасль, которой Пак Чонхи, неверно истолковав динамику конъюнктуры мирового рынка, отдал приоритет, еще более усугубили экономический застой, вызвав банкротства, рост безработицы и гиперинфляцию. Кроме того, возник серьезный конфликт между режимом Пака и администрацией президента США Картера (у власти в 1976–1980 годах) по вопросам прав человека в Южной Корее и вывода американских войск из Кореи. Недовольство американцев вызвала и независимая военная политика Пак Чонхи, его экспорт оружия и попытки создать атомное оружие. Убийство Пак Чонхи 26 октября 1979 года было результатом всех вышеназванных факторов.

В Южной Корее внутриполитическая ситуация резко изменилась после убийства президента. Период неопределенности и хаоса начался в Республике Корея, кульминацией которого стали новые военные потрясения и приход к власти генерала Чон Духвана. В КНДР внимательно следили за событиями на Юге, осуждая репрессивные действия военных властей против населения и оппозиционных сил.

После убийства Пак Чонхи состоялось заседание Государственного совета, во время которого во всей стране было объявлено военное положение (кроме Чеджудо) и премьер-министра Чхве Гюха (1919-2006 г.) - который был профессиональным дипломатом и министром иностранных дел в 1967-1971 гг., а премьер-министром с 1975 года - назначили исполняющим обязанности президента. В этих условиях вокруг генерал-майора Чон Духвана, начала формироваться «группа новых военных» (син куибу). Эта группа, атаковала штаб Чон Сынхва, возглавлявшего Штаб чрезвычайного положения, по обвинению в связях с убийцей президента Пак Чонхи и арестовала его ночью 12 декабря 1979 г.

Соединенные Штаты выразили недовольство государственным переворотом 12 декабря 1979 года, но американские СМИ указали на ограниченный выбор среди потенциальных кандидатов в президенты, среди которых были «три Кима» - Ким Дэджун, Ким Ёнсам и Ким Джонпхиль. Военный командующий США в Корее Джон А. Викхэм выступил с заявлением в поддержку захвата власти Чон Духваном, в котором он сравнил корейский народ с «полевыми мышами, которые готовы подчиняться любому лидеру» и утверждал, что «демократия не устраивает корейцев». На пресс-конференции 9 августа 1980 года Чон Духван сказал американским журналистам, что Корея должна контролироваться военными и предложил перспективу установления нового военного режима - во главе с ним.

Американская администрация новоизбранного Р. Рейгана выразила свою поддержку Чон Духвану: он стал первым иностранным лидером, которого Рейган пригласил в Белый дом (3 февраля 1981 г.). Американский президент пообещал, что США не пойдут на двусторонние переговоры с КНДР и не выведут свои войска с юга.

Время правления Чон Духвана ознаменовалось значительным подъемом

антиамериканских настроений. Так как США поддерживали создание режима Чона, а также поскольку преобладало мнение, что уничтожившие восстание в Кванджу в 1980 г. военные подразделения не могли быть мобилизованы без подачи Соединенных Штатов, антиамериканское движение, невообразимое ранее, теперь открыто развернулось. 18 марта 1982 г. религиозным пусанским студентом Мун Бусиком был подготовлен поджог Американского культурного центра в Пусане; 22 сентября 1983 г. в Тэгу прогремел взрыв в Американском культурном центре. 21 и 23 мая 1985 г. студенты захватили американские культурные центры в Сеуле и Пусане, за что часть из них была арестована.

Значимое воздействие на элиту оказала специальная резолюция Сената США с осуждением попыток дальнейшей консервации политического строя в РК и призывом отменить решение Чон Духвана от 13 апреля 1987 г. о переносе сроков введения поправок в конституцию на время после проведения Сеульской олимпиады принятая в мае 1987 г. Фактически это говорило о том, что Вашингтон делает политическую ставку не на армейскую элиту, а оппозиционную демократию. 19 июня 1987 г. Джеймс Лилли - посол США в Республике Корея, передал Чон Духвану специальное сообщение президента США Р. Рейгана, в котором содержался настоятельный призыв освободить всех политзаключенных, проявить сдержанность в отношении мирных демонстрантов, возобновить диалог с демократической оппозицией, отменить ограничения на партийно-политическую деятельность.

Чон Духван и премьер-министр Японии Ясухиро Накасоне. Сеул 1983 год. Поездка в Южную Корею стала первым зарубежным визитом японского премьер-министра.

Правящая военная хунта была в некотором роде «между молотом и наковальней»: не только новые средние слои и широкие слои промышленных рабочих и служащих, но и большая часть чеболей требовали возвращения к нормальному гражданскому правлению. В то же время значительная часть офицерского корпуса и государственной бюрократии были против перемен, опасаясь спонтанной потери их привилегий.

В этой ситуации 25 июня 1987 г. специальный посланник Г.Сигур прибыл в Сеул с особо важными полномочиями Государственного департамента США. Он провел переговоры с Чон Духваном, министром иностранных дел Чхве Гвансу, руководителем Партии демократии и справедливости (ПДС) Ро Дэу и другими ведущими политиками. Запросы Вашингтона о соглашении с демократической оппозицией казались своего рода ультиматумом для своего «второстепенного партнера». И Чон Духвану пришлось сдаться. Через несколько дней (29 июня 1987 г.) генерал Ро Дэу от имени правящей ПДС опубликовал знаменитую «Декларацию восьми пунктов», в которой говорилось, что в Республике Корея будет создана новая современная политическая система.

25 февраля 1988 года Ро Дэу пришел к власти, получив 36,6% голосов, полученных на прямых президентских выборах, проведенных в соответствии с декларацией июня 1987 года.

Годы режима Ро были отмечены радикальными изменениями международной обстановки, связанными с распадом социалистического блока. Режим, воспользовавшись вновь открывшимися возможностями, начал в 1988 году осуществлять амбициозную «северную политику» (пукпан чончхэк) и устанавливать отношения со странами социализма. 13 сентября 1988 года были объявлены официальные отношения между Южной Кореей и Венгрией, после чего 1 февраля 1989 года страны обменялись послами. Затем были установлены отношения с Польшей (1 ноября) и с Югославией (28 декабря). 8 декабря было заключено соглашение об обмене консулами с СССР, а 30 сентября 1990 года - ровно через 86 лет после аннулирования договора о дружбе и торговле между Кореей и Российской империей в 1904 году - установлены официальные отношения с Советским Союзом.

Хотя для установления дипломатических отношений со всеми социалистическими странами существовали определенные стратегические причины, в случае с СССР они особенно важны. Испытывая серьезные экономические трудности, Советский Союз надеялся на экономическое сотрудничество с Южной Кореей, в то время как последняя стремилась изолировать КНДР путем установления отношений с СССР, союзником северного режима. Перед установлением дипломатических отношений в Москве было проведено первое межправительственное совещание по экономическому сотрудничеству, на котором был предложен пакет экономического сотрудничества в качестве условия для нормализации, включая предоставление южнокорейского кредита от 2 до 3 миллиардов долларов в СССР.

Позитивные изменения происходят и в отношениях между Южной Кореей и Китаем, которые после установления дипломатических отношений между Республикой Корея и СССР были самым важным союзником Пхеньяна. Китайцы начали с заявлений о том, что «мы надеемся на мир и безопасность на Корейском полуострове и неформальные обмены с Южной Кореей», «отношения между Южной Кореей и Китаем будут ограничены торговыми отношениями», демонстрируя их последовательность в соблюдении принципа различия между политикой и экономикой. Однако во время Азиатских игр в Пекине в октябре 1990 года Южная Корея участвовала в рекламном проекте стоимостью 9 миллионов долларов и передала в Пекин более 400 автомобилей для использования. Это привело к переговорам о создании торговых представительств, а затем к установлению полных дипломатических отношений в августе 1992 года.

Эмблема летних Олимпийских игр 1988. Благодаря Олимпиаде Южная Корея заработала $355 млн. и что еще важнее открыла миру новую Корею – демократичную и экономически сильную страну региона.

Режим Ро Дэу, с одной стороны, успешно реализовал свою «северную политику», установив дипломатические отношения со странами Восточной Европы, СССР и Китаем, а с другой стороны стремился сделать Южную Корею полноправным членом Организации Объединенных Наций, которая до 1991 года имела лишь статус только наблюдателя. В результате этой политики 18 сентября 1991 года в Организации Объединенных Наций были приняты две Кореи в качестве отдельных суверенных государств. 17 октября 1990 года Ро заявил, что его «северная политика» в отношении Северной Кореи была направлена на то, чтобы побудить режим Ким Ирсена «раскрыться», и была частью политики воссоединения. На практике это была политика изоляции северокорейского режима. Что касается вопроса о приеме в Организацию Объединенных Наций, то режим Ро отверг мнение Северной Кореи о том, что две Кореи должны иметь общее место в этой организации, и начал кампанию за прием в ООН только Южной Кореи. Результатом компромисса стал одновременный прием двух Корей.

Годы правления Ро Дэу были временем стремительного выхода Южной Кореи на международную арену. Этому способствовала не только Олимпиада в Сеуле, но и успех «Северной дипломатии» динамичного Президента Республики Корея. И в 1970-х, и 1980-х годах Республика Корея время от времени пыталась строить «мосты» с СССР и другими социалистическими странами, когда Сеул снял торговые ограничения для коммунистических государств. Например, в 1974 году библиотека Национального Собрания Республики Корея согласилась обмениваться печатными изданиями с Государственной библиотекой им. Ленина, а в сентябре 1978 года министр здравоохранения Республики Корея Син Хенхван принял участие в конференции Всемирной ассоциации здравоохранения (ВОЗ) в Алматы и впервые встретился с видными представителями местной корейской диаспоры.

Переломным моментом в отношениях Южной Кореи и СССР должен был стать 1983 год, когда в Сеуле состоялась очередное собрание Межпарламентского союза. Во время этой конференции южнокорейцы планировали провести специальную встречу с советскими парламентариями, чтобы тщательно изучить вопрос о возведении политических мостов между Сеулом и Москвой. Трагический инцидент с южнокорейским пассажирским самолетом, который оказался в зоне стратегической обороны СССР и был сбит советскими системами ПВО, помешал этой важной встрече.

В дальнейшем отношения Сеула с Москвой были восстановлены только в контексте подготовки к Сеульской олимпиаде 1988 года. Представители Национального олимпийского комитета СССР, а также ведущие российские ученые-международники (директора Инстиута

Дальнего Востока Академии Наук СССР членкора Академии Наук СССР М. Л. Титаренко, директора ИМЭМО Академии Наук СССР членкора Академии Наук СССР В. А. Мартынова, первого заместителя директора Института востоковедения членкора Академии Наук СССР Г.Ф.Кима и другие). Они были приняты на самом высоком уровне. Г.Ф. Ким провел конференцию по советско-корейским отношениям для широкой аудитории южнокорейских политологов и был принят президентом Ро Дэу в Голубом дворце. Южнокорейская сторона последовательно доказывала потенциальные взаимовыгодные отношения между двумя странами.

Однако на пути установления межгосударственных отношений между Республикой Корея и СССР существовало серьезное препятствие - советско-северокорейский договор 1961 года. И, видимо, Сеул это понял и принял в принцип постепенного и многошагового продвижения к цели с упором на торговое сотрудничество. Именно в этом ключе принимаются решения об открытии представительства Корейской корпорации содействия торговле (KOTRA) в Москве и представительства Торгово-промышленной палаты СССР в Сеуле. Впоследствии в торговых представительствах двух стран были открыты консульские службы. Все это дало новый импульс торгово-экономическим отношениям между Южной Кореей и СССР (но в основном через третьи страны). Если в 1958 году общий оборот южнокорейско-советской торговли составлял 58,4 миллиона долларов, то в 1988 году он увеличился до 204,4 миллиона долларов, а в 1989 году - до 599,4 миллиона долларов.

Реализация «Северной политики» потребовала серьезных дипломатических усилий. Администрация Ро Дэу тесно привлекала к ней лидеров демократических оппозиционных партий Ким Ёнсама и Ким Дэчжуна. Ким Ёнсам впервые посетил СССР в июне 1989 года по приглашению дирекции ИМЭМО Академии наук СССР. В совместном заявлении дирекции Института экономики мира и международных отношений Академии наук СССР и руководства Демократической партии воссоединения говорится, что обе стороны искренне поддерживают мирные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе «нормализацию ситуации на Корейском полуострове, а также дальнейшее развитие диалога между Северной и Южной Кореей с целью осуществления заветной мечты корейского народа о мирном объединении».

В марте 1990 года Ким Ёнсам, выступавший уже в качестве лидера Либерально-демократической партии, снова посетил Москву, где он имел недолгую аудиенцию у М. Горбачева, а также побеседовал с другими представителями партийно-государственного руководства СССР (Е.М. Примаков, А.Н. Яковлев, А.С. Дзасохов и др.). В ходе этих бесед обсуждался вопрос о перспективах установления дипломатических отношений между двумя странами. В свою очередь Ким Ёнсам выразил пожелание, чтобы в ближайшее время состоялся саммит президентов Ро Дэу и М. С. Горбачева.

Неформальную дипломатическую линию по «наведению мостов» между Москвой и Сеулом продолжил Ким Дэчжун - лидер Партии мира и демократии, который в июне 1990 г. прибыл в Москву по приглашению Института США и Канады Академии Наук СССР и ректората МГУ им. Ломоносова. Лидера демократической оппозиции в Кремле принял А. С. Дзасохов - Председатель комитета по международным делам Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС. Во время длительной и детальной беседы Ким Дэчжун говорил

о значительных переменах на Корейском полуострове, о большом стремлении корейцев к воссоединению на мирной основе, важности скорейшего установления официальных дипломатических отношений между двумя странами. Кроме того, Ким Дэчжун преподнес в подарок А. С. Дзасохову свой уникальный труд «Драмы и надежды южнокорейской демократии», который вскоре был переиздан на русском языке в Москве.

В середине 1990 года Республика Корея и СССР предприняли важные приготовления к установлению официальных дипломатических отношений. 4 июня 1990 г. президенты Роу Дэу и М.С. Горбачев обменялись мнениями по данному вопросу в Сан-Франциско и договорились о поэтапной и размеренной нормализации отношений. Руководители министерств иностранных дел Республики Корея и СССР решили установить такие отношения с 1 января 1991 года, но было решено перенести эту дату на 30 сентября 1990 года. В конце октября Первый посол Южной Кореи Кон Ромен прибыл в Москву и сразу же начал готовиться к официальному визиту президента Ро Дэу в СССР.

Визит презинета Ро Дэу в Москву – декабрь 1990 года.

Первый визит главы государства в СССР в истории Республики Корея в декабре 1990 года завершился провозглашением Декларации об общих принципах отношений между двумя странами, подписанной М.С. Горбачевым и Ро Дэу. В сжатом документе впервые зафиксированы совместные позиции двух государств, которые годами находились в состоянии острого противоречия. Южная Корея и СССР высказались за преодоление конфронтационного наследия «холодной войны», за их приверженность созданию «нового, более справедливого, гуманного, мирного и демократического международного порядка», а также за признание для всех народов «свободы выбора своего пути политического и социально-экономического развития». Главы двух государств, открывая новую страницу в двусторонних отношениях, заявили о необходимости всесторонней консолидации усилий мирового сообщества по первичному решению глобальных проблем, ослаблению гонки вооружений, особенно ядерных, преодолению бедности, голода, неграмотности, несправедливого разрыва в уровне развития разных стран и народов, построения справедливого и безопасного мира.

Декларация об общих принципах взаимоотношений существенно ускорила дальнейшее подлинное сближение между Сеулом и Москвой и стала основой для подписания Договора об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея 19 ноября 1992 года (т.е. после распада СССР) когда президент РФ Б. Н. Ельцин прибыл с официальным

визитом в Сеул. В соответствии с этим соглашением, которое было заключено сроком на 10 лет с последующим автоматическим продлением, Республика Корея и Российская Федерация договорились о создании регулярного механизма политических консультаций между главами государств, министрами иностранных дел и другими должностными лицами двух правительств. Статьи 4 и 5 Договора предусматривают широкие контакты между гражданами и общественными организациями, парламентами и региональными властями в обеих странах. Договаривающиеся стороны признали необходимость широкого сотрудничества не только в различных экономических областях, но также в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, использования совместных исследований и в области культуры. Ро Дэу и Б.Н. Ельцин сошлись во мнении, что иммигранты из России в Корее и наоборот иммигранты из Кореи в России имеют широкое право «пользоваться достижениями своей культуры, исповедовать свою религию и исповедовать свои религиозные обряды, а также использовать родной язык». В договоре конкретно указывалось, что он не был направлен против «третьих сторон», в данном случае против КНДР, которые выступали чрезвычайно резко (вплоть до угрозы разрыва дипломатических отношений с РФ) против официальной нормализации южнокорейско-российских отношений.

Сближение с Российской Федерацией, а затем и с КНР (в августе 1992 г.) было лишь неотъемлемой частью дипломатического успеха Ро Дэу на евразийском направлении. Переосмысливая самые одиозные аспекты бывшей антикоммунистической риторики, Южная Корея установила в 1989-1990 годах. официальные отношения с большинством стран Восточной Европы: Венгрия - февраль 1989 г., Польша и Югославия - ноябрь 1989 г., Чехословакия, Болгария и Румыния - март 1990 г.

Подводя итог под «северной политикой» Ро Дэу, есть все основания обозначить следующие узловые моменты.

Во-первых, переход от авторитарной модели власти к демократической модели со всеми ее ограничениями и оговорками высвободил огромные административные ресурсы, в результате чего новое поколение, особенно новые средние классы города и деревни, вышли на передний план политического и экономического развития. При отсутствии или острой нехватке природных ресурсов именно мобилизация интеллектуального фактора становится основным рычагом экономического и социального прогресса. Установив торговые отношения с Россией, Китаем и странами Восточной Европы, Южная Корея, которая начала путь постиндустриального развития, открыла огромные новые рынки с точки зрения способности продавать не только традиционные промышленные товары, но и технологически сложные продукты в обмен на минеральные ресурсы.

Во-вторых, Сеул смог окончательно преодолеть состояние внешней полуизоляции, в которой он был много лет после окончания войны на Корейском полуострове. Без нормализации отношений с двумя постоянными членами Совета Безопасности ООН (Российской Федерацией и КНР), а также государствами Восточной Европы, Республикой Корея и КНДР не удалось бы занять свое место в ООН. Положительное решение по этому вопросу было принято 17 сентября 1991 года.

Контрольные вопросы и задания:

1. В чем заключалась суть Меморандуму Ким Джонпхиля – Охира?
2. Какие цели преследовала Доктрина Никсона 25 июля 1969 года?
3. Какие инициативы предлагал Пак Чонхи в вопросе объединения Кореи?
4. Почему США поддержали приход к власти Чон Духвана?
5. Каким образом проявлялись антиамериканские настроения в южнокорейском обществе после прихода к власти Чон Духвана?
6. В чем заключалась «северная политика» Ро Дэу?
7. Каким образом началось улучшение отношений Республики Корея и КНР в начале 1990-х?
8. Какова была роль оппозиционных партий в реализации «северной политики» Ро Дэу?
9. Каковы были основные положения Договора об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея 19 ноября 1992 года?
10. В чем заключались результаты «северной политики» Ро Дэу?

12 Внешняя политики Республики Корея в 1990-е

В 1991-1992 годах в Республике Корея сложилась сложная внутриполитическая ситуация. В 1992 году должны были состояться президентские выборы. В условиях демократического транзита и усиленного протестного движения итоги предстоящих выборов вызывали определенные опасения в политической элите. В этот период внешняя политика была сосредоточена на политическом, экономическом и военном взаимодействии с США, отношениях с Северной Кореей, а также с Японией.

На президентских выборах 1992 года Ким Ёнсам получил большинство голосов (42%).

В своей инаугурационной речи Ким Ёнсам провозгласил новый политический курс Синхангук («Новая Корея»). Важной частью концепции Новой Кореи была экономическая реформа, направленная на либерализацию экономики и улучшение ключевых показателей. Эти изменения должны были стать следующими шагами на пути к превращению Республики Корея на позиции ведущего государства как в Азиатско-Тихоокеанском Регионе, так и в мире в целом.

В 1993 г. Южная Корея выступила в роли организатора Всемирной технической выставки «ЭКСПО-93», а уже в 1995 г. стала членом Всемирной торговой организации (World Trade Organisation), что в дальнейшем стало свидетельством повышении роли Республики Корея в мировой экономике. В ноябре 1994 года Ким Ёнсам объявил, что в ближайшие годы страна должна активно участвовать в процессах глобализации.

Важным направлением в международной деятельности Республики Корея было стремление к работе, направленной на создание привлекательного имиджа за рубежом и признание ее как развитого государства. В 1996 году страна вступила в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), став ее 29-м членом. Республика Корея стала второй после Японии страной Восточной Азии, присоединившейся к этой организации. Таким образом, постепенно из страны бенефициара, чья экономика функционирует под защитными тарифными барьерами, Республика Корея стала полноправным членом мирового сообщества с растущим числом обязательств.

Еще одним свидетельством изменения статуса Республики Корея на мировой арене стал статус непостоянного члена в Совете Безопасности ООН с 1996 по 1997 год. Одной из причин, по которой большинство членов ООН проголосовали за Южную Корею, была эскалация конфликта на Корейском полуострове в 1994 году. Считалось, что Республика Корея должна приложить максимум усилий в мирном процессе, особенно на своей собственной территории.

В 1990-е южнокорейско-японские экономические отношения дополняются долгосрочными целями формирования стратегического треугольника: «Вашингтон – Токио – Сеул». С середины 1990-х гг. между РК и Японией развивается сотрудничество по вопросам разработки современных вооружений и его экспорта. Значительно расширяются каналы обмена военно-техническими технологиями. Целям совершенствования отношений между Сеулом и Токио были посвящены визиты в Японию президента Ро Дэу в 1992 г. и президента Ким Ёнсама в 1994 г. В декабре 1996 г. президент Ким Ёнсам и премьер-министр Японии Хасимото после

двусторонней встречи в Маниле во время очередного саммита АТЭС подтвердили совпадение мнений по поводу того, что Республика Корея, Япония и США будут усиливать координацию их политики в отношении Северной Кореи.

В мае 1996 года было объявлено, что Южная Корея и Япония будут принимать чемпионат мира 2002 года. По решению ФИФА церемония открытия должна была состояться на территории Республики Корея, а финальные матчи и окончание соревнований должны были состояться на островах Японии. Чемпионат был официально отмечен как «Чемпионат мира по футболу Корея - Япония», то есть название корейского государства было на первом месте. Этот факт заставил корейцев гордиться тем, что подчеркнул особый статус Кореи. Этот факт также имел большое значение, поскольку в 1996 году отношения между Южной Кореей и Японией начали ухудшаться. По историческим причинам напряженность в отношениях между двумя странами продолжалась после окончания Второй мировой войны. Однако в реалиях холодной войны после заключения стратегического соглашения об основных отношениях между Республикой Корея и Японией в 1965 году отношения между двумя странами нормализовались.

Одним из спорных вопросов, которые мешали переговорному процессу при подписании договора, был вопрос о принадлежности архипелага Токто (в японской версии Такэсима).

В 90-е годы в отношениях между Республикой Корея и США появляются новые тенденции. Во время краха биполярной системы, в эпоху особых ожиданий, южнокорейское общество активно обсуждало возможность сокращения военного присутствия США на юге Корейского полуострова. Действительно, в этот период часть военного контингента США была выведена из страны.

Встреча Ким Ёнсама и президента США Билла Клинтона в Сеуле 1993 год. Справа – Хиллари Клинтон – первая леди и будущий Государственный секретарь США.

В 1995 году в докладе Пентагона о стратегии безопасности в Восточной Азии были описаны основные направления политики США в регионе СВА после окончания холодной войны. В частности, в докладе говорится, что военное присутствие США обеспечивает стабильность в Азии и предотвращает агрессию против американских союзников в регионе. В то же время безопасность сравнивалась с кислородом, поэтому военное присутствие США «снабжало» «Северо-Восточную Азию» кислородом для поддержки роста и развития в регионе. Доклад еще раз продемонстрировал

необходимость американского военного присутствия в Азии, и вывод американских войск из Республики Корея фактически прекратился.

В тот же период отношения между Республикой Корея и Российской Федерацией прошли сложный этап. Внутриполитическая нестабильность в России, смещение вектора внешней политики в европейском направлении и высокие риски в экономике привели к тому, что сотрудничество между двумя странами не соответствовало ожиданиям, которые были возложены на него в начале создания дипломатических отношений. Республика Корея также рассчитывала на то, что Российская Федерация, имеющая давние и прочные связи с КНДР, сможет оказать на нее некоторое политическое влияние или выступить в качестве канала дипломатического общения. Однако дисбаланс во внешней политике Российской Федерации фактически привел к обвалу отношений с КНДР. Первый ядерный кризис 1994 года и процесс его урегулирования произошли фактически без участия России.

Определенные успехи достигнуты были в области военно-технического сотрудничества. В мае 1995 года был разработан и принят документ о принципах военно-технического сотрудничества между военными ведомствами и соглашение о его реализации было достигнуто в 1995–2000 годах. В начале 1995 года российская государственная компания «Росвооружение» подписала ряд контрактов с поставщиками оружия и военной техники из Южной Кореи. В 1996–1997 годах в Республику Корея было доставлено 26 танков и 13 пехотных транспортных средств БМП-3. «Росвертол» и Samsung Electronics подписали контракт на поставку МИ-26 ТС (в качестве образца) - транспортного вертолета пригодного для гражданских и военных нужд.

Осенью 1997 г. в Москве во главе с заместителем министра обороны Ли Чоллином побывала южнокорейская делегация. В ходе визита шло обсуждение возможностей увеличения поставок новейших образцов российской военной техники. К концу 1990-х гг. в рамках программы погашения внешней задолженности СССР по ранее полученным займам в Республику Корея были поставлены боевые машины пехоты БМП-3, БТР, танки Т-80У, боевые вертолеты, противотанковые системы, ракетные комплексы «Игла», «Стрела-10М3», «Метис» для противовоздушной обороны.

В целом, во время президентства Ким Ёнсама была продолжена линия, нацеленная на то, чтобы Республика Корея стала ведущим государством Восточной Азии, а в будущем - на мировом уровне. Вступление в ОЭСР, получение статуса временного члена Совета Безопасности ООН, членство в ВТО - все это несомненные достижения внешней политики Ким Ёнсама. Однако активное участие в процессах глобализации принесло с собой не только преимущества, но и риски. Азиатский кризис 1997 года, который совпал со следующей президентской кампанией, стал новым вызовом для Республики Корея.

В ноябре 1997 года Республика Корея обратилась к Международному валютному фонду с просьбой о предоставлении займа для преодоления финансового кризиса. В обмен на финансовую помощь в размере 57 млрд. долл. США Республика Корея согласилась ускорить финансовую реформу, которая подразумевает серьезную реструктуризацию банковской системы, максимально открыть финансовый рынок для иностранных инвесторов и отменить систему ограничения импорта. «эпоха МВФ» (IMF сидэ) наступила для Республики Корея. Теперь уже новый президент должен был вывести страну из кризиса.

На президентских выборах 1997 года победил лидер оппозиционной партии Гражданское

Встреча Ким Ёнсама и председателя КНР Цзян Цзэминя. Сеул 1993 год.

собрание за новую политику Ким Дэчжун. Для преодоления кризиса при непосредственном участии специалистов МВФ была разработана программа действий, которая включала в себя реструктуризацию корейских финансово-промышленных групп чеболей, приватизацию банковского сектора и в целом либерализацию экономики. Жесткая денежно-кредитная политика, реструктуризация банковской системы и банкротство неэффективных банков привели к росту социальной напряженности в обществе, но в целом меры по преодолению кризиса были достаточно эффективными. Уже в 2000 году в Республике Корея экономический рост составил 9,3%.

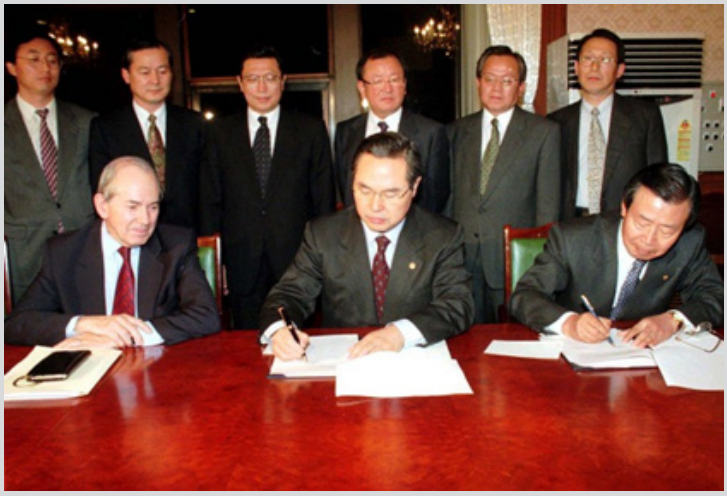
Нормализация отношений с Северной Кореей была еще одним важным направлением деятельности Ким Дэчжуна. Никогда ранее в истории Республики Корея Северная Корея не рассматривалась как партнер. Концепция политики «солнечного тепла» Ким Дэчжуна была в первую очередь направлена на создание механизма доверительного сотрудничества с КНДР. Однако ее реализация, в том числе укрепление экономических, культурных и политических связей с КНДР, была бы невозможна без активной внешней политики, направленной на создание условий, благоприятствующих подобной политике.

Одним из наиболее важных компонентов политики «солнечного отопления» была международная поддержка этой инициативы. На Корейском полуострове скрестились интересы таких субъектов муждународных отношений, как Соединенные Штаты, Китай и Российская Федерация, которые стали преемниками СССР и Японии. В условиях того периода сближение двух Корей было бы невозможно без посредничества этих стран. Соединенные Штаты, являясь главным политическим, экономическим и военным партнером Республики Корея, находились в центре внешнеполитической деятельности Южной Кореи. На протяжении многих лет отношения между двумя странами строились на основе военного союза, который подразумевал существование общей угрозы - КНДР.

Впервые за весь период существования Республики Корея Ким Дэчжун стремился вовлечь Север в сотрудничество, а не в конфронтацию. В конце 1990-х гг. администрация Клинтона также провела очень плавную линию в сторону Пхеньяна, руководствуясь стремлением предотвратить развитие ядерных технологий на севере. Таким образом, совпадение интересов

позволило Республике Корея и США принять более сбалансированную совместную политику с целью нормализации ситуации на Корейском полуострове.

Серьезный прогресс был достигнут в южнокорейско-японских отношениях. В условиях экономического кризиса чрезвычайно важным было сотрудничество со второй мировой экономикой, давним партнером Республики Корея в различных областях. После испытаний северокорейских баллистических ракет в 1998 году Токио ввел санкции против КНДР. Как минимум смягчение этих мер подразумевала «политика солнечного тепла» Ким Дэчжуна.



3 декабря 1997 года – подписание соглашения о предоставлении самого большого кредита в истории Кореи — $57 млрд. и начало Эры МВФ в Республике Корея.

Уже в инаугурационной речи он отметил стремление улучшить отношения с Токио. В конце февраля 1998 года были приняты первые меры: на встрече с представителями корейско-японского парламентского союза он заявил, что Республика Корея больше не намерена требовать материальной компенсации за так называемых «комфортных женщин». Наиболее приемлемой формой решения этой проблемы были названы искренние извинения со стороны японских властей. Таким образом, деликатная проблема, которая долгие годы серьезно осложняла отношения между Кореей и Японией, была практически решена.

В начале апреля 1998 года на встрече с премьер-министром Японии Хасимото Рютаро в Лондоне Ким Дэчжун предложил вернуться к обсуждению соглашений о рыболовстве. К осени 1998 года такие соглашения были заключены, а вопрос о спорных территориях был обойден. Таким образом, проблема спорного архипелага Токто была вновь отложена на долгое время и не решена до сих пор.

Впервые в этом документе были зафиксированы письменные извинения с японской стороны за период японского колониального правления на Корейском полуострове. Премьер-министр Кейдзо Обути выразил глубокое сожаление и принес извинения за период колониального правления, когда Япония причинила корейскому народу много боли и страданий. В свою очередь Ким Дэчжун высоко оценил такую оценку исторических событий и выразил надежду, что Япония и Республика Корея смогут строить конструктивные двусторонние отношения в будущем, не прибегая к прошлым ошибкам.

Чтобы облегчить культурный обмен между двумя странами, Ким Дэчжун пообещал, что ограничения, налагаемые на проникновение японской популярной культуры в южнокорейское общество, будут постепенно сокращаться. В свою очередь, японская сторона пообещала

продлить срок кредита на 3 млрд долларов, предоставленный Экспортно-импортным банком Японии. Весной 1999 года, во время визита Кейзо Обути в Республику Корея, основное внимание было уделено политике «солнечного тепла», которая активно набирала силу. Премьер-министр высоко оценил эти действия и также пообещал пересмотреть санкции, введенные в отношении КНДР после запуска баллистической ракеты в августе 1998 года. В связи с гибкой и вдумчивой политикой Ким Дэчжуна, южнокорейско-японские отношения в конце 1990-х годов. получил новый толчок для последующего развития.

Особого напряжения не возникало в отношениях между Японией и Южной Кореей до начала 2001 года. Это было связано с пересмотром и изменением школьных учебников по истории, предложенных группой японских исследователей во главе с Нисио Кандзи, известным своими националистическими взглядами. Самым большим возмущением стала оценка присоединения Корейского полуострова в 1910 году к Японии, растолкованное как одно из средств стабилизации ситуации в Восточной Азии которое было поддержано США и рядом европейских стран.

Протесты прошли в Сеуле, Пхеньяне, Пекине и Тайбэе. Южнокорейская сторона приостановила некоторые совместные проекты с Токио, в основном в области безопасности. Однако такие события, как чемпионат мира по футболу ФИФА 2002 года в Корее и Японии, многократные встречи на высшем уровне и извинения премьер-министра Дзюнитиро Коидзуми за историческое прошлое помогли нормализовать отношения. В марте 2002 года между двумя странами было подписано соглашение о содействии двусторонним инвестициям, и была обсуждена возможность начала переговоров о создании единой зоны свободной торговли.

Отношения между Южной Кореей и КНР также развиваются позитивно. За пять лет официально установленных дипломатических отношений двусторонняя торговля увеличилась во много раз, достигнув 23,7 млрд. долларов США в 1997 году. Таким образом объем торговли с Китаем постепенно приблизился к объему торговли с Японией, который на тот момент составил 42 миллиарда долларов. Тарифные барьеры для сельскохозяйственной продукции в Южной Корее, стали причиной отрицательного сальдо торгового баланса в торговле Китая с РК. Кроме того, Китай является одним из наиболее перспективных рынков для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Кореи.

В начале корейская массовая культура начала активно распространяться именно в Китае. Однако экономические отношения с Китаем представляли не только особый интерес для Республики Корея. Китай, давний союзник КНДР, единственная страна в мире, которая имеет бессрочное соглашение о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Северной Кореей, сыграла решающую роль в нормализации ситуации на Корейском полуострове в 1990-х годах. Возможности реализации политики «солнечного тепла» во многом зависели от мнения КНР.

Для Китая поддержание статус-кво на Корейском полуострове было самым приемлемым выходом. Мирное сосуществование двух государств и снижение общей напряженности в контексте фактического доминирования Соединенных Штатов в регионе соответствовали стратегическим интересам Китая. Участие в урегулировании первого ядерного кризиса на полуострове привело к улучшению имиджа внешней политики Китая на мировой арене. Таким образом, политика «солнечного тепла», проводимая Ким Дэчжуном, наиболее близко соответствовала интересам Китая.

В ноябре 1998 года Ким Дэчжун совершил официальный визит в Пекин. Во время встречи с Цзян Цзэминем он обсудил широкий спектр вопросов. Ким Дэчжун уделил особое внимание идеям политики «солнечного тепла» и выразил надежду, что в перспективе КНР сыграет важную роль в урегулировании ситуации на Корейском полуострове. В ходе этой встречи южнокорейский президент предложил создать специальный механизм сотрудничества в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии. В рамках него должны были взаимодействовать шесть стран: Южная и Северная Кореи, США, Китай, Российская Федерация и Япония. Фактически это был прототип формата шестисторонних переговоров, который будет использоваться с 2002 года.

По итогам встречи было принято Заявление, в котором стороны договорились о развитии всестороннего сотрудничества в XXI веке. Экономические и культурные связи усилили взаимодействие в сфере безопасности. Стороны договорились о сотрудничестве в различных областях, в том числе по вопросам науки и техники, информации и телекоммуникаций, охраны окружающей среды, атомной энергетики. Большое внимание было уделено глобальным проблемам нашего времени, прежде всего распространению ядерного оружия и терроризму. Таким образом, всего за пять лет «добрососедские отношения» переросли в «всеобъемлющее сотрудничество».

Однако уже в этот период появились некоторые негативные моменты. В 1999–2000 годах между КНР и РК вспыхнула торговая война, названная «чесночной битвой». В ответ на ограничения на ввоз чеснока из Китая китайская сторона ввела запрет на ввоз определенных групп товаров (в основном мобильных телефонов) из Южной Кореи.

Стремление создать наиболее благоприятную основу для проведения политики «солнечного тепла» и нивелирования последствий азиатского финансового кризиса активизировало деятельность Республики Корея в области внешней политики в отношении стран АСЕАН. С конца 1980-х годов в регионе начала расти экономическая взаимозависимость и активизировались интеграционные процессы. За 80-90-е годы XX века значительно увеличилась доля взаимных торговых и инвестиционных связей в Восточной Азии.

Азиатский финансовый кризис ясно продемонстрировал, что консолидация имеет решающее значение для успеха любой деятельности. Создание региональных механизмов, которые могли бы предотвратить будущие валютные интервенции, стало текущей необходимостью.

В ноябре 1998 года на ежегодном саммите лидеров АТЭС в Куала-Лумпуре основное внимание было уделено поиску согласованных подходов для преодоления финансового кризиса и обеспечения общей экономической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском Регионе. В ходе форума Ким Дэчжун высказал идею о том, что Республика Корея может сыграть роль моста, который объединит наименее развитые и развитые страны, так как она находится на переходном этапе. Более того, президент Кореи призвал развитые страны оказать поддержку странам Латинской Америки и Восточной Азии, которые в наибольшей степени пострадали от кризиса.

В декабре 1998 года в Ханое был проведен саммит АСЕАН, на котором премьер-министр Японии Кейдзо Обути, президент Южной Кореи Ким Дэчжун и вице-президент КНР Ху Цзиньтао официально были приглашены. На саммите Ким Дэчжун предложил создать

Восточноазиатскую группу по экономическому сотрудничеству для интенсификации экономических связей между странами АСЕАН, с одной стороны, и Республикой Корея, Японией и Китаем, с другой. Аналогичное предложение было выдвинуто китайским лидером. Так, на саммите 1998 года начались интеграционные процессы между АСЕАН и тремя государствами Северо-Восточной Азии.

В ходе саммита обсуждалась деятельность регионального форума АСЕАН АРФ (региональный форум АСЕАН по безопасности), который де-факто был единственным коммуникативным механизмом на государственном уровне для рассмотрения вопросов безопасности в регионе. Ким Дэчжун порекомендовал пригласить Северную Корею в качестве диалогового партнера. Тем самым южнокорейский президент старался вывести КНДР из международной изолированности, в которой она находилась все 1990-е годы.

Еще одним направлением, на котором было сконцентрировано внимание Ким Дэчжуна, стал Европейский Союз. Это было порождено как финансово-экономическими предпосылками (Европейский Союз — крупный коммерческий и инвестиционный партнер РК, снабжающий более 6 млрд долл. ПИИ), так и военно- политическими. Европейский Союз входил в Управленческий комитет холдинга КЕДО, проектировавшего реакторы на легкой воде для Северной Кореи. Таким образом, ЕС был включен в схему по надзору над ядерным распространением на Корейском полуострове.

В качестве коммуникативной площадки с Европейским Союзом была выбрана межрегиональная организация АСЕМ, созданная в 1996 г. и сплотившая правительства Восточной Азии и Европы. На форуме АСЕМ в Лондоне в апреле 1998 г. Ким Дэчжун прикладывал предельные усердия для того, чтобы нормализовать внешнеэкономический статус своей страны. Здесь же был продемонстрирован пошаговый план, оговорённый с МВФ, по выходу Республики Корея из коллапса. В результате форума Ким Дэчжун провел двусторонние переговоры с премьер-министром Великобритании Тони Блэром и президентом Франции Жаком Шираком, основной задачей которых было познакомить западных деятелей с тонкостями политики «солнечного тепла». На встрече АСЕМ было принято решение о проведении последующего саммита в 2000 г. в Сеуле.

Политика «солнечного тепла», поддержанная лидерами США, КНР, Японии, РФ, а также получившая поддержку на межрегиональном и глобальном уровнях, усиленно приводилась в действие. Специфика этой политики состояла в том, что финансово-экономические взаимосвязи были отделены от политических и внешнеполитические противоречия и конфликты двух сторон не могли навредить финансово-экономическим отношениям. Ни старт баллистической ракеты «Тхэподон – 1», ни инцидент с участием военно-морских кораблей РК и КНДР в Желтом море не воздействовали на экономическое партнерство двух стран.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какую цель во внешней политике преследовала программа «Новая Корея» Ким Ёнсама?
2. Какие события в мировой политике середины 1990-х свидетельствовали о повышении роли Республики Корея в мире?
3. Какую роль во внешней политике Южной Кореи играла Япония в 1990-е гг.?
4. К концу 1990-х отношения между Республикой Корея и Японией стали ухудшаться. Каковы были причины такой динамики?
5. В каких сферах сотрудничали РФ и РК в 1990-е гг.?
6. Какова была роль Республики Корея во внешнеполитической стратегии США в АТР в 1990-хх?
7. В чем была суть политики «солнечного тепла» Ким Дэчжуна?
8. Какова была цель визита Ким Дэчжуна в КНР в ноябре 1998 года?

13 Внешняя политики Республики Корея в XXI веке

В июне 2000 г. состоялось историческое событие, ставшее символическим результатом «солнечной политики» Ким Дэчжуна: в Пхеньяне, состоялся саммит на высшем уровне между руководителями РК и КНДР — президентом Ким Дэчжуном и председателем Государственного комитета обороны Ким Чениром. Встреча между лидерами двух разделенных государств произошла впервые за весь период раскола полуострова. По результатам встречи была принята Совместная резолюция Севера и Юга от 15 июня 2000 г.

READ MORE

Встреча Ким Дэчжуна и Ким Ченира в Пхеньяне 13 июня 2000 года. Межкорейский саммит 2000 года стал первой встречей лидеров РК и КНДР после разделения в 1945 году. Совместная декларация КНДР и РК от 15 июня стала итогом проведения первого межкорейского саммита и послужила точкой отсчета в переходе от конфронтации Севера и Юга в условиях холодной войны к сосуществованию.

Активность Ким Дэчжуна высоко оценило все глобальное сообщество. В 2000 г. его кандидатуру выдвинули на получение Нобелевской премии мира. В числе 150 номинантов также фигурировали российский экс-премьер-министр В. Черномырдин, американский президент Б. Клинтон, бывший президент Финляндии Мартти Ахтисаари. Лауреатом награды стал Ким Дэчжун. Он снискал эту престижную награду за «упорную деятельность в деле единения Северной и Южной Кореи и поддержание демократии и прав человека в Южной Корее и Восточной Азии в целом». Впервые в истории руководитель Республики Корея стал лауреатом Нобелевской премии.

Геополитический курс Ким Дэчжуна, направленный на формирование благоприятных условий для взаимодействия двух Корей, а также преобразования во внутриполитической жизни РФ (избрание президентом В. Путина в 2000 г.) привели к диверсификации российско-южнокорейских взаимоотношений. Москва, нормализовавшая взаимоотношения с Пхеньяном, синхронно старалась сбалансировать и отношения с Сеулом.

В феврале 2001 г. В. Путин с официальным визитом посетил Республику Корея. По итогам этого визита было подписано Совместное заявление, в котором подчёркивалась «готовность и стремление Российской Федерации продолжать поддержку линии на выстраивание межкорейских контактов и плодотворное партнерства между Югом и Севером Кореи». В. Путин

очертил фундаментальные принципы российской политики на Корейском полуострове: невмешательство в межкорейский диалог, мирный дипломатический путь регулирования появляющихся трудностей, безъядерный статус Корейского полуострова. Также В. Путин отметил значимость совместных экономических проектов между РФ, РК и КНДР. Максимальное внимание привлекли проект продления Транссибирской магистрали на юг Корейского полуострова и проект сопряжения Транссиба и Транскорейской железной дороги (ТКЖД). Также обсуждались вопросы энергетики, возможности прокладки нефтегазового трубопровода на юг Корейского полуострова через Китай.

Все же, благоприятные международные обстоятельства, благодаря которым Ким Дэчжун успешно осуществлял свою внешнеполитическую концепцию, продлились недолго. В 2000 году в США президентом был избран представитель республиканцев Джордж Буш-младший. В Конгрессе большинство мест были также заняты республиканцами, что привело к значительным переменам во внешней политике США. Северная Корея теперь позиционировалась как противник, чьи жизненно важные интересы находятся в прямом конфликте с государственными интересами США. В этих условиях дальнейшая реализация старого внешнеполитического курса на Корейском полуострове было фактически нереально.

В то же время Соединенные Штаты все еще были системообразующим военно-политическим партнером Южной Кореи в Восточной Азии. Так, в мае 2002 года, невзирая на конкурентные преимущества французской компании Dassault Aviation, правительство Кореи решило заключить с Boeing контракт на четыре миллиарда долларов. Таким образом, американская компания стала основным поставщиком ВВС Республики Корея, хотя французская компания явно предложила коммерчески более выгодные условия трансфера технологий.

В общем и целом, экономическое сотрудничество между двумя государствами оставалось на высоком уровне. В 2002 году общий объем двусторонней торговли составил почти 56 миллиардов долларов, а баланс в пользу Южной Кореи - почти 10 миллиардов долларов.

Еще одной важной областью партнерства между двумя странами стало участие Республики Корея в антитеррористической коалиции и отправка южнокорейского контингента в Афганистане в 2001 году. В октябре 2001 года Республика Корея подписала Международную конвенцию о пресечение финансирования терроризма. Во время войны в Афганистане Южная Корея предоставила гуманитарную помощь афганским беженцам на сумму 12 миллиардов долларов через такие организации, как ЮНИСЕФ (Детский фонд Организации Объединенных Наций) и продовольственная программа ООН. Еще 45 миллиардов долларов с 2002 по 2004 год Сеулом выделено на реконструкцию и развитие инфраструктуры в Афганистане.

В то же время в военном сотрудничестве между США и Республикой Корея нарастали противоречия, главным образом в сфере создания системы противоракетной обороны в Восточной Азии. После запуска баллистической ракеты КНДР в 1998 году США начали активно развивать эту систему, а Япония стала ее основным партнером. Попытки включить Южную Корею в эту программу закончились неудачей, поскольку южнокорейские политики справедливо опасались, что включение их страны в систему противоракетной обороны может способствовать развитию гонки вооружений в регионе.

Последний год президентства Ким Дэчжуна - 2002 год, был отмечен мировым событием - 17-й чемпионат мира по футболу прошел в Корее и Японии, и стоит отметить, что впервые в своей истории он проходил в Азии, на территории из двух стран одновременно. Чемпионат мира 2002 года стал еще одним важным шагом в укреплении позиций Республики Корея как развитого государства, активного члена мирового сообщества.

В конце 2002 года состоялись очередные президентские выборы в Республике Корея. На президентских выборах 2002 года Но Мухён победил, набрав 48,7% голосов.

Политика «мира и процветания», которую провозгласил в самом начале правления, Но Мухёном была фактически продолжением политики «солнечного тепла» Ким Дэчжуна. Однако она уже проводилась в совершенно иных международных реалиях. Второй ядерный кризис уже набирал обороты на Корейском полуострове.

Новые тенденции в мировых экономических процессах становятся все более очевидными. Азиатский кризис 1997 года стимулировал региональные интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии. Динамичная экономика Китая и растущие внешнеполитические амбиции китайских лидеров привели к быстрому изменению баланса сил в Восточной Азии.

Чемпионат мира 2002 года стал первым турниром, проводившимся в Азии и на территории двух стран. Кроме развития туристической отрасли и продаж электроники, туринир также стал еще одним свидетельством того, что Республика Корея вошла в ряд развитых стран.

В начале своего президентства, Но Мухён активно использовал антиамериканскую риторику. Это было связано как с его личным мнением, так и с национальной тенденцией - волна антиамериканских протестов, которая прошла в Южной Корее в конце 2002 года, сыграла важную роль в победе нового президента на выборах. Однако реальность вскоре стала предельно понятной: Соединенные Штаты, как и прежде, оставались главным военным союзником Республики Корея, а также главным инвестиционным и торговым партнером.

Свой первый официальный визит в Соединенные Штаты президент Южной Кореи совершил в мае 2003 года. В состав той делегации вошел 31 представитель бизнес-элиты, которые подчеркнули важность экономических вопросов на переговорах. Также на повестке дня были урегулирование ядерного кризиса на Корейском полуострове, проведение политики «мира и процветания» в отношении Севера и ее координации с Соединенными

Штатами, изменение статуса американского военного контингента и его перемещение. В ходе визита были достигнуты договоренности об отправке 600 южнокорейских специалистов небоевого контингента в Ирак.

Принятие участия Южной Кореи в военной кампании в Ираке стало фактором, который оказал серьезное влияние на внутриполитическую ситуацию в стране. Антиамериканские выступления снова охватили всю страну, и между консервативным парламентом и президентом усилилась конфронтация. В феврале 2004 года было решено увеличить военный контингент в Ираке еще на 3000 человек. Помимо врачей, инженеров и других специалистов из Республики Корея были также направлены боевые части для обеспечения их безопасности. Министр иностранных дел Южной Кореи отметил, что Республика Корея должна взять на себя подобные международные обязательства, поскольку это помогает стране выйти на новый международный уровень, а также укрепляет отношения с США.

Численность южнокорейского контингента в Ираке значительно увеличилась, уступая только американским и британским войскам. Впервые после войны во Вьетнаме южнокорейским войскам пришлось участвовать в боевых действиях за пределами самой Кореи.

В июне 2004 года, после захвата и убийства южнокорейского заложника в Ираке, в Республике Корея была еще одна волна протестов против участия страны в военной кампании.

Однако на этот раз политическая элита Южной Кореи попыталась предотвратить чрезмерно активные антиамериканские действия. Некоторое время была введена интернет-цензура, например был заблокирован популярный ресурс Live Journal, где люди могли обмениваться мнениями по наиболее актуальным вопросам. Было объявлено, что Республика Корея сохранит военное присутствие в Ираке.

Позиция южнокорейских властей была обусловлена рядом факторов. Несмотря на личные предпочтения президента Но Мухёна, Соединенные Штаты оставались главным военным союзником Южной Кореи. И даже если в политической риторике 2004 года выражалась мысль, что в нынешних условиях необходимо увеличить оборонную автономию Южной Кореи, то заявление американских властей о возможном сокращении военного контингента на треть - у местного населения вызвало обеспокоенность.

Другим фактором, который способствовал желанию южнокорейской политической элиты сохранять лояльность к Соединенным Штатам, были растущие противоречия в отношениях с КНР. С начала 2000-х годов Китай стал вторым по величине экспортным рынком для экономики Южной Кореи. В 2002 году объем двусторонней торговли составил 41,2 миллиарда долларов. В 2004 году объем двусторонней торговли превысил 100 миллиардов долларов, что сделало Китай крупнейшим торговым партнером Южной Кореи. Республика Корея стала четвертым по величине экспортным рынком для Китая в тот период. В результате зависимость корейской экономики от рынка США значительно снизилась.

Было понимание, что Китай является не только крупнейшим торговым партнером, но и экономическим конкурентом. Уже в начале 2000-х годов корейские компании начали быстро терять свои позиции на рынках Юго-Восточной Азии, а также в других регионах. В 2004 году Китай увеличил экспорт автомобилей, текстиля и нефтепродуктов на 23,6% в США и на

13,1% в Японию. Для Южной Кореи эти показатели составили 7,4% и 2,7% соответственно. По данным Hyundai Research Institute, с 2004 года конкурентоспособность южнокорейских товаров по сравнению с китайскими начала снижаться.

Китайская экономика продолжала оставаться крупнейшим получателем южнокорейских инвестиций: в 2003-2004 гг. Около 40% всех ПИИ в Республике Казахстан приходилось на Китай. Таким образом, Китай оказал давление на Соединенные Штаты, которые до 2002 года были основным пунктом назначения южнокорейских инвестиций. В тот же период южнокорейские инвесторы начали замечать, что правительство Китая наложило жесткие ограничения на многие проекты, при этом основным критерием была передача новейших технологий, а главное конкурентное преимущество китайской экономики - дешевая рабочая сила - практически терялась.

В подобных условиях в начале 2000-х гг. напряженность в двусторонних отношениях между КНР и РК усилилась. Систематически поднимались вопросы, связанные с проблемой северокорейских беженцев и присутствием примерно 100 000 нелегальных китайских рабочих в Республике Корея. Также дискуссия об исторических корнях государства Когурё (37 г. до н.э. - 668 г.) на севере Корейского полуострова и Маньчжурии привлекла большое внимание как на самом высоком уровне, так и среди населения. Китай, наряду с Соединенными Штатами, Вьетнамом и Таиландом, стал одной из девяти стран, которые настаивали на быстрой либерализации южнокорейского рынка риса в рамках ВТО. По прогнозам, Китай должен был получить наибольшую выгоду от устранения препятствий, а сельскохозяйственный сектор КНР представлял наибольшую угрозу для южнокорейских фермеров.

В тот же период, с ростом взаимных претензий, возник спор между Южной Кореей и КНР вокруг рифа Иодо (в китайской версии подводной скалы Суен, или Суян в Восточно-Китайском море. Подводные объекты, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, не могут быть предметом территориальных споров, однако, в начале 2000-х годов оба государства заявили о своем требовании включить эту подводную скалу в свои исключительные экономические зоны.

Несмотря на существование отдельных спорных вопросов во взаимоотношениях между двумя странами, Республика Корея была крайне заинтересована в КНР, и это было не исключительно по экономическим причинам. В шестисторонних переговорах, которые начались в августе 2003 года Китай сыграл действительно значимую роль. Именно китайская дипломатия смогла оказать максимальное воздействие на руководство КНДР при принятии конкретных решений. Следует отметить, что Китай сыграл важную роль в поддержке и проведении четвертого и пятого раундов переговоров в 2005 году. Южнокорейская Политика «мира и процветания», которая в первую очередь была направлена на взаимодействие с Севером, остро нуждалась в поддержке КНР.

Во взаимодействии двух стран в середине 2000-х гг. присутствовал не только экономический и политический, но и культурный компонент. «Корейская волна», охватившая Китай в конце двадцатого века, несмотря на пессимистические прогнозы аналитиков, не только не ослабла, но и усилилась за этот период. Особенно популярными тогда стали не только телешоу, фильмы, музыка, но и корейская мода, корейские дизайнеры, корейская еда и корейский язык. Представители корейского шоу-бизнеса активно продвигали корейские

товары на китайский рынок, участвуя в рекламных кампаниях. В 2006 году власти КНР ограничили количество южнокорейских телесериалов на китайском телевидении. Тем не менее, в 2008 году общий объем экспорта продукции в рамках «корейской волны» составил 1,8 миллиарда долларов.

Япония стала еще одной страной, охваченной в середине 2000-х годов экспансией корейской массовой культуры. Корейские телешоу прочно заняли первое место в рейтингах на японском телевидении. В 2006 году даже первая леди Японии, Акиэ Абэ, жена премьер-министра Японии Синдзо Абэ, призналась в любви к корейским драматическим произведениям. Барьеры для проникновения японской популярной культуры на корейский рынок были полностью устранены. Но, несмотря на тесное культурное взаимодействие, отношения между двумя странами в этот период развивались непросто.

В экономических отношениях двух стран проявлялось и сотрудничество, и конкуренция. На рынках Восточной Азии усилилось соперничество между Японией и Южной Кореей. Корея, благодаря успешной маркетинговой политике (включая политику, основанную на привлечении корейских звезд для продвижения товаров и услуг), постепенно вытеснил японские продукты с рынков Юго-Восточной Азии. Например, корпорация Samsung занимала 20% рынка жидкокристаллических панелей в Гонконге. В 2006 году телефоны LG Chocolate стали лидером продаж на восточноазиатском рынке, обогнав продукты японских компаний.

Активно развивалось сотрудничество между Южной Кореей и Японией. В начале 2000-х годов самым мощным проектом стало строительство совместной фабрики LG и Philips по производству ЖК-телевизоров, которые набирали популярность в Европе. В 2006 году Toshiba приобрела 20% акций компании за 5,5 млрд иен. В том же году SK Corporation, крупнейшая нефтеперерабатывающая компания Южной Кореи, подписала соглашение о совместных проектах с японской компанией Nippon Oil Corporation.

Самым важным достижением этого периода стало начало в 2002 году переговоров на высоком уровне о создании зоны свободной торговли между Японией и Южной Кореей. Несмотря на намерение достичь базовых соглашений к 2005 году, этого не произошло по экономическим и политическим причинам и к 2007 году. Для Японии и Южной Кореи самые большие трудности возникли при обсуждении проблемы снижения барьеров в сельскохозяйственном секторе. Несмотря на то, что для обеих стран его доля в ВВП невелика (для Японии - 1,3%, для Руспублики Корея - 3,6%), по внутриполитическим причинам поддержка этого сегмента экономики чрезвычайно важна как для южнокорейских властей, так и для Японии.

Острова Токто/Такэсима – являются спорной территорией, суверенитет над которой оспаривается Республикой Корея и Японией.

Переговоры о создании зоны свободной торговли и внешней политики замедлились - в этот период, ситуация вокруг спорных островов Токто снова значительно ухудшилась. Попытки японских политических кругов пересмотреть историческое наследие японского колониализма негативно сказались на отношениях страны не только с Южной Кореей, но и с другими соседними странами региона, в первую очередь с Китаем.

В начале 2003 года отношения между Южной Кореей и Японией в целом были оценены положительно. Начало второго ядерного кризиса на Корейском полуострове, выход КНДР из договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и возобновление запуска северокорейского ядерного реактора привели к интенсификации военно-политического взаимодействия между двумя странами. Легким облаком в ясном небе оказался традиционный визит премьер-министра Японии Дзюнитиро Коидзуми в храм Ясукуни, где покоятся духи воинов и в том числе военных преступников времен Второй мировой войны.

В июне 2003 года Но Мухён прибыл в Японию с официальным визитом. Его путешествие широко освещалось по японскому телевидению, включая новый современный формат, при котором президент в прямом эфире отвечал на вопросы граждан Японии. На саммите Но Мухён и Дзюнитиро Коидзуми обсудили необходимость активизации двусторонних отношений, большое внимание было уделено перспективам создания совместной зоны свободной торговли, а также формированию общего курса в отношении ядерного вопроса на Корейском полуострове.

Обсуждение северокорейских вопросов проходило не только в двустороннем формате. В течение этого периода Трехсторонняя группа по координации и контролю, созданная Соединенными Штатами, Японией и Южной Кореей, сыграла важную роль в выработке общего видения ситуации вокруг КНДР. Она была создана в 1999 году и в середине 2000-х годов, в связи с возрастанием конфликта вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы, заседания Группы приобрели особое значение.

В конце 2003 года стало очевидно, что подходы Японии и Республики Корея к взаимодействию с КНДР были разными. Новый южнокорейский внешнеполитический курс «мира и процветания» во многом перекликается с «солнечной политикой» Кима Дэчжуна, направленной на сотрудничество с Севером. Республика Корея призывала партнеров к терпению в отношениях с КНДР, в то время как Соединенные Штаты и Япония требовали применения жестких мер, включая экономические санкции. Эта разница в подходах стала одним из камней преткновения двусторонних отношений.

2005 год был официально объявлен годом дружбы между Республикой Корея и Японией. Так же в 2005 году отмечалось 40-летие нормализации отношений между двумя государствами. В том же году исполнилось 100 лет с момента подписания Договора о протекторате 1905 года, после которого Корея постепенно утратила свою независимость. В 2005 году начался новый виток противоречий вокруг спорных островов Токто.

В 2005 году Законодательное собрание японской префектуры Симанэ объявило 22 февраля «Днем островов Такэсима» в честь столетия с момента присоединения этих территорий к Японской империи. Это вызвало серьезную бурю негодования среди населения Южной Кореи. Протесты прошли по всей стране. Около посольства Японии в Сеуле некоторые граждане Южной Кореи не только скандировали лозунги недовольства, но даже пытались

провести акт самосожжения. В результате этих событий Пан Гимун - министр иностранных дел Кореи, отменил свою поездку в Токио, а Япония, в свою очередь, отозвала из Сеула своего посла.

Президент Но Мухён в официальной речи по случаю 86-й годовщины движения 1 марта попросил Японию принести извинения и предоставить материальную компенсацию жертвам аннексии Японии. В подобном контексте вопрос о компенсации был поднят впервые после нормализации отношений в 1965 году.

В ходе межправительственных переговоров обе стороны достигли компромисса: Япония отменила исследование морского дна у оспариваемого архипелага в обмен на отказ корейской стороны присвоить корейские названия подводным скалам и впадинам в данном районе Японского моря. Однако компромиссное решение не разрешило ситуацию, а лишь уменьшило остроту противостояния на некоторое время. В 2006-2007 годах состоялась серия межправительственных переговоров между представителями двух государств по разграничению исключительных экономических зон Японии и Южной Кореи в районе архипелага Токто, но никакого существенного результата эти переговоры не принесли.

Встреча Но Мухёна и руководителя КНДР Ким Ченира в октябре 2007 года, на втором межкорейском саммите в Пхеньяне.

Вначале ракетные, а вскоре первые ядерные испытания КНДР, проведенные в 2006 году, привели к новому витку кризиса на Корейском полуострове. Реакция Токио на эти события была достаточно резкой, вызвав недовольство Сеула. Изменения в статусе Управления национальной обороны Японии, его преобразование в Министерство обороны в начале 2007 года и политические дебаты по поводу пересмотра пацифистской конституции Японии также вызвали недовольство в Южной Корее.

В 2007 году отношения между двумя странами были затруднены возобновлением дебатов о статусе «женщин для комфорта», и на этот раз они уже приобрели международный характер. В итоге комитет Палаты представителей по иностранным делам принял резолюцию № 121, в которой содержится призыв к официальным извинениям. Включение архипелага Токто в Белую книгу по обороне Японии явилось еще одной причиной недовольства южнокорейской стороны.

В этот же период были заключены важнейшие соглашения между Японией и Южной Кореей. В 2007 году было подписано соглашение о стратегическом альянсе в области использования нефти, которое дает каждой стороне приоритетный доступ к запасам нефти в случае нехватки национальных запасов. Была достигнута договоренность о безвизовом пребывании туристов из двух стран - Южной Кореи и Японии - на 90 дней на территории

другой. Сотрудничество активно развивалось в рамках ВТО, а также в рамках региональных интеграционных объединений.

В общем и целом, в середине 2000-х годов отношения между Японией и Южной Кореей развивались неоднозначно. Во время растущей экономической конкуренции, претензий на землю и исторически опосредованных споров военно-политическое и экономическое партнерство двух стран не всегда было возможно эффективным. Поэтому Республика Корея старалась расширить свои связи в регионе. Одним из таких векторов был Китай. Вместе с КНР Россия также выступала перспективным партнером.

Развитие отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея в этот период получило новый толчок. Это было обучловлено активным участием России в урегулировании ситуации вокруг ядерной программы Северной Кореи. Участие в переговорах между шестью странами, мягкая позиция по отношению к Северу, тенденция к усилению российской политики в Восточной Азии - все это соответствовало общему вектору политики «мира и процветания» Но Мухёна.

В сентябре 2004 года президент Южной Кореи посетил Москву, и после встречи была принята российско-корейская совместная декларация. В декларации стороны отразили стремление развивать взаимовыгодное конструктивное взаимодействие в различных областях, в основном в политической, аэрокосмической, военно-технической, энергетической и экономической. Также было принято соглашение о сотрудничестве в использовании и исследовании космического пространства в мирных целях, что открыло новые возможности для развития взаимоотношений между двумя странами.

Президент Но Мухён в 2005 г. посетил Москву для участия в торжественных мероприятиях, проходивших по случаю 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Осенью 2005 г. президент В.В. Путин как участник саммита лидеров экономик АТЭС находился в южнокорейском городе Пусане. В ходе встречи двух президентов был подписан Совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества, нацеленный на дальнейшую интенсификацию двусторонних связей. Принципиальное внимание было уделено межрегиональному взаимодействию, отдельный пункт касался соединения Транссибирской магистрали с Транскорейской железной дорогой.

Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Корея успешно развивалось, но в целом оно было на довольно низком уровне. В середине 2000-х годов доля России в торговле Южной Кореи составляла около 1%, а доля Республики Корея в российской торговле составляла менее 2%. В то же время общий оборот торговли увеличивался с каждым годом: в 2005 году он составил 7,8 миллиарда долларов, в 2006 году - 9,3 миллиарда долларов, в 2007 году - 15 миллиардов долларов. Положительным моментом стало сокращение торгового дефицита и тенденция к созданию профицита в России. Корейская сторона экспортировала машины, оборудование, транспортные средства и химикаты. Российская сторона традиционно поставляла углеводороды в Южную Корею.

В середине 2000 года, в связи с растущей конкуренцией со стороны Китая, Республика Корея стала более активно участвовать в процессе региональной экономической интеграции. Наиболее перспективным направлением стало взаимодействие с интеграционной группой АСЕАН. Южная Корея участвовала в таких партнерских механизмах с АСЕАН, как АРФ (Форум региональной безопасности АСЕАН), АПТ (АСЕАН плюс три (Китай, РК и Япония)),

саммите АСЕАН-РК и встречах министров.

Соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Республикой Корея (АСЕАН - Корейское соглашение о свободной торговле, AKFTA) вступило в силу в июне 2007 года. В первый год действия этого соглашения торговля между АСЕАН и Южной Кореей увеличилась на 23%. В 2001–2010 годах объем двусторонней торговли увеличился с 32 до 98 миллиардов долларов США, почти в три раза. В 2010 году Республика Корея стала пятым по величине торговым партнером АСЕАН. В свою очередь, в Восточной Азии АСЕАН в целом является вторым торговым партнером Южной Кореи.

Одним из механизмов интеграции в Восточную Азию был диалог АСЕАН плюс три (АПТ) с членством стран АСЕАН, Японии, Республики Корея и Китая. Главное в повестке дня АПТ - интеграция финансовых рынков Восточной Азии, формирование условий для повышения их управляемости и предсказуемости, а также эффективных инвестиций. Именно в рамках АПТ в 2006 году была сформирована инициатива по созданию Азиатской валютной единицы (Asian Currency Unit, ACU).

АСЕАН стала стартовой площадкой для еще одной интеграционной ассоциации на Тихом океане. Саммит стран Восточной Азии (EAS - East Asia Summit) впервые был проведен в 2005 году при участии 16 стран: АСЕАН-10, Япония, Китай, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и Индия. На саммите было согласовано стратегическое решение, основанное на механизме АСЕАН плюс три (или, в другом варианте, АСЕАН плюс шесть, с участием Австралии, Индии и Новой Зеландии) Восточноазиатского экономического сообщества — ВАЭС (East Asian Economic Community) к 2020 году.

Республика Корея активно участвовала в интеграционных процессах АТЭС. В 2005 году она стала президентом Форума. Ежегодное совещание экономик АТЭС было проведено в корейском городе Пусане под девизом «На пути к единому сообществу - через преодоление проблем и обновление». В процессе саммита была принята Пусанская декларация АТЭС-2005, которая завершила этап осуществления Шанхайского соглашения. Специальное сообщение «Дорожная карта Пусана» содержало рекомендации о том, как приблизить национальные и международные правила торговли, а также другие шаги по облегчению торговых процедур, повышению открытости и упрщению переговорного процесса в ВТО.

Во время президентства Но Мухёна начались предварительные переговоры о создании зон свободной торговли с Индией, Перу и Европейским союзом. Республика Корея укрепила свои позиции в роли участника международных экономических отношений на 2003-2007 годы. общий экспорт товаров вырос с 194 до 371 млрд долларов.

Еще одним важным достижением Республики Корея в этот период стало избрание министра иностранных дел Южной Кореи Пан Гимуна на должность Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Это событие стало еще одним подтверждением растущего авторитета Республики Корея на международной арене. Пан Гимун был избран в 2006 году, вступил в должность 1 января 2007 года и был переизбран на второй срок в 2011 году. Он стал восьмым генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. Приоритетными направлениями деятельности Пан Гимуна были новые глобальные проблемы: изменение климата, экономические потрясения, пандемии и нехватка ресурсов.

К концу 2007 года Республике Корея предстояли очередные, семнадцатые выборы президента, на которых одержал абсолютную победу Ли Мёнбак (за него проголосовали

48,7% избирателей, а за его основного соперника Чон Донёна - только 26,1%.) - молодой представитель Партии «Свободная Корея» (Чаю Хангуктан).

Приход к власти представителя консервативного крыла южнокорейской политической элиты означал скорые изменения во внешней политике. Консерваторы традиционно выступают за тесный союз с Соединенными Штатами. В своих предвыборных выступлениях, а также на пресс-конференции после вступления в должность Ли Менбак заявил, что основой его внешней политики будет прагматичный подход. Сочетание государственных интересов с системой общечеловеческих ценностей должно, по его мнению, сделать Корею мощной мировой державой в будущем.

Были определены основные направления внешней политики: восстановление взаимного доверия с Соединенными Штатами, укрепление корейско-американского альянса, развитие взаимоотношений с Японией, взаимодействие с Северной Кореей на основе прагматического подхода и активизация сотрудничества со всеми странами всех регионов мира.

Серьезным стимулом для активизации отношений между США и Южной Кореей стала агрессивная внешняя политика Северной Кореи. Когда в 2009 году на севере было сделано несколько пусков баллистических ракет и проведено второе ядерное испытание, а в 2010 году в Желтом море произошло несколько инцидентов (включая бомбардировку острова Ёнпхёндо и гибель южнокорейского корабля «Чхонан»), приверженцы укрепления альянса получили максимальную поддержку в Соединенных Штатах и Республике Корея.

В качестве еще одного важного внешнеполитического фактора можно выделить значительное усиление КНР в регионе и китайской внешнеполиической линии, действующей параллельно с северокорейским режимом. Мировой экономический кризис и временная рецессия в 2009–2010 годах также сыграли определенную роль в укреплении отношений между США и Южной Кореей.

Во время первого официального визита президента Южной Кореи Ли Мёнбака в Вашингтон 16 июня 2009 года было принята декларация Совместное видение альянса США и Южной Кореи, в котором стороны наметили основные направления совместных усилий. Документ подчеркивал, что американская и корейская нации тесно связаны благодаря таким общим ценностям, как приверженность свободной демократии и рыночной экономике. В документе указывалось, что стороны будут продолжать всесторонне развивать взаимные отношения, прежде всего в сферах бизнеса, образования, науки и культуры. Договор о взаимной безопасности был признан краеугольным камнем в отношениях между двумя странами. Союз США и Южной Кореи должен быть адаптирован к вызовам XXI века и обеспечивать интересы обеих стран. Республика Корея должна играть ведущую роль в обеспечении своих собственных оборонительных возможностей и присутствие американских войск на полуострове будет продолжаться.

Новое американское правительство начало активно развивать несколько направлений сотрудничества. Большое внимание было уделено проблемам зоны свободной торговли США-Южная Корея (KORUS FTA). Документы о его создании были подписаны в 2007 году, но его ратификация была отложена на пять лет.

В октябре 2011 года Конгресс США одобрил соглашение. Национальное собрание Республики Корея ратифицировало документ в конце 2011 года. Документ вступил в силу 15 марта 2012 года. За последние два десятилетия Соединенные Штаты не подписали более

значимого соглашения о создании зоны свободной торговли. С точки зрения экономического взаимодействия его сравнивают с Североамериканской зоной свободной торговли (НАФТА).

В результате этого соглашения ожидалось, что экспорт США в Южную Корею увеличится на 10-12 миллиардов долларов. В течение первых пятнадцати лет экспорт из Республики Корея в Соединенные Штаты должен увеличиваться примерно на 1,29 миллиарда долларов ежегодно.

Значительные изменения коснулись американского военного контингента на Корейском полуострове. В 2004 году было объявлено о переводе американских войск из демилитаризованной зоны (ДМЗ) в центральную и южную части страны.

Республика Корея является одним из самых активных покупателей американского оружия. Южная Корея является третьим по величине импортером оружия в мире с 2005 года, разделяя это место с Объединенными Арабскими Эмиратами.

В настоящее время сотрудничество между США и Южной Кореей в рамках стратегии «зеленого роста» охватывает следующие области. Во-первых, проекты реализуются на государственном уровне, такие как создание «интеллектуальной» энергосистемы на южнокорейском острове Чеджу, ее тестирование и дальнейшее использование в Сеуле и Чикаго. Во-вторых, ведется совместная работа по созданию технологий, основанных на использовании солнечной энергии.

READ MORE

Саммит G-20 в Сеуле в 2010 году — саммит глав государств и правительств стран Большой двадцатки, посвящённый мировому финансовому кризису. Большая двадцатка - клуб правительств и глав центральных банков государств с наиболее развитой экономикой.

Другим вектором внешней политики, который во время президентства Ли Мёнбака, особенно в начале, приобрел большое значение, является сотрудничество с Японией, так как в целом отношения между двумя странами были противоречивыми. С одной

стороны, провокационная политика Северной Кореи, взаимные экономические интересы, продолжающееся укрепление Китая в регионе и активное трехстороннее сотрудничество с США способствовали сближению японо-корейских позиций. С другой стороны, территориальный спор по поводу Токто, расхождения в оценке исторических событий в прошлом, проблема «комфортных женщин» и растущий национализм в двух государствах оказали крайне негативное влияние.

В начале 2009 года на фоне растущего экономического кризиса, а также наличия информации о подготовке к запуску северокорейского спутника Ли Мёнбак встретился с другим недавно избранным премьер-министром Японии Таро Асо. На саммите было принято решение о жестком, скоординированном, прагматичном подходе к северу. Также обсуждались меры по выходу из экономического кризиса.

Вторые ядерные испытания КНДР и неудачный запуск спутника в апреле-мае 2009 года привели к более тесным отношениям между Японией и Южной Кореей. В течение первых восьми месяцев 2009 года главы государств встречались восемь раз и были предприняты двусторонние усилия для продвижения жестких мер по отношению к Северу через Совет Безопасности ООН. Также активно обсуждалась возможность влияния Пекина так, чтобы китайские власти оказывали давление на Пхеньян по вопросам денуклеаризации Корейского полуострова. В ходе встреч они также обсудили возможности подписания первого официального военного пакта, который позволит обмениваться военной информацией. Рост напряженности на Корейском полуострове, затопление судна Чхонан и обстрел острова Ёнпхёндо северокорейской артиллерией также сыграли важную роль в сближении Японии с Республикой Корея. Таким образом, сотрудничество в области безопасности активно развивалось: была создана горячая линия для обмена информацией между начальниками полиции обеих стран.

В указанное время сотрудничество в треугольнике Вашингтон-Сеул-Токио стремительно активизировалось, что было связано как с очередным витком эскалации напряженности на Корейском полуострове, так и с укреплением Китая. В 2010 году во время экономического кризиса КНР стала второй экономикой в мире. В то же время его военная мощь возросла, и желание доминировать в Тихом океане, прежде всего в прибрежных морях также теперь могло быть реализовано. В Восточной Азии снова стала проявляться тенденция к формированию биполярной системы международных отношений. Традиционно США и их два союзника находились на одном полюсе, а КНР и КНДР - на другом. Некоторые исследователи приобщают в этому тандему и Россию.

События марта 2011 года, когда в Японии произошло землетрясение и цунами, спровоцировавшее катастрофу на АЭС «Фукусима-1» взволновали мировое сообщество. Южная Корея была первой страной, направившей спасательную команду в пострадавшие районы. Однако, отношения между двумя странами, при этом, вновь оказались крайне нестабильными. С одной стороны, Корея предоставила гуманитарную помощь Японии, переговоры о зоне свободной торговли возобновились, и в июне 2011 года начались дискуссии о возможности создания трехсторонней ЗСТ с участием Китая, Республики Корея и Японии.

С другой стороны, ситуация вокруг территориального спора Токто снова обострилась.

Синяя книга японской дипломатии гласит, что нападение на Токто будет рассматриваться как нападение на японские острова. В Белой книге обороны Японии спорный архипелаг был снова объявлен исторически территорией Японии. В свою очередь, правительство Южной Кореи объявило о планах по реализации 28 проектов развития Токто. Инвестиции должны составить около 978 миллиардов долларов. Для привлечения туристов на архипелаг было предложено создать подводный парк. Вопрос компенсации «комфортным женщинам» был вновь актуализирован.

Прагматичный подход Ли Мёнбака к Японии оказался неэффективным. В Южной Корее, где общественное мнение играет важную роль в политической жизни страны, крайне трудно преодолеть негативный опыт в отношениях между двумя странами, особенно в контексте растущей национальной идентичности корейцев. Экономические успехи Южной Кореи, быстрое восстановление после экономического кризиса, активное продвижение корейской массовой культуры по всему миру, в основном в Японии (бывший колонизатор) и Китае (бывший сюзерен на протяжении веков) - все это привело к смене восприятия роли Южной Кореи на мировой арене и прежде всего внутри РК.

Объединяющими факторами для Японии и Республики Корея являются внешние факторы: укрепление Китая в регионе, развитие ядерной программы Северной Кореи, альянс с США, природные и экономические кризисы. Факторами разделения являются внутриполитические процессы: рост национализма в обеих странах, последующие территориальные противоречия и различия в оценке исторических событий. Колебания и противоречия в отношениях между Японией и Республикой Корея по-прежнему будут определяться корреляцией между этими двумя компонентами.

В мае 2008 года Ли Мёнбак совершил официальный визит в КНР, в ходе которого была подписана совместная декларация между президентом Южной Кореи и президентом КНР Ху Цзиньтао. В документе указывалось, что партнерство между двумя странами выходит на новый стратегический уровень. Это связано с развитием экономических связей, в первую очередь с возможностью создания совместной зоны свободной торговли, а также взаимодействия в сфере энергетики и высоких технологий. Политическое сотрудничество уделяет большое внимание взаимодействию двух стран в ходе шестисторонних переговоров.

После окончания Олимпийских игр в Пекине Ху Цзиньтао совершил официальный визит в Республику Корея. В результате этого визита была достигнута договоренность об увеличении потока инвестиций в такие области, как энергетика, связь и логистика. Особое внимание было уделено проекту по созданию зоны свободной торговли. Были проведены переговоры о возможности военного сотрудничества, в том числе о создании горячей линии между военным командованием двух стран. Такая линия была введена в эксплуатацию в конце 2008 года.

Олимпийские игры 2008 года в Пекине стали одним из важнейших событий в развитии двусторонних торгово-экономических отношений. Один из главных спонсоров Олимпийских игр, корпорация Samsung, участвовал практически во всех проектах, связанных с модернизацией инфраструктуры и строительством новых объектов для Олимпийских игр. В рамках подготовки к этому событию товарооборот между Южной Кореей и КНР вырос до 156 миллиардов долларов.

В декабре 2008 года был запущен еще один механизм повышения уровня двусторонних

отношений - стратегический диалог между Министерством иностранных дел КНР и Министерством иностранных дел и торговли Республики Корея. Главной темой обсуждения стала ситуация на Корейском полуострове, а также необходимость вернуть КНДР в формат шестисторонних переговоров.

Первая половина 2009 года была непростой для китайско-корейских отношений: во-первых, в условиях глобального экономического кризиса первого квартала 2009 года показатели двусторонней торговли резко снизились. Во-вторых, ракетные и ядерные испытания в Северной Корее серьезно осложнили политическую ситуацию в регионе. Отказ КНР оказать максимальное давление на КНДР в Республике Корея был оценен крайне негативно. Однако, несмотря на эти обстоятельства, в целом уровень двустороннего взаимодействия был сравнительно высоким.

В 2012 году отмечалось 20-летие установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Корея. В январе Ли Мёнбак совершил свой второй официальный визит в Китай в качестве президента. После совещания высоких лиц было принято коммюнике, в котором были определены основные направления стратегического партнерства двух стран. 2012 год был объявлен годом дружбы между Китаем и Южной Кореей.

Традиционно негативная реакция южнокорейской стороны была вызвана политикой КНР в отношении северокорейских беженцев. Ситуация осложнилась арестом в марте 2012 года южнокорейского правозащитника Ким Ёнхвана и трех других жителей Южной Кореи, которые боролись за права граждан КНДР. Благодаря дипломатическим усилиям Южной Кореи, после четырех месяцев тюремного заключения они были освобождены, но вскоре стало известно, что Ким Ёнхван подвергался пыткам. Этот инцидент, с одной стороны, негативно повлиял на имидж Китая на международной арене; с другой стороны, это вновь вызвало дискуссии в РК о роли Китая на Корейском полуострове, а также в региональном и глобальном масштабе.

У Китая также есть определенный ряд претензий к Южной Корее. Серьезную обеспокоенность китайского политического истеблишмента вызывает возможность заключения военного пакта между Японией и Южной Кореей. В настоящее время его подпись отложена, но в свете растущей напряженности на Корейском полуострове в первой половине 2013 года маловероятно что его ратификация задержится. Растущее число учений между США и Южной Кореей, интенсификация военно-политического взаимодействия в рамках треугольника США-Япония-Республика Корея также негативно воспринимаются в Пекине.

Политические противоречия едва ли затрагивают основную область стратегического партнерства между Южной Кореей и Китаем: торгово-экономические отношения. Продолжаются переговоры о заключении соглашения о зоне свободной торговли.

Россия также стала страной, отношения с которой у Южной Кореи превратилась в стратегическое партнерство. В сентябре 2008 года Ли Мёнбак и Д.А.Медведев встретились в Москве. В ходе переговоров стороны обсудили результаты развития сотрудничества с момента установления дипломатических отношений в 1990 году. В итоговом документе указывалось, что двустороннее сотрудничество должно быть доведено до уровня стратегического партнерства. Политические контакты между Российской Федерацией и Республикой Корея в те годы действительно активизировались. В частности, Президент Республики Корея Ли

Мёнбак трижды посещал Россию с 2008 года до окончания своего правления.

Важной инициативой по формированию нового уровня отношений между двумя странами стала реализация проекта диалога Россия-Республика Корея, в основе которого лежит взаимодействие гражданских обществ обеих стран. Целью данного форума является содействие развитию стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Корея и улучшение общественных, научных и деловых контактов.

В конце 2000-х Южная Корея продолжала вести переговоры о возможности создания двусторонних зон свободной торговли с такими странами, как КНР, Вьетнам, Новая Зеландия, Австралия и Индонезия.

Республика Корея была первой страной в мире, которая выбрала зеленый рост в качестве национальной стратегии. С тех лет концепция «зеленого роста» стала одним из приоритетных направлений внешней политики Республики Корея. В рамках инициативы «Новая Азия» была предложена концепция низкоуглеродного зеленого роста и развития Восточноазиатского климатического партнерства (Восточноазиатского партнерства по изменению климата).

Нет сомнений в том, что в течении 2000-х годов Республика Корея стала влиятельным игроком в экономической и политической сферах как в регионе, так и в мире в целом. Успехи страны в разных областях подтверждаются различными международными рейтингами.

В марте 2013 г., уже при новом президенте РК Пак Кынхе, начался первый раунд переговоров о создании трехсторонней зоны свободной торговли. В 2013 г. Республика Корея во второй раз за свою историю стала непостоянным членом СБ ООН, и именно представитель этой страны был повторно переизбран на пост Генерального секретаря данной организации.

Благодаря корейской волне (Халлю), Корея стала более привлекательной для туристов, увеличивая коммерческий и культурный экспорт. Пак Кынхе предложила поддержать местных поп-артистов для дальнейшего продвижения корейских ценностей и традиций. Культурное обогащение подразумевало не только внешнее влияние. Даже граждане Южной Кореи, по ее мнению обогатились и развивались культурно, в том числе благодаря креативной экономике. Пак Кынхе продолжала пропагандировать корейскую культуру, которая набиарала популярность еще до его президентства. Данные Корейского агентства по содействию торговле и инвестициям, также подтверждают это.

Согласно Белой книге 2016 года, внешняя политика Кореи направлена на:

1. Обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове
2. Дипломатия расширения глобального сотрудничества
3. Укрепление потенциала экономического сотрудничества
4. Усиление корейской роли и престижа в национальном сообществе
5. Усиление работы департамента консульской службы
6. Создание эффективной системы дипломатии, построенной на доверии.

Администрация Пак Кынхе развивала сотрудничество с ООН, участвовала в нескольких совещаниях организации в 2015 году и обратила внимание общественности на все еще существующую проблему на Корейском полуострове. Президент также выразила желание решить ее с помощью международного сообщества. Кроме того, в рамках сотрудничества с ООН Южная Корея расширила свое влияние на африканские страны посредством движения «Новая деревня» (Самуэль Ундонг), программы «Лучшая жизнь для девочек» и спонсорской

поддержки развивающихся стран региона. Официальные лица Республики Корея выступили за ядерное разоружение, мирное использование атома, что неудивительно в присутствии потенциально опасного соседа.

Но, несмотря на активную деятельность за пределами Корейского полуострова, администрация Пак Кынхе не смогла установить отношения со своим единственным соседом по границе. Все было осложнено тем, что в 2013 году КНДР выпустила несколько баллистических ракет.

Соглашение о нормализации промышленной зоны Кэсон, которое включает пять положений, было подписано 14 августа 2013 года. Оно исключало возможность приостановки деятельности в этом районе из-за односторонних действий КНДР, а также открывало возможности для трансформации межкорейского проекта в международный проект. Также были созданы постоянные каналы связи, например, Объединенный комитет промышленной зоны Кэсон, подкомитеты (Объединенный подкомитет по международной конкурентной политике, Объединенный подкомитет по защите инвестиций, управлению и их эксплуатациии т. д.) и секретариат.

Но в 2014 году кризис снова начал усугубляться. Это связано как с внутренними событиями и решениями президента, так и с проводимой внешней политикой.

Во внешней политике Пак Кынхе решила снова действовать активно оказывая гуманитарную помощь. В марте 2014 года большая партия продовольственной помощи отправилась в северокорейский порт Нампхо в Желтом море. Частной благотворительной организацией Child Fund Korea было собрано и отправлено 180 тонн пшеничной муки и 20 тонн питательной соевой смеси на сумму 200 миллионов вон ($ 188 000). Однако на этот раз гуманитарная помощь не помогла улучшить отношения, так как Пак Кынхе приняла спорное решение о создании комитета по объединению с КНДР. Учитывая постоянные конфликты, провокации обеих сторон и отказ от переговоров, создание подобного комитета, вероятно, было преждеременным. Одной из целей создания комитета было развитие сотрудничества и укрепление доверия между странами, возможно, стоило бы называть его по-другому, чтобы не казалось, что Южная Корея навязывает свою политику соседу.

Представленная Пак Кынхе 28 марта 2014 в Германии, Дрезденская доктрина объединения была принята северокорейским руководством достаточно негативно. В ней лидер Южной Кореи предложила КНДР сначала создать базу для дальнейшего объединения, активизировав обмены и некоторые направления сотрудничества. Более серьезная помощь Северу была обещана в случае его шагов по отказу от ядерной программы.

9 декабря 2016 г. парламент Южной Кореи проголосовал за импичмент Пак Кынхе, и она была временно отстранена от руководства страной, а временным главой государства стал премьер-министр Хван Гё Ан. Решение национального собрания об импичменте было одобрено Конституционным судом 10 марта 2017 г., таким образом президентские полномочия Пак Кынхе были окончательно завершены.

Мун Чжэин был главным противником Пак Кынхе на выборах 2012 г. И когда новый президент вступил в должность, в качестве наследства, получил в глубокий кризис в отношениях с КНДР. Мун Чжэин работал в администрации президента Но Мухёна, который был известен своей политикой «солнечного тепла». Он руководил проектом промышленной

зоны Кэсон и был одним из главных организаторов исторической встречи Но Мухёна и Ким Ченира.

Как и Пак Кынхе, новый лидер Республики Корея получил большую поддержку населения в начале своего президентства. Политика Мун Чжэина получила название «Стиль управления Но Мухёна». Версия 2.0».

В декабре 2017 года президент Мун предложил: «Соединенным Штатам следует отложить совместные военные учения для ослабления напряженности до Олимпийских игр в Пхенчхане, которые пройдут 9-25 февраля 2018 года в Южной Корее». Этот шаг очень хорошо демонстрирует, что Мун Чжэин Несмотря на постоянные провокации со стороны КНДР, готов пойти на некоторые уступки, которые не противоречат санкциям ООН, и готов к диалогу, что подтверждается не только словами, но и на деле. Его предложение было принято Соединенными Штатами, и во время телефонного разговора президенты Южной Кореи и США договорились не проводить совместных военно-морских учений во время Олимпийских игр, при условии, что КНДР не допустит провокационных действий.

Приверженность Мун Чжэина политике «солнечного тепла», установленной его предшественниками, принесла свои плоды и Северная Корея согласилась участвовать в Олимпийских играх и, несмотря на то, что КНДР упустила крайний срок подачи заявления для участия в Олимпиаде, ей было разрешено участвовать.

Благодаря настойчивости и вере Мун Чжэина в важности совместных спортивных мероприятий, особенно таких масштабных, как Олимпийские игры, первая встреча представителей Республики Корея и КНДР на высшем уровне состоялась впервые после долгих лет. Важно отметить, что на самих олимпийских играх присутствовала младшая сестра Ким Ченына Ким Ёчжон, передавшая желание лидера КНДР возобновить корейский диалог. В марте, в ответ на визит Ким Ёчжон Северную Корею посетили руководитель управления Национальной безопасности Чунг Юйен и четыре других специальных посланника. А уже в апреле 2018 года произошла историческая встреча президента РК Мун Чжэина и лидера КНДР Ким Ченына, в результате которой была подписана Пханмунчжомская декларация.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какое соглашение стало результатом саммита на высшем уровне между руководителями РК и КНДР в июне 2000 года?
2. В чем была суть совместного заявления В.В. Путина и Ким Дэчжуна по результатам встречи в феврале 2001 года?
3. Какие внешнеполитические инициативы предприняла Республика Корея в борьбе с международным терроризмом в начале 2000-х гг?
4. В чем заключалась «мира и процветания» Но Мухёна?
5. Какова была роль южнокорейского контингента в Ираке в начале 2000-х гг?
6. Какие противоречия назревали между РК и КНР во внешнеэкономической деятельности?
7. Опишите культурный компонент во взаимодействии РК и КНР в середине 2000-х гг.
8. Опишите векторы внешней политики Республики Корея в АТР в 2000-х гг.
9. Что стало стимулом активизации отношений между США и Южной Кореей в конце 2000-х гг. при президенте Ли Мёнбаке?
10. На что была направлена внешняя политика Республики Корея согласно Белой книге 2016 года?

14 Двухсторонние отношения Республики Корея и Республики Казахстан

Современные казахстанско-южнокорейские отношения имеют историю, уходящую в советское прошлое. Новый этап начался с распада Советского Союза, когда начала строиться внешняя политика суверенного Казахстана, двустороннее сотрудничество с зарубежными странами начало складываться по-новому. Отмечая все идеологические принципы, Казахстан начал развивать дипломатические отношения не только с бывшими братскими социалистическими государствами, но и с капиталистическими. Действуя в соответствии с новыми принципами международных отношений, Казахстан предпочел многополярность наиболее адекватной и рациональной формой международного порядка с точки зрения баланса сил и международной безопасности. Такое решение было принято исходя из понимания что, сейчас ни одна страна не может самостоятельно решить самые острые проблемы нашего времени. Поэтому альтернативы многосторонней дипломатии не оказалось.

Казахстан для Республики Корея является очень перспективным и динамично развивающимся партнером в Центральной Азии, с богатыми природными ресурсами и огромным потенциалом для транзита и транспортировки. Последние тенденции мирового развития подтвердили заинтересованность экономически развитых стран в сотрудничестве с Казахстаном. Повышение экономического и политического потенциала государства позволяет нашей строне играть более активную и значительную роль в процессах региональной интеграции, что привело в ряды партнеров важных субъектов современной геополитики. Опыт быстрого экономического развития Республики Корея, демонстрирующий эффективность свободного рынка, свободный обмен идеями и основные принципы демократического общества, может быть применен в независимом Казахстане, что создало предпосылки для плодотворного сотрудничества между двумя странами.

Следует особо подчеркнуть, что Южная Корея одной из первых зарубежных стран признала суверенитет Казахстана - 30 декабря 1991 г., а уже через месяц, 28 января 1992 г., оба государства заключили Договор о дипломатических связях на уровне посольств. 30 июня 1993 года в тогда еще Алма-Ате было открыто посольство Республики Корея, а 12 мая 1995 г. посольство Республики Казахстан в Сеуле - Указом президента РК Н.А. Назарбаева. В тот момент реализация внешней политики независимого Казахстана происходила на базисе решения стратегической задачи —

Но Мухён – первый южнокорейский президент посетивший Республику Казахстан. Астана 2004 год.

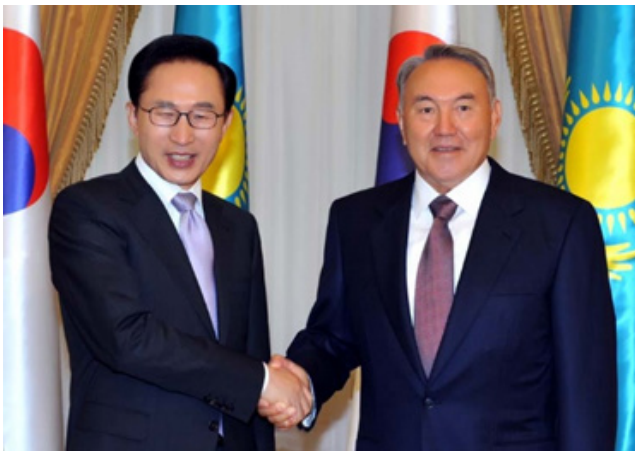
обеспечения национальной безопасности и сохранения территориальной целостности.

С первого дня установления официальных дипломатических отношений двусторонние отношения между Казахстаном и Южной Кореей демонстрируют устойчивую положительную тенденцию развития. Это связано с геополитическим положением Казахстана в Центральной Азии и Республике Корея, которая находится на перекрестке многих стратегических интересов.

В начале своей независимости Республика Казахстан определила необходимость разработки политических, экономических, многосторонних и разнообразных балансов, которые гарантируют безопасность и суверенитет Казахстана, основу внешней политики государства, которая впоследствии стала называться «многовекторной стратегией».

В результате после установления дипломатических отношений между Казахстаном и Республикой Корея начался процесс активного продвижения к взаимопониманию и политическому сближению. Несмотря на различия в историческом прошлом, которые охватывали практически весь спектр политической, экономической, социальной и культурной жизни, отсутствие контактов в течение длительного времени, прогресс в развитии дружеских отношений был очень динамичным.

Естественно, что знания двух стран друг о друге на ранней стадии были скудными из-за устаревших и широко распространенных заблуждений - противоречивость предыдущих идеологических принципов, ортодоксальность мышления, различия в деловой этике, управлении, менталитете и т.д. Принципиальное значение имел взаимный обмен визитами президентов двух государств, деятелей культуры, науки, бизнесменов, общественных деятелей, спортсменов, студентов и др.



Встреча Нурсултана Назарбаева и Ли Мёнбака в Астане - 2009 год.

Важную роль в подобном обмене сыграли взаимные официальные визиты президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Республику Корея, а также президентов Республики Корея Но Мухёна, Ли Менбака, Пак Кынхе и Мун Джэина в Казахстан. Основополагающая правовая основа для динамичного развития отношений между Казахстаном и Южной Кореей была заложена в Декларации об основных принципах отношений и сотрудничества от 16 мая 1995 года, подписанной президентами двух государств - Н.А. Назарбаевым и Ким Ёнсамом. В дальнейшем последовало подписание ряда документов, устанавливающих прочную правовую основу для построения широкомасштабного партнерства между двумя странами. Они были основаны на Декларации об основных принципах отношений и сотрудничества, подписанной главами государств, которая основана на принципах Устава Организации Объединенных Наций.

В декларации говорится, что обе стороны будут поощрять широкие связи между всеми

ветвями власти, включая исполнительные, законодательные и судебные органы, а также общественные организации. Двусторонние основные договоры особо выделяются среди всего перечня соглашений. Они формируют правовую основу для развития международных отношений в различных сферах взаимодействия двух стран. В результате двусторонние базовые соглашения между Казахстаном и Республикой Корея приобрели важное значение.

Основными условиями важности отношений является то, что Нурсултан и Сеул следуют своей политике исходя из общих ценностей, основанных на принципах демократии и рыночной экономики. Почти по всем основным вопросам международных отношений, в том числе связанным с укреплением режима нераспространения, борьбой с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и урегулированием региональных конфликтов, обе страны имеют общие или близкие позиции. Казахстан выражает свою поддержку политике мира и процветания, проводимой Республикой Корея, направленной на укрепление мира на Корейском полуострове, а также поддерживает позицию Сеула в мирном урегулировании ядерной проблемы Северной Кореи путем диалога.

Казахстан вступил во Всемирную торговую организацию в 2015 году, и Южная Корея активно способствовала этому важному политическому акту для Казахстана. В том же году была согласована безвизовая процедура взаимных визитов граждан обеих стран.

Для Казахстана отношения с Республикой Корея на данном этапе, с учетом ее экономического и политического потенциала, а также масштабов присутствия Южной Кореи в национальной экономике, носят характер стратегического партнерства. Опыт социально-экономических преобразований, проведенных в Южной Корее, очень ценен для нашей страны.

В свою очередь, Республика Корея желает получить доступ к казахстанским природным ресурсам и продавать здесь свою промышленную продукцию. Конечно, рынок в Казахстане сегодня довольно узок, но после создания ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан) ситуация в этом отношении радикально изменилась и взаимовыгодное сотрудничество между государствами имеет хорошие перспективы и значительный потенциал развития на благо народов обеих стран.

В настоящее время наиболее перспективным является двустороннее сотрудничество в следующих областях: нефтехимия, энергетика (в том числе энергосберегающие и экологически чистые технологии, альтернативные источники энергии), строительство, агропромышленный сектор (в том числе производство экологически чистых продуктов питания) и здравоохранение.

Основными статьями экспорта из Казахстана в Республику Корея являются сырье: феррохром, ферросилиций, урановый концентрат, сталь и металл, золото и серебро, соединения натрия и другие виды химического сырья. В структуре импорта из Южной Кореи преобладает электроника, в том числе аудио- и видеоаппаратура, телевизоры, цифровые компьютеры и аксессуары, полиэфирные и связанные с ними нефтехимические материалы, телекоммуникационное оборудование, кондиционеры, витрины, а также текстильная и бумажная продукция, фармацевтическая и пищевая продукция и различные потребительские товары. Это указывает на заинтересованность Южной Кореи, не обладающей богатыми природными ресурсами, в их импорте из Казахстана.

Энергетика также является чрезвычайно перспективным направлением совместной деятельности Казахстана и Кореи, которое может стать краеугольным камнем, способствующим развитию тесного и взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время поставки нефти и нефтепродуктов из Казахстана в Южную Корею незначительны. После строительства газопровода Западный Казахстан - Западный Китай и двух газопроводов в Китай из Туркменистана и Узбекистана есть хорошие шансы на создание единой энергетической инфраструктуры и выхода через КНР на энергетический рынок в Южной Корее и Юго-Восточной Азии в целом.

Пак Кынхе встречает Нурсултана Назарбаева в Сеуле. 2016 год

Отношения активно развиваются в русле межпарламентского сотрудничества. Так, в 2008 году депутаты Мажилиса Парламента Казахстана приняли участие во втором парламентском семинаре Конференции парламентариев по окружающей среде и развитию, который состоялся в Сеуле.

Парламентские контакты могут стать своего рода институциональным механизмом, который способствует укреплению дружбы между Казахстаном и Республикой Корея. Как известно, в Сенате парламента Казахстана существует группа по сотрудничеству с Южной Кореей, а в парламенте Кореи - Ассоциация дружбы с парламентариями Казахстана.

В сфере внешней политики двусторонние отношения между Нурсултаном и Сеулом также очень важны в контексте установления и развития сотрудничества между Казахстаном и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Позиция Казахстана по ключевым международным вопросам не выходит за рамки внешней политики страны, направленной на обеспечение стабильности и формирование добрососедских отношений со всеми государствами мира. Эта позиция аналогична позиции руководства Республики Корея и ее политики, основанной на принципах мирного урегулирования межгосударственных конфликтов, запрещения применения ядерного оружия и т.д.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Республика Корея традиционно активно проводит внешнюю политику, стремясь стать одной из ключевых стран для интеграции нескольких многосторонних региональных форумов, таких как АСЕАН, АСЕАН + 3 (включая, помимо 10 стран в АСЕАН, Китай, Япония и Республика Корея), АТЭС. В этих учреждениях Сеул добивается принятия важных политических документов, определяющих общие подходы к безопасности, декларирующих принципы уважения суверенитета и территориальной целостности, равенства, разрешения споров исключительно мирными средствами, невмешательства во внутренние дела друг друга, отказ от применения силы или угрозы применения силы.

В этом плане одной из наиболее перспективных областей партнерства является сотрудничество с Республикой Корея в контексте региональной интеграции и сотрудничества в АСЕАН. Активность в данном региональном форуме, по сути, является практически единственным из основных способов включения Казахстана в интеграционные структуры Восточной Азии, чему в значительной степени препятствует удаленность страны от рассматриваемого региона.

Касыжомарт Токаев встречает Мун Чжэина в Нур-Султане. Апрель 2019 год.

Не менее важным является участие Сеула как влиятельного международного игрока в деятельности Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). На втором саммите глав государств СВМДА в 2006 году Сеул получил полноправное членство в этом форуме.

С одной стороны, это способствует повышению авторитета и веса СВМДА как регионального форума. С другой стороны, Сеул как влиятельный международный игрок может сыграть позитивную роль в процессе решения многих нерешенных вопросов международной и региональной безопасности и стабильности.

Развивая сотрудничество с Республикой Корея по линии СВМДА, Казахстан мог бы внести свой вклад в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове и расширения межкорейского диалога. В целом, отношения с Сеулом, учитывая его политический и экономический потенциал, а также масштабы его присутствия в экономике Казахстана, предоставляют для нашей страны большие возможности для развития. Правовая основа сотрудничества между двумя странами обширна и включает межправительственные соглашения о культурном, научном и техническом сотрудничестве, сотрудничестве в области образования, компьютеризации, связи, энергетики, минеральные ресурсы и др.

Сегодня практически в каждом крупном университете Казахстана студенты изучают корейский язык и литературу, а также другие специальные кореведческие предметы. В казахстанских вузах работают десятки южнокорейских профессоров. В то же время казахский и русский языки преподаются во многих университетах Республики Корея. В КазУМОиМЯ им. Абылай хана ежегодно дестяки студентов из Южной Кореи проходят стажировку для изучения казахского языка и преподавания корейского. Также на базе КазУМОиМЯ им. Абылай хана функционирует Центр Кореведения, ставший научно-образовательным хабом кореведческих исследований в Центральной Азии. С другой стороны, казахстанские учителя, студенты, студенты и докторанты также успешно изучают и совершенствуют корейский язык в университетах Южной Кореи.

Придя к власти, администрация нового президента Кореи Мун Чжэина инициировала

новую программу под названием «Новая северная политика». Как известно, первая «северная политика» была инициирована в конце 1980-х годов во время правления Ро Дэу, благодаря которой Южная Корея наладила интенсивные контакты с Китаем и СССР. Последующие администрации в Республике Корея также уделили особое внимание этой политике. Благодаря этим усилиям границы пространства экономического сотрудничества Кореи расширились до Центральной Азии и Монголии.

Казахстан занимает важное место в центральноазиатском направлении внешней политики Сеула. В частности, с 2017 года в двусторонних отношениях между Казахстаном и Кореей наблюдается определенная положительная тенденция, обусловленная рядом обстоятельств, таких как, например, проблема ядерного нераспространения. Став непостоянным членом Совета Безопасности ООН, Казахстан, среди прочего, активно продвигал вопрос урегулирования ситуации на Корейском полуострове. С высокой трибуны ООН представители Казахстана неоднократно предлагали свои посреднические услуги для установления конструктивного диалога между заинтересованными сторонами по северокорейской ядерной программе.

Особо следует отметить, что Казахстан приветствует восстановление межкорейского диалога и соглашения о новых встречах на высшем уровне между Республикой Корея и КНДР в области многостороннего сотрудничества. По словам министра иностранных дел Казахстана, Нурсултан ожидает больших результатов от продолжения межкорейских переговоров и надеется, что эти новые встречи станут прорывом в улучшении отношений между двумя государствами и снижении напряженности на Корейском полуострове.

В конце 2017 года товарооборот между Казахстаном и Южной Кореей сразу увеличился в 2,5 раза до 1,7 миллиарда долларов. Машины и автомобили играют большую роль в структуре экспорта Южной Кореи, в то время как нефть и ядерное топливо в основном поставляются из Казахстана. В то же время Казахстан экспортирует в Корею больше всех центрально-азиатских стран - около 1 миллиарда долларов.

По официальным данным, сегодня в Казахстане действуют более 400 корейских компаний, основной деятельностью которых является производство, торговля и строительство. Кроме того, в химической, энергетической и автомобильной промышленности работают 27 совместных казахстанско-корейских компаний.

Несмотря на позитивную динамику сотрудничества между странами, рост экспорта во многом был обусловлен увеличением поставок нефти в Корею, а корейские инвестиции сконцентрированы в энергетическом секторе Казахстана. Поэтому важной проблемой является необходимость диверсификации инвестиционного сотрудничества с Южной Кореей.

Кроме того, в настоящее время в рамках новой стратегии Южной Кореи разработано 56 проектов, из которых один - создание Большой Алматинской кольцевой дороги - предназначен для Казахстана.

В то же время потенциальные области для расширения сотрудничества весьма разнообразны: они включают развитие инфраструктурных проектов (строительство автомобилей и железнодорожных проектов), инноваций и цифровых технологий, ИКТ, зеленых технологий, модернизации государственного управления, развитие электронного правительства, туризма, фармацевтики и др.

Подводя итог, можно сделать вывод, что есть все основания положительно оценивать развитие двусторонних отношений между Казахстаном и Республикой Корея за последние 28 лет и наблюдать их растущий динамизм и перспективы. Эти дружеские отношения затрагивают практически все сферы жизни в обеих странах. Казахстан уже привык надежной к бытовой технике, автомобилям, медикаментам и т.д. из Южной Кореи. Республика Корея в СВА рассматривается Казахстаном как один из главных партнеров в создании реального информационного общества в стране.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какими были первые шаги двухстороннего сотрудничества между Казахстаном и Южной Кореей?
2. Кто из президентов Республики Корея посещал Казахстан?
3. Какой документ является правовой основой отношений Казахстана и Южной Кореи?
4. Какими являются основные принципы взаимоотношений Казахстана и Южной Кореи?
5. В каких сферах ведется наиболее активное сотрудничество между двумя странами?
6. Каковы перспективы сотрудничества Южной Кореи и Казахстана в сфере энергетики?
7. Какие диспропорции сегодня существуют в экономических отношениях между Республикой Казахстан и Республикой Корея?

15 Внешняя политика КНДР с 1948 г. по нынешнее время

Крах Женевской конференции по мирному решению корейского вопроса окончательно определил два диаметрально противоположных направления в направлении внешней политики КНДР и Республики Корея. Каждый из них вновь провозгласил свои исключительные приоритетные права на восстановление национальной целостности разделенной нации.

На пленуме ЦК правящей Трудовой партии 3 октября 1954 г., освещая эту проблему, Ким Ирсен заявил, что теперь в условиях мирного сосуществования потребуется долгий, трудный и напряженный период для становления КНДР как опорной базы революции в масштабе всего Корейского полуострова, восстановления и модернизации народного хозяйства, наконец, создания влиятельной и сильной революционной партии на Юге. «Тезисы о характере и задачах нашей революции» очередной труд северокорейского лидера свет вышел в апреле 1955 г. В нем были поставлены следующие основные задачи: разгромить «агрессивные силы американского империализма» и их южнокорейских союзников; освободить народ Юга от «империалистического и феодального гнета и эксплуатации»; добиться демократического объединения родины и полной национальной независимости. Борьба с империализмом США и их приспешниками в лице Ли Сынмана была истолкована как стратегическая задача «антиимпериалистической революции на всей территории Кореи».

В декабре 1955 года Ким Ирсен, выступая на партийно-государственном активе с докладом о борьбе с догматизмом и внедрением принципов чучхе в идеологическую работу ТПК, рассказал о двух возможных вариантах воссоединения Кореи. Первая из них была связана с неуклонным ростом сил мира, демократии и социализма в международном масштабе, уходом США из Южной Кореи, что могло бы открыть мирный путь для преодоления национального раскола. Второй вариант - «не мирный, а военный путь» или «война против империализма в глобальном масштабе», в том числе на Корейском полуострове. Хотя второй, «военный путь» нежелателен, отметил Ким Ирсен, он не должен быть полностью исключен.

На третьем съезде ТПК в апреле 1956 года была принята политическая декларация «За мирное объединение родины», в которой содержались следующие основные положения: корейский вопрос должен решаться «в соответствии с волей корейского народа на демократических основаниях». На основе общекорейских выборов должно быть сформировано «единое корейское правительство». Затем представители партий и организаций из обеих частей Кореи созывают общеполитическое совещание с целью создания единого фронта, и временное прекращение огня становится прочным миром, ослабляется напряженность, устанавливаются широкие обмены между Севером и Югом, «общекорейский постоянный комитет» создается представителями парламентов, правительств, политических партий Севера и Юга, созывается к новая международная конференция по корейскому вопросу. Конечно же ни КНДР, ни Республика Казахстан не заключают военных союзов с другими государствами.

Ким Ирсен на стрече с вьетнамским лидером Хо Ши Мином. 1958 год.

В июне 1956 г. партийно-государственная делегация КНДР посетила СССР и страны Восточной Европы. В беседах с советским лидером Н.С.Хрущевым Ким Ирсен выразил официальное согласие с необходимостью преодоления культа личности в КНДР и развития внутрипартийной демократии. В то же время он обратился к советскому руководству с настойчивыми просьбами: списать финансовые долги за военные поставки; отсрочить оплату других займов; предоставить дополнительные кредиты для оплаты поставок в КНДР новых партий промышленного оборудования и товаров народного потребления.

Позиция советского руководства была однозначной - помочь без каких-либо условий решить проблемы, поднятые правительственной делегацией КНДР. При предыдущей бесплатной помощи 1 млрд руб. была выделена новая бесплатная помощь в размере 300 миллионов рублей. Треть этой суммы должна была быть потрачена на покупку машин и оборудования. Это означало, что советские лидеры предполагали, что Северная Корея, как восточный форпост мирового социализма, будет продолжать придерживаться внешнеполитической позиции Москвы.

Однако, вернувшись домой, Ким Ирсен дал совершенно иную интерпретацию культа личности. Во-первых, критика сталинского культа была интерпретирована им как чисто внутреннее дело КПСС. А во-вторых, по его мнению, проблема культа личности затрагивает только прошлое ТПК и связана исключительно с именем Пак Хонёна (корейский революционер, руководитель Трудовой партии Южной Кореи, первый министр иностранных дел КНДР), уже приговоренного к смертной казни 18 декабря 1955 года. Все это было сказано в закрытом письме в ЦК ТПК, разосланном всем низовым партийным организациям. В письме также критиковалось «механическое подражание всему советскому», «служение всему иностранному». В сентябре 1956 года делегация КПСС во главе с А.И. Микояном прибыла в Пекин на седьмой съезд Коммунистической партии Китая и обсудила с Мао Цзэдуном тревожную ситуацию в КНДР. Суждение лидера КНР, сыгравшего решающую роль в сохранении КНДР как государства в Корейской войне 1950–1953 гг. было однозначным: «Ким Ирсен «проиграл глупую войну, в целом действует посредственно, его нужно убрать». Кроме того, Мао предложил направить совместную советско-китайскую делегацию в Пхеньян для экстренного пленарного заседания ЦК ТПК, чтобы понять, что там происходит, и, в случае необходимости, заменить Ким Ирсена на «более приемлемую фигуру».

Однако, как отмечают российские историки, миссия Микояна - Пэн Дэхуая фактически закончилась неудачей. Ситуация с Ким Ирсеном не изменилась. Наоборот, он почувствовал себя неуязвимым. Вскоре в Корейской Народно-Демократической Республике началась новая чистка, которая переросла в массовые репрессии и продолжалась до середины 1960-х годов. Не было реальной возможности позитивных изменений в Корейской Народно-Демократической Республике и смягчения конфликта на Корейском полуострове.

Ким Ирсен и кубинский революционер Че Гевара. 1960 год.

Ким Ирсен умело отражает политический и дипломатический натиск Москвы и Пекина и постепенно берет на себя инициативу по дальнейшему развитию отношений с СССР и Китаем. После получения внушительной финансовой, экономической и военной помощи от СССР руководство Северной Кореи стремилось заключить союзническое соглашение между двумя странами. Советская дипломатия изначально рассматривала концепцию подписания такого межправительственного документа как нереалистичную и даже опасную в контексте раскола в Корее, отсутствия мирного договора и растущей конфронтации в регионе Северо-Восточной Азии. Эта позиция была подкреплена тем фактом, что КНДР может выпасть из списка народно-демократических государств, если будет достигнут компромисс по воссоединению Кореи на основе Ялтинского и Потсдамского соглашений. Аналогичного мнения в то время придерживался Н. С. Хрущев, который считал, что союзнический, то есть военный блок с КНДР не был необходим.

Однако под влиянием внешних обстоятельств (ускоренное развитие южнокорейско-американских военных отношений) КНДР смогла в 1958 году убедить советских руководителей продолжить работу над этим документом. Первоначально дата его подписания была зафиксирована в 1959 году в Пхеньяне, затем была перенесена на сентябрь 1960 года. Н.С. Хрущев должен был прибыть в северокорейскую столицу и, когда он встретился, более миллиона жителей столицы и пригородные деревни должны были быть выведены на улицы Пхеньяна. Однако советский лидер не приехал в Пхеньян под предлогом занятости подготовкой к встрече с американским президентом Д. Кеннеди и подписание советско-корейского договора состоялось почти год спустя, в июле 1961 года в Москве.

Заключение договора о союзе между КНДР и СССР 6 июля 1961 года, без сомнения, было значительным достижением северокорейской дипломатии. Чрезвычайно лаконичный текст 6 статей, подписанных Н. С. Хрущевым и Ким Ирсеном, был в целом составлен в духе таких соглашений, которые Москва подписала с другими социалистическими странами Восточной Европы и Азии, включая Китай. Но его первая основная статья была более категоричной и универсальной. Если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется вооруженному

нападению со стороны третьего государства и, следовательно, будет находиться в состоянии войны, другая Договаривающаяся Сторона должна немедленно оказать военную и другую помощь всеми доступными средствами - основной посыл первой статьи.

Пхеньян и Москва также договорились не участвовать ни в одной коалиции, направленной против одной из сторон, постоянно консультироваться по всем ключевым международным вопросам, последовательно соблюдать принципы мирного сосуществования государств и прилагать все усилия для объединения Кореи мирным и демократическим путем.

Встреча Ким Ченира и .Председателя КНР Ху Цзиньтао в августе 2010 года.

При подготовке договора о союзе Н.С. Хрущев сделал важные замечания, которые показали, что подписание договора между СССР и КНДР уравновешивало силы Юга и Севера. Если Юг угрожает ракетным оружием, советские ракетные установки на Дальнем Востоке могут противодействовать этому. Они могут атаковать как американские базы в Японии, так и базы в Южной Корее. Если СССР сможет договориться с США, то можно будет говорить и об аннулировании военных договоров на Корейском полуострове. Все это означало, что советские лидеры, поддерживая процесс объединения на полуострове, не исключали распространения принципа международного нейтралитета на Корею.

В то же время, подписав соглашение об альянсе с СССР, северокорейское руководство намеревалось подписать аналогичный документ с Пекином, чтобы сбалансировать свою позицию между Москвой и Пекином. Важной предпосылкой для этого было соглашение между двумя сторонами во время визита премьер-министра Китая Чжоу Эньлая в Пхеньян в феврале 1958 года, когда было решено, что к концу 1958 года вся группа «китайских народных добровольцев» (КНД) будет выведена из КНДР независимо от того, будут ли выведены другие иностранные войска из Южной Кореи или нет. В специальном заявлении, выпущенном командованием КНД 20 февраля 1958 года, была сделана оговорка, что, если империалисты и их приспешники решат начать «агрессивную войну» в Корее, китайский народ без каких-либо задержек и колебаний отправит своих лучших сынов и дочерей, которые вновь пересекут реку Ялуцзян, чтобы совместно с Корейской народной армией разгромить агрессора.

Двусторонний договор союзников о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и Китайской Народной Республикой был подписан 11 июля 1961 года. Его содержание аналогично советско-северокорейскому документу. Но Пхеньян и Пекин, основываясь на этом договоре, провели серию закрытых переговоров (1963) по пограничному соглашению. В то же время стороны отказались от демаркации водной границы вдоль гипотетической «средней линии» и согласились на разграничение в соответствии с тремя основными принципами: совместное владение, совместное управление и совместное использование

Ялуцзяна и Тумангана. В этих реках примерно 80% островов находились под юрисдикцией КНДР, в том числе самые крупные. Китайская сторона признала право северокорейцев контролировать транспортные маршруты, то есть вход и выход из бассейна реки Ялу, при условии предоставления китайским судам свободного плавания по этому маршруту.

После заключения трех союзных договоров (СССР - КНР, КНДР - СССР, КНДР - КНР) в Северо-Восточной Азии возникла крупная военно-политическая коалиция, которая дала значительные преимущества Пхеньяну. Исходя из ракетно-ядерного потенциала СССР и Китайской Народной Республики, Пхеньян мог позволить себе не только воинственную риторику, но и конкретные меры, такие как, например, задержание иностранных военных кораблей вблизи территориальных границ (инцидент с разведывательным судном «Пуэбло» ВМС США в январе 1968 г.). В то же время Ким Ирсен постепенно дистанцировался от Москвы и Пекина, перенеся акцент на принципы чучхе в проведении не только внутренней, но и внешней политики.

КНДР до середины 1960-х годов ориентировалась во внешней политике на страны социалистического лагеря, главным образом на СССР и Китай. Однако советско-китайское размежевание поставило перед дилеммой, кого поддерживать в Пхеньяне: СССР или Китай. В начале китайско-советского спора Северная Корея заняла нейтральную позицию и затем в зависимости от ситуации опиралась на Китай или советскую сторону.

На 5-м Съезде ТПК в 1970 году Ким Ирсен объявил курс к полной самостоятельности и независимости во внешней политике. КНДР делает акцент на укрепление связей с так называемыми странами «третьего мира», Движением неприсоединения (ДН). Объявлена борьба в защиту независимости, против «доминионизма» - по определению Ким Ирсена означает - попрание независимости других стран. Государством, принявшим политику «доминионизма», в КНДР считали прежде всего Соединенные Штаты. Провозглашались требования пересмотреть старый международный уклад и создать новый мировой порядок. В 1975 году КНДР стала членом Движения неприсоединения. Попытки Сеула присоединиться к Движению неприсоединения не увенчались успехом.

В 1970-х годах Северная Корея, следуя тезису «превращения всего мира в независимый мир», установила активные политические отношения со странами «третьего мира», особенно с государствами Африки. С некоторыми из них подписаны соглашения о дружбе и сотрудничестве (Мозамбик, Мадагаскар, Центрально-африканская империя, Гвинея и др.). КНДР пытается использовать скромную экономическую помощь этим странам для укрепления своих позиций в Африке. В ряде африканских стран строятся небольшие промышленные объекты, стадионы, штаб-квартира правящих партий и ирригационные сооружения. Общий объем экономической помощи Африке к 1970 году составил около 300 млн. долл. США.

КНДР оказывала политическую и материальную поддержку африканским и азиатским национально-освободительным движениям СВАПО, ООП и развивала военное сотрудничество с Алжиром, Ливией, Мадагаскаром, Сирией и другими странами.

Политические, экономические и военные связи Пхеньяна с развивающимися странами активно используются для пропаганды «корейского социализма», идеологии чучхе-кимирсенизма. За счет Пхеньяна в этих странах были созданы «кружки» для изучения идей

Ким Ченын и Мун Чжэин в апреле 2018.

«кимирсенизма». В конце 1970-х годов в государствах третьего мира, главным образом в Африке, было более 300 таких обществ, на которые КНДР выделяло финансирование до 200 миллионов долларов США в год.

В конце 1990-х и начале 2000-х годов КНДР резко активизировала свою дипломатическую деятельность. Пхеньян установил отношения почти со всеми государствами Западной Европы (кроме Франции). В 2007 году КНДР поддерживала дипломатические отношения с более чем 160 странами мира.

Власти КНДР пришли к выводу, что для самой Северной Кореи было бы полезно поддержать усилия по формированию многополярной модели современного мирового порядка. В этой модели Пхеньян видит возможность ослабить американское давление, подорвать попытки США установить полную гегемонию в международных делах и защитить свое право на безопасное существование.

КНДР ратует за укрепление роли ООН и ее Совета Безопасности в поддержании мира и стабильности. В то же время Северная Корея находится в лагере тех, кто поддерживает идею расширения полномочий Генеральной Ассамблеи ООН, предоставляя ей право контролировать Совет Безопасности ООН.

Северная Корея поддерживает решительную борьбу международного сообщества против международного терроризма. КНДР присоединилась к Конвенции о пресечении терроризма и предупреждении случаев похищения заложников. Северная Корея также поддерживает меры по борьбе с ядерным терроризмом. КНДР приняла решение остановить дальнейшее пребывание на своей территории представителей японской экстремистской организации «Красная армия», которые в конце 1960-х гг. получили политическое убежище.

В Северной Корее решительно осуждают военные акции американцев в Афганистане и Ираке, высказываясь также против двойных стандартов в определении субъектов международного терроризма.

Северная Корея по-прежнему считает Движение неприсоединившихся государств важным фактором международных отношений, выступает против его деполитизации, поскольку оно усиливает свою роль в мировых делах, расширяет сотрудничество, основанное на коллективные опоры на собственные силы, для установления нового международного экономического порядка и списани долгов бедных стран. Также КНДР продолжает рассчитывать на поддержку Движения неприсоединения в своих усилиях по объединению Кореи.

У Северной Кореи двойственная позиция по вопросам разоружения. С одной стороны, она заявляет о своей приверженности идее всеобщего и полного разоружения, с другой стороны,

проводит ядерное испытание и объявляет себя ядерной державой. КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия, негативно относится к Договору о запрещении ядерных испытаний и расторгла соглашение о гарантиях МАГАТЭ.

Северная Корея более осторожна в вопросах, касающихся Азиатско-Тихоокеанского региона, и участвует в деятельности АРФ (Региональный форум АСЕАН) и АТСБ (Азиатско-Тихоокеанский форум по безопасности), но не проявляет особой активности в деятельности этих структур.

КНДР активно выступает против Запада в вопросах прав человека, не принимает принцип универсальности прав человека и не признает ряд международных договоров на этот счет. В 1997 году Северная Корея вышла из международной конвенции о гражданских и политических правах.

Несмотря на все особенности внешней политики КНДР, следует отметить, что она в основном ориентирована на решение главных своих задач - сохранение государственности Северной Кореи, укрепление позиций страны в противостоянии с США и их союзниками, приемлемое решение ядерной проблемы, нормализация отношений с Соединенными Штатами Америки и Японией, поддержание тесных взаимоотношений с КНР и стабильных связи с РФ. Эти проблемы останутся в центре внимания внешней политики КНДР в ближайшем будущем.

Контрольные вопросы и задания:

1. Какие внешнеполитические задачи были поставлены в «Тезисах о характере и задачах нашей революции» Ким Ирсена?
2. Какие положения содержала политическая декларация «За мирное объединение родины» 1956 года?
3. С какими просьбами посетил Ким Ирсен СССР в июне 1956 года?
4. Почему СССР не стремилось к формированию военного блока с КНДР?
5. Каков был результат визита премьер-министра КНР Чжоу Эньлая в Пхеньян в феврале 1958 года?
6. На какие страны ориентировалась КНДР до середины 1960-х?
7. С какой целью КНДР установила активные политические отношения со странами «третьего мира» в 1970-х?
8. На какие цели ориентирована сегодня внешняя политика КНДР?

Список использованных источников

1. Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. — СПб.: Питер, 2005. — 448 с.
2. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 688 с.
3. Хмылев В.Л. Современные международные отношения: Учебное пособие. - Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. - 210 с.
4. Борисов А.Ю., Клейменова Н.Е., Наринский М.М. — История международных отношений: В трех томах.- Издательство "Аспект Пресс" – 2017
5. Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. М.: Международные отношения, 2004.
6. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: С древнейших времен до 1904 г. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.) — М.: Наталис, 2011. 533 с.
7. Хан В. С. История Кореи – Ташкент: «Baktria press», 2013. 128 с.
8. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. унта, 2009. — 680 с.
9. История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. М., 1998.
10. Торкунов А.В. Денисов В.И. Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 544 с.
11. Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2014. — 318 с.
12. Ланцова И. С. Государства Корейского полуострова в международных отношениях (конец XX – начало XXI вв.) / под науч. ред. Б. А. Ширяева. — СПб.: СПбГУ, 2013. — 247 с.
13. Ли Г.Б. История Кореи: новая трактовка – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2000. – 464 с.
14. Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд / Пер. с корейского под ред. М.Н. Пака. — Издательская фирма Восточная литература Москва, 2010. —758 с.
15. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. - 278 с.
16. Peace Building on the Korean Peninsula and the World Order / ed. by Yoon Bae Kim, Yoon Jae Kim. Seoul, Korea, 2005.
17. Steve Smith, Amelia Hadley and Tim Dunne (eds), Foreign Policy:

Список использованных источников

Theories, Actors, Cases, 1st ed., Oxford: Oxford University Press, 2008.
18. Milani, Marco, Antonio Fiori, and Matteo Dian, eds. The Korean Paradox: Domestic Political Divide and Foreign Policy in South Korea/ Routledge, 2019.

УДК 338 (100-87)
ББК 65.9
С 83

"This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250007)"

С 83 **Страноведение: Внешняя политика Кореи:** учебное пособие / авт.-сост.: Н.С. Пак, Чан Ходжон, Н.Ч. Хан [и др.]. Алматы: Центр корееведения КазУМОиМЯ. 2020. 228 с.

ISBN 978-601-270-461-7

Предлагаемое учебное пособие «Страноведение: Внешняя политика Кореи» состоит из лекционного курса и практических заданий, рассчитанных на 15 недель. Содержание лекций отражает внешнеполитическую деятельность Кореи начиная с ранних корейских государств до современности. Пособие будет интересно студентам бакалавриата изучающих историю и культуру Кореи, а также международные отношения в Восточной Азии.

УДК 338 (100-87)
ББК 65.9

ISBN 978-601-270-461-7

Copyright © 2020, Center for Korean Studies KazUIR&WL

СТРАНОВЕДЕНИЕ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОРЕИ

Учебное пособие

Составители:
Пак Нелли Сергеевна, Чжан Ходжонг, Хан Нелли Чанировна, Кутулуков Ширзат Пархатович, Ким Ульяна Андреевна, Курманбекова Валентина Алексеевна, Борантаева Фариза Жанбакытовна, Каиркенова Гульназ Ораловна, Оспанова Маржан

Издание подготовлено к выпуску Центром корееведения КазУМОиМЯ им. Абылай хана г. Алматы, ул. Толе би, 84, cks@ablaikhana.kz, http://www.canks.asia

Отпечатано с готовых файлов заказчика

Подписано в печать 17.05.2020. Формат 84/108$^{1/16}$
Бумага офсетная. Объем 11.9 п.л.
Заказ № .... Тираж 300 экз.

Издательство «Полилингва» КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru